Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)

АФОН И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

(ОБЗОР ЦЕРКОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ)

ЧАСТЬ II

Карея

Карея является монашеской столицей Святой Горы, лежащей почти в самом центре Афона. Здесь находится кинот — высший административный орган, состоящий из представителей всех афонских обителей, по одному от каждого монастыря. В киноте обсуждаются и решаются общие дела Афона, составляются акты и заключаются договоры между обителями. Сегодня, как и в прошлом, паломники, прибывающие на Афон, должны, согласно уставу Святой Горы, явиться в Карею за получением «диамонитириона» — разрешения на посещение монастырей.

Между Афоном и Россией издавна существовали тесные литературные связи, о чем можно судить по содержанию многочисленных рукописей, находящихся в отечественных книгохранилищах. В одной из них, озаглавленной «Об Афонской Горе и тамошних монастырях» [1], приводится географическое описание Святой Горы и перечисляются все ее обители. По мнению покойного профессора Ленинградской Духовной Академии А. И. Иванова (1890—1976) [2], это сочинение можно отнести к ранним произведением Максима Грека (1480—1556), который некоторое время подвизался на Афоне в Ватопедском монастыре, а в 1515 году был приглашен в Россию, куда отправился в качестве переводчика. Далее из этой рукописи можно почерпнуть сведения о Карее и о том, как в этот центр Афона «съезжаются все игумены, призвани от него, егда нужа котора служится всей Святей Горе: или монастырю которому, и думают единомыслием, как избудут случившыася нужы и беды от злых человеков» [3].

Но для исследователей Карея интересна не как административный центр Афона, но в первую очередь как одно из древних книгохранилищ Святой Горы. Самая древняя рукопись, сохранившаяся в библиотеке Кареи, — это грамота, данная ее Протату византийским императором Иоанном I Цимисхием (969—976) в 971/972 гг. [4]. В русской литературе об этой рукописи стало известно со слов паломника Василия Григоровича-Барского, который впервые посетил Афон в 1726 г., а в записях о своем втором посещении Святой Горы в 1744 году упомянул об этом манускрипте. «В библиотеке Протата, — писал В. Г.-Барский, — есть хризовул Мануила, царя греческого, тамо хранимого в скевофилакии, от великой древней синодальной грамоты нарицаемой Трагос, си есть козел, понеже есть пергамент соделан от кожи козла превелик, на нем же написаны суть все древние уставы, чины и обыкновения горы Афонской» [5].

В Карее была написана большая часть произведений основоположника сербской литературы святителя Саввы (1169—1237). Бывая часто по делам Хиландарского монастыря в Карее, святитель Савва Сербский построил там келлию, или «молчальницу» (исихастерий), с небольшой церковью во имя своего покровителя — преподобного Саввы Освященного. Устроив это «место безмолвия» сначала лично для своих аскетических подвигов и размышлений, а позднее «в жилище двум или трем искусным подвижникам», святитель Савва написал там одно из самых своих ранних произведений — «Карейский Типик» (1199). Его подлинник хранился раньше в самой «молчальнице», но теперь он составляет одно из самых лучших украшений библиотеки Хиландарского монастыря.

Русские паломники, посещавшие Карею, в своих записях постоянно упоминали о «Карейском Типике», поскольку он вызывал у них особый интерес своей древностью: «В Карее — типикарница — келья, устроенная еще святым Саввой Сербским и снабженная от него особенным уставом — Типиком, — писал один из паломников. — Он

здесь хранится и показывается желающим видеть его. Он написан по-славянски на довольно длинном свитке из кожи и подписан собственноручно святителем Саввой» [6].

Дальнейшее развитие литературных традиций в Карее связано с именем знаменитого Доментиана — ученика и последователя святителя Саввы. После кончины святителя Саввы он поселился в Карейской келлии и здесь, руководствуясь собственными воспоминаниями, а также свидетельствами других монахов, написал «Житие Саввы». Двадцать лет спустя, когда он стал духовником Хиландарского монастыря, по его просьбе грамматик Феодор переписал по-сербски в 1262—1363 гг. болгарскую рукопись «Шестоднева». В то же время и сам Доментиан работал над «Житием святого Симеона», которое закончил в 1264 году.

В XVI столетии для юго-восточных славян наступили тяжкие времена, поскольку к этому времени турки полностью подчинили себе Балканский полуостров. Но, преследуя здесь Православную Церковь и носителей славянской культуры, турки все же не решились захватить Святую Гору и предоставили ее насельникам сравнительно сносные условия существования. В связи с этим еще более возросло значение Афона как места, где по-прежнему сохранялись древние православные традиции и рукописные богатства. Такие монастыри, как Хиландар, Зограф, Пантелеимоновский (Руссик) и обитель святого Павла собирали в своих стенах памятники славянской письменности, повсеместно искореняемой турецкими завоевателями. Поэтому неудивительно, что большинство сербских и отчасти болгарских рукописей XV—XVII вв. принадлежат перу афонских переписчиков.

Православная Россия гостеприимно принимала посланцев Святой Горы, которые, наряду со щедрыми материальными пожертвованиями, имели здесь возможность приобретать и некоторые древние рукописи для того, чтобы по приезде на Афон приумножать там сокровища славянской письменности. Одним из таких паломников, побывавших в России, был хиландарский архимандрит Григорий, который окончил свои дни в келлии святого Саввы в Карее, где он занимался переводом книг с русского на сербский язык. Ему принадлежит перевод на сербский книги Иосифа Флавия «Иудейские древности» с русского извода, причем переводчик заметил о себе следующее: «Аз же монастырским посланием и вторицею бых в русских землях у благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича, во иноцех Ионы монаха, и многих царских щедрот и милости восприяхом, ему же буди вечная память» [7]. В пространной записи этого писца от 1585 г., который называет себя «убогим Григорием», в схиме «Василием священноиноком», повествуется о том, как он в Москве приобрел «книгу Иосипа премудраго иже от евреи», а затем, по возвращении на Святую Гору, переписал ее «В пиргу (башне. — *Авт.*) святаго Сави в Кареах» [8]. Таким образом, согласно заповеди святителя Саввы, Карея по-прежнему оставалась местом постоянных литературных трудов монашеской братии.

Известно, что в XVII—XIX вв. имел место интенсивный процесс эллинизации славянских монастырей на Афоне. И число насельников-славян в этих обителях стало постепенно убывать. Но и в этих сложных условиях литературное наследие славянской культуры продолжало здесь обогащать общеправославные традиции. Так, например, один из образованных афонских иноков — Никодим Святогорец, грек по происхождению, в начале XIX века издал Синаксарь на новогреческом языке. Никодим Святогорец был первым из греческих исследователей, который включил в этот сборник жития славянских святых. И в этом благотворном начинании ему также помогали рукописные сокровища Кареи. Излагая житие святителя Климента Болгарского, Никодим Святогорец писал, что при его составлении он пользовался рукописью, найденной им в афонском Протате [9], то есть в Карее.

В сентябре 1844 года на Афон прибыл профессор Казанского университета Виктор Иванович Григорович. Перед ним была поставлена задача исследования рукописных памятников Святой Горы «в отношении этого достопримечательного места к посещению славянскому, особенно в эпоху его крещения». В течение своего четырехмесячного пребывания на Афоне В. И. Григорович посетил ряд святогорских обителей и смог также ознакомиться с книгохранилищем Кареи. Вернувшись в Россию, В. И. Григорович, помимо научного отчета о своей поездке, написал книгу «Очерк путешествия

по европейской Турции», где, в частности, упомянул о своих изысканиях в Карее.

Особое внимание В. И. Григорович предполагал уделить архиву Протата, так как, пользуясь многочисленными грамотами и актами, хранящимися там, можно было бы уточнить и дополнить сведения, повествующие о возникновении монашества на Афоне, и, быть может, обогатить новыми фактами историю духовных связей святогорских обителей с Русской Православной Церковью. В. И. Григорович был уверен в том, что эти исторические документы сохранились в архиве Кареи, о чем он и писал в своем отчете: «Не подлежит никакому сомнению существование большого количества грамот в афонских монастырях... Всякий монастырь обладает ими в числе от 50 до 100... И это есть, так сказать, лишь частное богатство. Протату Афонскому, то есть главному месту управления монастырей, принадлежит целый архив документов с X до конца XV столетия» [10]. Его уверенность подкреплялась заверениями архимандрита Свято-Пантелеимоновского монастыря (Русика) отца Прокопия, с которым В. И. Григоровичу довелось беседовать на эту тему. По словам архимандрита Прокопия, в 1810 году он, с разрешения членов кинота, посещал книгохранилище Кареи и видел там тысячи древних документов. Но насельник другой афонской обители — архимандрит Зографского монастыря отец Анатолий — сообщил В. И. Григоровичу дополнительные сведения об этих рукописях. Оказалось, что во время национально-освободительной войны греческого народа против турок (1821—1831) монахи, жившие в Карее, вынуждены были спасаться бегством, и сундуки с документами были переданы в монастырь Кутлумуш, расположенный в получасе ходьбы от Протата.

В библиотеке Протата внимание В. И. Григоровича прежде всего привлек знаменитый «Карейский Типик», или «Устав святого Саввы»: «Типикарница святого Саввы Сербского, так называемая келлия, где безмолвствовал сей святитель, — имеет типик, писанный, кажется, собственной его рукой. Копию типика, измененную несколько в орфографии, я приобрел. Здесь над церковью святого Саввы находится помещение старца Типикара. Умолив его допустить меня обозреть келию, в нише довольно просторной, но чрезвычайно пыльной, я нашел 45 рукописей и 12 старопечатных славянских книг, которые, распадаясь от времени и небрежения, составляют, по словам старца, неотъемлемую собственность келлии» [11].

Рукописи, осмотренные В. И. Григоровичем во время его краткого посещения Кареи, были лишь частью того книжного собрания, которое сохранилось здесь к этому времени. Дело в том, что на протяжении первой половины XIX столетия на Афоне с научными целями побывали исследователи из различных стран Западной Европы, что, в свою очередь, было вызвано особыми причинами. Греческое восстание против турок, в котором приняли участие и афонские монахи, обратило внимание исследователей на судьбу этого оплота Православия, а сообщение о порче и уничтожении многих памятников древности во время десятилетнего пребывания турок в афонских монастырях (1821—1831) вызывало у ученых желание осмотреть то, что еще сохранилось, а при удобном случае приобрести и сберечь для науки хотя бы некоторую часть рукописей. Такие известные исследователи XIX века, как Гризебах, Цахарие, Фальмерайер, Кэрзон, Миханович и другие, в течение целого десятилетия занимались изучением афонских древностей. Многие из этих древностей были подробно описаны, сокровища многих монастырских библиотек были обнародованы. Но вместе с тем множество рукописей было вывезено с Афона: ими обогатились как частные собрания, так и многие из европейских библиотек. Покупка афонских рукописей совершалась очень легко благодаря бедственному положению монастырей, разоренных турками. Особенно пострадали при этом важные для истории Русской Православной Церкви собрания славянских рукописей в таких монастырях, как Пантелеимоновский (Руссик), святого Павла, Хиландар и Зограф, где жившие там греческие монахи, не имея особого интереса к истории славянских Церквей, не только продавали, но и просто раздавали рукописные сокровища путешествующим иностранцам [12].

Поэтому вполне понятно, что к середине XIX столетия книжные сокровищницы Святой Горы были довольно сильно истощены, и монахи, заведовавшие библиотеками,

старались оградить основную и самую древнюю часть рукописных собраний афонских обителей от постороннего взора. С каждым годом русским ученым-паломникам становилось все труднее получить доступ в монастырские книгохранилища. Тем не менее это не помешало с большим успехом потрудиться над описанием афонских рукописей выдающемуся деятелю Русской Православной Церкви архимандриту [впоследствии — епископу Порфирию (Успенскому); 1804—1885]. Впервые он посетил Афон всего через полгода после отъезда В. И. Григоровича в Россию. Архимандрит Порфирий пробыл в святогорских обителях восемь с половиной месяцев, и все это время посвятил подробному и разностороннему изучению монастырских архивов. Впоследствии, в 1858—1861 гг., он снова побывал на Афоне и именно к этому периоду относятся его заметки и письма, в которых упоминается об изысканиях, осуществленных им в Карее.

В своих дневниковых записях архимандрит Порфирий лишь только кратко упоминал об этих исследованиях: «15 октября 1858 года. Сделаны выписки из протатской рукописи, содержащей книги Ветхого Завета — Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие и 1 и 2 Паралипоменон, написанный на бумаге в лист в 1327 году и переплетенной» [13]. За этими скупыми строками скрывался напряженный труд исследователя-богослова, который не имел ни минуты свободного времени, чтобы тогда же сделать более подробные записи. Лишь только через месяц он смог рассказать о некоторых интересных обстоятельствах, при которых ему пришлось осуществлять свою деятельность. Это повествование настолько захватывающее и необычное, что, несмотря на пространное изложение, оно заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью.

«Около придела Протатской церкви, устроенного над папертью ее, в чуланчике хранится несколько десятков древнейших греческих рукописей, — писал архимандрит Порфирий. — Я рассматривал их, а за мною присматривали два монаха... Между этими рукописями драгоценны две, именно, неполная Библия, писанная на бумаге в лист в 1327 году, и чтения из исторических книг Ветхого Завета, паремий и пророчеств, писанная на пергамине в одиннадцатом столетии. Нелегко мне было взять их в Карейское подворье Руссика для подробного разбора. Рассказываю о затруднениях и успехах своих в этом деле. Перед обозрением протатского книгохранилища я был в полном собрании властных старцев афонских и говорил им о несходстве ватиканского текста Библии с чтениями из Ветхого Завета, содержащимися в греческих и славянских минеях и, выразив им задушевное желание свое найти полный текст Библии, исправленный святым Лукианом, попросил у них позволения осмотреть рукописи, хранящиеся в Протатской церкви. Просьба моя была принята ими благосклонно. Я вошел в книжный чуланчик и снял с полки две рукописи. Это были искомые мною тексты Библии. Возрадовалось сердце мое неизреченной радостью! Удвоилась сила зрения моего! Я пересмотрел несколько страниц, понял величайшую важность рукописей и упросил досмотрщиков за мною принести их мне в келью с позволения властных старцев, упросил же, положив каждому из них на ладонь русское серебро. Мое ожидание драгоценных рукописей было тревожно. Проходили дни, а их не приносили ко мне. Наконец, я высказал свое горе поверенному в делах монаху Руссика отцу Геннадию; и он утешил меня, принес вожделенные рукописи, но тайно, под полою своей рясы, и на одни сутки. Лихорадочная дрожь проняла меня. Когда я подумал, что слово Божие служителю этого слова приносят украдкой, и где же? на Афоне, и что мне надлежит в одни сутки прочитать и оценить то, чего в иную пору не прочтешь и в целый месяц. Однако я принялся за дело и кончил его в три дня, благодаря предстательству отца Геннадия, который, Бог весть как и кого, вымолил мне два лишние дня для рассмотрения рукописей. Спаси его Бог!» [14].

Как видно из приведенных строк, в сферу исследовательских интересов архимандрита Порфирия входило не только стремление отыскать и сделать описание древних рукописей, но и такой сугубо специальный богословский вопрос, как проблема перевода Священного Писания Ветхого Завета с древнееврейского языка. Особый интерес у архимандрита Порфирия вызвала одна из древних рукописей Ветхого Завета на греческом языке, найденная им в книгохранилище Кареи. Датированная 1327 годом, она содержала в себе Пятикнижие Моисея, книги Иисуса Навина, Судей, Руфи и 1 и 2 Паралипоменон. Далее

следует предоставить слово самому архимандриту Порфирию: «Я сличал текст ее с ватиканским и, открыв разность, признал его близким к тексту святого Лукиана, во-первых, потому что он сходствует с общепринятыми минейскими чтениями из Библии, во-вторых, потому что на полях его означено множество разных чтений Акилы, Симмаха, Феодотиана, иных переводчиков и даже 70 толковников. Ежели чтения этих толковников вынесены на поля протатской рукописи, значит не их текст содержится в ней, чей же? Лукианов: ибо кроме семи греческих текстов, или переводов Библии (70-ти, Акилы, Симмаха, Феодотиана, Иерихонского, Никопольского и Лукианова) не было никаких других в христианской Церкви. А чтения всех этих переводов, кроме Лукианова, приводятся на полях рукописи, стало быть, она переписана с общего издания Лукиановой Библии... [15]. В рукописи библейский текст изложен ученым образом. Подробный разбор его по многим выпискам из него будет сделан мною в свое время. А теперь я скажу только то, что этому сокровищу, найденному мною в чуланчике, нет цены» [16].

Упорные труды архимандрита Порфирия вызывали сочувствие и уважение к нему даже со стороны тех афонских насельников, которые поначалу не испытывали симпатии к русскому ученому-архимандриту. В часы, свободные от богослужений и бесед с духовными старцами, он неутомимо трудился над теми рукописями и актами, которые были предоставлены в его распоряжение. Огромное количество древних грамот было им прочитано и переписано отчасти целиком, частью сокращенно, а также была составлена опись этих документов, кроме того, со многих из них им были сделаны копии на кальке. Подобные палеографические снимки были сделаны архимандритом Порфирием с некоторых древних греческих и славянских рукописей. Благодаря трудам Преосвященного Порфирия отечественная наука обогатилась неоценимым по своей исторической значимости материалом. Рукописи, вывезенные архимандритом Порфирием с Афона, впоследствии стали предметом целого ряда исследований и монографий. Преосвященный Порфирий незадолго до своей смерти передал Петербургской Публичной Библиотеке все свои рукописи. В их числе оказалось 78 отрывков и отдельных листов на церковно-славянском и русском языках, из них — 17 пергаментных, а также 246 отрывков и отдельных листов на греческом языке, из которых 132 на пергаменте и на папирусе, остальные — на бомбицине и бумаге [17]. Сам Преосвященный Порфирий на основании своих архивов написал целый ряд трудов, главными из которых являются «История Афона» и «Описание путешествий на Афон». Для исследователей, которые в будущем смогут продолжить изыскания в книгохранилищах афонских монастырей, особенно важным является его «Указатель актов, хранящихся в обителях Святой Горы Афонской» [18]. В этом перечне впервые приводится все обилие и разнообразие документов, которые хранились тогда в библиотеках святогорских обителей.

Заканчивая краткий обзор истории афонской книжной сокровищницы, находящейся в Карее, необходимо отметить, что, по новейшим данным на сегодняшний день, в библиотеке Протата насчитывается всего 117 рукописей и 47 из них написаны на пергаменте [19]. Кроме того, там хранится большое количество печатных книг. Но будущим исследователям важно помнить о тех словах, которые были сказаны об этой сокровищнице еще в середине XIX века: «Архив Протата в своем роде единственный: акты, хранящиеся в нем, драгоценны и многочисленны. Все, что отец Порфирий внес в каталог свой из этого архива, что видел А. Н. Муравьев и другие, — есть самая малая доля того, что составляет собственность или домашние тайные бумаги Протата...» [20].

Лавра святого Афанасия

Как известно, Лавра была основана около 963 года самим преподобным Афанасием Афонским у подножия восточного склона Дифона — громадного отрога Афонской горы. Со времени своего основания Великая Лавра занимала первое место в диптихе афонских монастырей, а ее книгохранилище издревле считалось на Афоне одним из самых богатых. На первых порах пополнение лаврской библиотеки осуществлялось в первую очередь благодаря усердной рукописной деятельности ее насельников. Будучи наместником основанной им обители, святой Афанасий был автором устава, проник-

нутого духом крайнего аскетизма. Этот устав впоследствии послужил основой для общеафонского «типика» (так называемый «трагос», хранящийся в библиотеке Кареи), утвержденного в 971/972 гг. императором Иоанном I Цимисхием. Но от того далекого времени до наших дней дошло немало документов, написанных святым Афанасием: «В библиотеке Лавры, — писал один из отечественных авторов в конце XIX века, — хранится много замечательных рукописей, царских грамот и актов, из которых особенно драгоценна дарственная запись святого Афанасия Афонского Иоанну Иверу, писанная в конце X столетия и подписанная собственноручно святым Афанасием» [21].

История литературных трудов, осуществлявшихся в стенах Лавры святого Афанасия, имеет непосредственное отношение к Русской Православной Церкви.

Во второй половине XIV века старец Иоанн в Лавре святого Афанасия переводил с греческого языка на славянский различные богослужебные и богословские книги. Григорий Цамблак, до своего краткого пребывания на литовской и киевской митрополичьей кафедре (1415—1419), прошел иноческую и литературную школу в Лавре святого Афанасия. Здесь в 1389 году он переписал книгу Исаака Сирина. В своей последующей кипучей литературной и церковно-общественной деятельности, которая протекала в среде трех славянских народов (болгарского, сербского и русского), Григорий Цамблак имел широкую возможность прилагать к практике приобретенный им на Святой Горе запас знаний. Но и афонские книжники не забыли его, о чем можно судить по значительному числу его сочинений, сохранившихся в одном сборнике монастыря святого Павла [22].

По мнению А. И. Яцимирского, в Лавре святого Афанасия и был совершен иноческий постриг Григория Цамблака (в миру — Гавриила) [23]. Это подтверждается записью, сделанной в упомянутой сербской рукописи «Слов постнических Исаака Сирина» (л. 474 об.). Место и время написания рукописи указаны в помете ее писца — инока Гавриила. Манускрипт, написанный в Лавре святого Афанасия в 1389 году, впоследствии перешел в другую древнюю обитель — палестинскую Лавру святого Саввы Освященного. Архимандрит Леонид (Кавелин), будучи членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, получил эту рукопись в качестве благословения в 1858 году от архимандрита Лавры святого Иоасафа. Вместе с архимандритом Леонидом рукопись отправилась в Россию и после его кончины хранилась в Оптиной пустыни, откуда впоследствии перешла в государственное книгохранилище [24].

В 1431 году в Лавре святого Афанасия подвизался Иона, игумен Угрешский. К сожалению, не осталось сведений о том, долго ли он был в этой святогорской обители и какие именно литературные труды он использовал для своих занятий. Тем не менее, по словам русского исследователя середины XIX века, Иона, игумен Угрешский, укрывшись в Великой Лавре преподобного Афанасия, «под крилием святителя Григория Паламы и преподобного Петра Афонского, в куще святого Пророка Илии» занимался там, между прочими подвигами, списыванием книг для обителей русских [25].

Из приведенных строк явствует, что, начиная с первой половины XV столетия, уже существовали не только эпизодические, но постоянные литературные связи между Лаврой святого Афанасия и монастырями Русской Православной Церкви, являвшимися в то время основными рассадниками духовного просвещения. Это подтверждается и другими сообщениями, из которых видно, что духовные связи Афона и Руси стали регулярными и приобретали все более интенсивный характер. Достаточно привести приписку сборника житий святых — рукописи 1432 года [26]. В ней сказано, что книга была написана на Афоне, в Лавре святого Афанасия Авраамием «русином» и «перенесена бысть от Греческого царства на Русь... в Тверь... при господине отци учители и наставници и многомилостивом и братолюбивом и книголюбивом Саве игумене» [27].

К 1520-м годам относится документ [28], написанный Тверским епископом Нилом и содержащий дополнительные сведения о характере духовных связей Лавры святого Афанасия с Православной Русью. Епископ Нил, родом грек, прибыл в Россию в свите царевны Софии Палеолог и на родину уже не вернулся. В 1503 году он был поставлен игуменом Богоявленского монастыря, находившегося под особым попечени-

ем великих князей, а в 1509 г. Нил был поставлен епископом в Тверь и в этом сане скончался в 1521 г., прожив в России 48 лет [29].

Послание епископа Нила является ответом на не дошедшее до нас письмо Юрия (Георгия) Ивановича, второго сына великого князя Ивана III и Софии Палеолог. Юрию Ивановичу принадлежало четыре удела: Дмитровский, Звенигородский, Кашинский и Углицкий. Кашинский удел находился в подвластной Нилу Тверской епархии. Хотя послание имеет характер поучения, нельзя не отметить особого внимания, которое автор послания уделял обители святого Афанасия. Рассказом о ней он начинает свое повествование: «Великий Афанасий Афонский создал Великую Лавру и в ней церковь Святой Богородицы иже больший монастырь во Святей горе» [30]. К Лавре святого Афанасия епископ снова возвращается, заканчивая свое послание князю: «И великая обитель есть и поныне, а из обители святого Афанасия от тех мест и доныне сколки монастырей и сколько душ, тмы тмами спаслося» [31]. «Мысли Нила обращаются к Лавре Афанасия, — пишет современная исследовательница, — как Максим Грек постоянно обращает свои взоры к alma mater — Ватопедскому монастырю. Если правомерно предположение, что Нил прибыл в Россию из Святой Горы, то наиболее вероятно, что местом его иночества была Афанасиевская обитель» [32].

Как уже было отмечено выше, Лавра святого Афанасия была главным духовным административным центром Афона и вместе с тем крупнейшим центром книжности с устойчивыми традициями греко-русского общения. Здесь в XV в. рядом с греческими писцами работали и русские книжники. В Лавре святого Афанасия Нил мог получить основы знания русского языка, которые ему были необходимы, если допустить, не без основания, что он заранее готовил себя к служению на церковном поприще в России. Таким образом, из документа, написанного епископом Нилом, можно составить более ясное представление о тех путях, по которым практически осуществлялось греко-русское культурное общение во второй половине XV — начале XVI вв.

Лаврским насельникам довелось делиться плодами рукописного богатства не только с собирателями древностей, прибывавшими из западно-европейских стран, но они также распахнули двери книгохранилища и для посланца от Русской Православной Церкви. В середине VII века в России возникла идея об издании уже имевшихся русских богослужебных книг или осуществлении новых их переводов главным образом по древним греческим рукописям. С этой целью, для исправления богослужебных книг, патриархом Никоном были затребованы книги из 39 русских монастырей. Когда было решено исправлять русские богослужебные книги по греческим подлинникам, возникла необходимость в приобретении этих рукописей. Но в России к середине XVII в. греческие рукописи насчитывались единицами [33], к тому же они были рассредоточены по различным городам и монастырям.

В связи с этим, по инициативе патриарха Никона, с согласия и при поддержке царя Алексея Михайловича, в октябре 1653 года в афонские монастыри за греческими рукописями был послан ученый монах Арсений Суханов. За щедрое вознаграждение от имени русского царя, привезенное на Афон Арсением Сухановым, ему было разрешено самому отбирать рукописи в монастырских библиотеках Афона. Следствием этой экспедиции Арсения Суханова была присылка «от Святыя Горы Афона боголюбивых начальников святых и честных монастырей — книг изрядных и правописанных греческим языком числом — 500» [34] (точнее — 498. — *Авт.*). На Афоне Арсений Суханов со своим помощником Иваном Панкратьевым жил два месяца. Все это время он, вероятно, употребил на занятия в монастырских книгохранилищах и выбирал необходимые книги. Одни из отобранных книг он брал с собой, а относительно доставки других распорядился, чтобы они были доставлены в Россию самими монахами некоторых афонских монастырей. Всего было отобрано 498 рукописей, из которых большинство Арсений Суханов привез в Москву в феврале 1655 года. Остальные рукописи были доставлены в Москву позднее насельниками некоторых афонских монастырей.

В предисловии к Служебнику, изданному в Москве в 1655 году и исправленному по греческим рукописям, перечислены те афонские обители, из которых были доставлены

книги Арсением Сухановым в Россию, а именно: из «Ватопедского, Лаврского, Хиландарского, Иверского, Дионисиева, Пантократорова, Ксиропотамова, Котулмуси (монастырь Кутлумуш. — *Авт.*), Дохериа (Дохиара. — *Авт.*), Симона-Петра, Русского, Филофея, святого Павла и прочих». Из описи домовой казны патриарха Никона [35] можно узнать названия книг, приобретенных Арсением Сухановым на Афоне. Так, насельники Лавры святого Афанасия пожертвовали для Русской Православной Церкви более 60 древних рукописей, из них 35 рукописей датируются IX веком [среди них — «Лествица» (899 г.) преподобного Иоанна Лествичника (VI в.), 6 рукописей X в., 6 — XI, 6 — XII, 2 — XIII, 9 — XIV, 4 — XVII, 1 — XVIII в.]. Рукописи, привезенные в Россию из Лавры святого Афанасия, так же, как и древние манускрипты из других афонских обителей, имели долгую и сложную судьбу в православной России: они входили в состав Патриаршей (патриарха Никона) библиотеки, часть из них была передана на Печатный двор, а впоследствии они были рассеяны по различным отечественным книгохранилищам. История восстановления собрания рукописей, вывезенных Арсением Сухановым с Афона, составляет предмет специального исследования; достаточно лишь отметить, что к настоящему времени выявлено 57 кодексов, принадлежавших ранее Великой Лавре и отправленных в Россию Арсением Сухановым [36]. Современный отечественный исследователь, занимавшийся специальными изысканиями по выявлению «сухановских» рукописей в книгохранилищах нашей страны, дает следующую оценку значимости этих афонских литературных произведений для жизни Русской Православной Церкви:

«Греческие рукописи святогорских хранилищ используются на Печатном дворе в качестве оригиналов при создании новых и редактировании старых русских переводов различных книг, но более всего — как справочная (в широком смысле этого слова) литература при решении вопросов догматического, каноническо-правового, исторического характера. Некоторые книги, привезенные с Афона, были привлечены Арсением Греком при его занятиях греческим языком с русскими учениками. Тот факт, что "сухановские" рукописи оказываются пригодными в работе московских издателей и живут в России активной жизнью, убедительно свидетельствует о продуманности, целенаправленности отбора рукописей, произведенного Арсением на Афоне, а следовательно, о существовании определенной программы приобретения нужных русскому правительству греческих книг, выработанной патриархом Никоном и его сподвижниками» [37].

Следует отметить, что и после 1655 года насельники Великой Лавры эпизодически отправляли рукописные книги в Россию. Так, в архиве Министерства иностранных дел Российской империи сохранились известия о поездке в Москву в 1657 году и привозе книг «афонской горы Успенского монастыря архимандритом Досифеем, афонской горы Лаврского монастыря игуменом Игнатием» [38]. Но эти книжные вклады по своей значимости не могли сравниться с рукописями, вывезенными из Лавры святого Афанасия Арсением Сухановым, и носили скорее характер формального дарения с целью получения ответных щедрых пожертвований, что явствует из следующей записи: «В 1657 году 25 апреля в Москву приехал афонской горы Успенского монастыря архимандрит Досифей для испрошения милостыни своему монастырю. 6 мая он представлялся царю Алексею Михайловичу, причем поднес царице Евангелие напрестольное, харатейное, писанное греческим языком. После аудиенции у государя ему была дана обычная милостынная дача — 50 рублей» [39].

В 1758 году в свою очередь Лаврская библиотека пополнилась даром из России: по приказу императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761) обители святого Афанасия было пожертвовано напрестольное Евангелие весом около 2-х пудов в драгоценном окладе, напечатанное в Москве в 1758 г. (Этот дар России бережно сохраняется в Лаврской библиотеке на почетном месте и до сегодняшнего дня).

Другим русским вкладом в книгохранилище Лавры святого Афанасия явилось сочинение митрополита Ростовского Димитрия «Летопись всемирныя преосвященного Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского, от начала миробытия до Рождества Христова сочиненныя». (Рукопись русская 1758 г., на бумаге, в лист). Эту рукопись, написанную в 1758 году — в год поступления в Лавру «елизаветинского» Еванге-

лия, — обнаружил в книгохранилище афонской обители русский исследователь В. Давыдов, побывавший на Святой Горе в 1835 году. Вполне понятно, что у русского ученого появилось желание приобрести, наряду с прочими, и эту рукопись, содержавшую важные исторические сведения. «Последние пять книг попросил я старшин монастырских уступить мне, — вспоминал В. Давыдов. — Они отказали сперва наотрез, но на следующий день пришли в мое жилище и объявили торжественно, от имени всех братий, что книги уступаются мне "в память пребывания моего в Лавре" и что мне предлагают оставить им памятник на возобновление развалившегося киоска пожертвованием суммы. По получении потребной суммы книги были мне выданы» [40].

В 1898 году из России на Афон выехала специальная археологическая экспедиция, в ходе работы которой был совершен кратковременный осмотр 18 афонских монастырей и 1 скита. В состав экспедиции входил известный специалист по церковной археологии Н. П. Кондаков — автор нескольких солидных монографий по истории христианского искусства. Для более эффективной работы по изучению средневековых фресок и рукописных миниатюр Н. П. Кондаков применял фотосъемку; он вывез с Афона большое количество фотографий иллюстрированных манускриптов, а также многочисленные изображения икон и фресок. Н. П. Кондаков смог работать в лаврской библиотеке лишь короткое время, но в своих записях он рассказал о тех причинах, по которым ученые из разных стран испытывали серьезные затруднения в своей исследовательской деятельности в книгохранилище Великой Лавры.

«В новейшее время, — писал Н. П. Кондаков, — когда наезды ученых умножились и стали постоянными, обители Святой Горы согласно предоставили для ученого пользования свои рукописные сокровища и ради этого теперь устраивают библиотеки, составляют каталоги. Но под влиянием тех же посещений и вновь начавшегося собственного участия монашествующей братии в ученых работах, а также воспоминаний об утраченных или розданных обителью предметах вырабатывается новый ревнивый взгляд на значение сохраненных предметов древности: монастырские власти относятся к ним уже как к коллекциям, которые, имея высокую цену, составляют славу обители и требуют поэтому ревнивого бережения не только от пропажи, но равно и обесценения путем издания в свет тех снимков и этих драгоценных предметов. Так, в Лавре, власти, после нескольких синодов, решились нам показать сокровища обители: ризницу, всю обиходную и древнюю утварь, библиотеку, даже представили отобранные предметы для занятий, но решительно отказали в разрешении сделать со всех этих предметов фотографические снимки... было выставлено желание сохранить за вещами их полный интерес, который умалится будто бы, если они будут изданы в точных снимках. Уже под конец пребывания нашего в Лавре мы получили разрешение снять наиболее важные предметы, которые по своей тонкости и сложности допускали документальное воспроизведение только с помощью фотографии» [41].

Следует отметить, что к настоящему времени некоторые предметы из сокровищ, запечатленных Н. П. Кондаковым на фотографические пластинки, безвозвратно утеряны или погибли, и поэтому его труды представляют сегодня еще большую историческую ценность.

В конце XIX века библиотека Лавры святого Афанасия была одной из самых богатых библиотек Афона. Что же касается составления каталога хранящихся в Лаврской библиотеке книг, то даже во второй половине XIX века афонские насельники рассматривали это как новое дело, не имеющее к тому же особой срочности.

Задача по составлению каталога греческих рукописей в первую очередь стояла перед учеными-греками, и летом 1880 года доцент греческой истории и палеографии Афинского университета Спиридон Ламброс был послан на Святую Гору для систематизации рукописных богатств афонских обителей. С помощью четырех студентов, сопровождавших его в этой поездке, С. Ламброс проделал громадную работу, составив подробный каталог 5766 греческих рукописей, хранившихся в 20-ти святогорских обителях (в это число вошли книгохранилища Протата в Карее и скита святой Анны). Но, к сожалению, рукописи библиотеки Великой Лавры остались необработанными,

поскольку «истощение сил трудившихся лиц, глазная болезнь Ламброса, лишили его возможности составить каталог греческим рукописям двух больших и знаменитых обителей — Лавры и Ватопеда. Несмотря на это, важному делу, систематическому описанию греческих афонских рукописей, положено твердое основание; дело это может даже считаться исполненным, за изъятием самой малой доли его» [42].

С. Ламбросу пришлось впоследствии столкнуться с большими материальными затруднениями, связанными с изданием каталога, в результате чего труд, оконченный им осенью 1880 года, оставался не изданным до августа 1888 года, пока сам автор не решил на собственные средства напечатать первую часть первого тома, или, по его выражению, «одну двенадцатую часть всего каталога» [43]. Что касается систематизации рукописей Лаврской библиотеки, то этот труд оставался не завершенным еще долгое время. В книге выдающегося французского византиниста Шарля Диля (1859—1944), впервые увидевшей свет в 1943 году, упоминается о том, что «недавно появился первый том актов Лавры, то есть самого старого из монастырей Афона» [44]. В настоящее время в стенах Лаврской библиотеки хранится 2046 рукописей, из них 470 написаны на пергаменте. Другая секция библиотеки содержит свыше 10 тысяч печатных томов, среди которых имеется много инкунабул [45].

Завершая краткое изложение истории литературных связей Лавры святого Афанасия с Русской Православной Церковью, следует отметить, что даже в самом сжатом виде оно требует необходимого дополнения. Не следует забывать о том, что неподалеку от Лавры в многочисленных скитах, разбросанных по отвесным скалам, круто уходящим в море, на протяжении нескольких столетий трудились неутомимые пустынники, литературное наследие которых также заслуживает особого рассмотрения.

Скиты Лавры святого Афанасия. В эпоху своего расцвета Великая Лавра и находившиеся в зависимости от нее скиты была одной из крупнейших обителей; здесь подвизалось до 5 тысяч иноков. Но в жизни Лавры святого Афанасия были не только периоды расцвета, но и упадка. И после XVI века число насельников этой древней обители непрерывно сокращалось. В настоящее время в Лавре постоянно живут более 50 монахов, а в скитах, келлиях и пещерах, зависимых от Лавры, подвизаются еще более 300 пустынников.

Среди этих уединенных обителей особой известностью пользуются скиты святой Анны и Кавсокаливский, ютящиеся в расселинах скал на южной и юго-восточной оконечностях Святой Горы. Именно в этих скитах подвизались «книжные старцы», принесшие славу своим обителям во всем православном мире.

Рукописи, переписывавшиеся в скиту святой Анны, попадали и в другие афонские обители; одна из них, относящаяся к середине XVII столетия, хранилась в Хиландарском монастыре. Известная как «Типик церковной службы в Иерусалимской Лавре преподобного Саввы» (рукопись в лист, полуустав, она содержала весьма интересную приписку, в которой была отмечена решающая роль православной России в освобождении славянских народов от турецкого гнета: «В лето 7164 (1656) съписа ся сиа книга, глаголемая Типик, троуди и платею Игоумена Виктора иеромонаха во время игоуменства его, роукою попа Антония на святой Анне во дни султана Махмета, тогда благочестивый царь Московский двиг се и приет всоу Лешъкоу землю и плени татаре» [46].

Ко второй половине XVII столетия относятся литературные труды одного из известных деятелей украинского Православия, уже упоминавшегося выше Самуила Бакачича. Его переводческая деятельность укрепила духовные связи, существовавшие у православных украинцев со скитом святой Анны. Самуил Бакачич прибыл на Святую Гору в 1669 году, некоторое время проходил послушание в Хиландаре, а затем подвизался в скиту святой Анны и других афонских обителях. Здесь он, в частности, перевел с русского на сербский язык книгу «Мессия истины» (или «Мессия правдивый»), принадлежащую перу Иоанникия Галятовского (ок. 1688) — одного из самых известных представителей южнославянской литературы XVII века, а также некоторые другие богословские труды, написанные по-русски и по-гречески.

Отечественные исследователи, занимающиеся историей афонской книжности, во многом обязаны трудам архимандрита Порфирия (Успенского), что особенно нагляд-

но выявляется при обзоре литературных трудов скитских насельников Святой Горы [47]. Именно ему принадлежит перечисление тех произведений, вышедших из-под пера пустынников, которые впоследствии были напечатаны в европейских типографиях и таким образом сохранены для будущих поколений.

Афонские скиты привлекали внимание и других отечественных исследователей, которые по мере сил старались использовать редкую возможность и ознакомиться с рукописями, сохранившимися в этих труднодоступных местах. Так, ученый-паломник Х. М. Лопарев, побывавший на Афоне летом 1896 года, кратко упомянул о своем посещении скита святой Анны, где он сделал ряд выписок из хранившихся там кодексов [48]. Краткие сведения о количестве книг, имевшихся в афонских скитах в середине XIX века, можно почерпнуть из записок В. И. Григоровича, который также посетил скит святой Анны: «Трудолюбивые отшельники самого примечательного на Святой Горе скита в соборной церкви своей сохраняют до 100 книг, аскетических и церковных, которые и в порядке и внесены в каталог» [49].

В настоящее время это количество осталось неизменным; если в Кавсокаливском скиту сейчас имеется около 50 манускриптов, то в книгохранилище церкви святой Анны содержится около 100 рукописей, большинство из которых написаны на бумаге и имеют позднее происхождение [50]. Эти краткие данные, которые могут разочаровать палеографов, имеют, однако, определенную ценность, свидетельствуя о том, что традиции рукописания никогда не прерывались в афонских скитах. И если книгохранилище Лавры святого Афанасия представляет для исследователей огромный интерес с исторической точки зрения, то традиция книгописания в афонских скитах призвана свидетельствовать о том высоком духе подвижничества, который сохранялся в убогих монашеских келлиях на протяжении нескольких столетий вплоть до настоящего времени.

Ватопед

О времени основания Ватопедской обители можно судить по дошедшим до нас древним афонским рукописям. В первом Уставе (типике) Святой Горы, написанном в 971/72 году, этот монастырь еще не упоминается, а в Акте протоса Фомы, датированном 985 годом, наряду с подписями представителей других афонских обителей, значится имя ватопедского игумена Николая. Спустя столетие, согласно новому Уставу (1046), Ватопед уже занимал второе место в диптихе афонских монастырей, и этот статус он сохранил до настоящего времени.

В Ватопедском монастыре очень рано начали развиваться рукописные традиции, что служило одним из основных источников пополнения библиотеки этой обители.

Тесные связи существовали у Ватопедского монастыря и с Россией. Одна из древних рукописей, находящихся в настоящее время в отечественном собрании (Государственный Исторический музей, собрание Успенское 18 — бум.) является наглядным свидетельством существования в прошлом этих связей. Эта рукопись содержит творения преподобного Иоанна Лествичника, переписанные монахом Евсевием (Ефремом), который имел обыкновение подписываться двойным именем: вероятно, одно имя у него было мирское, а другое монашеское. Жил Евсевий (Ефрем) в монастыре Богородицы Перивлепты, в колонии русских в Константинополе.

10 декабря 1422 года (или 1423 года) монах Евсевий (Ефрем) начал переписывать «Лествицу», но закончить он ее не успел. Его почерком написаны только первые 64 листа. Остальная часть рукописи написана другим почерком. В конце рукой Евсевия (Ефрема) сделана приписка, из которой видно, что рукопись была завершена неким старцем Митрофаном 15 марта 1424 года, но не в Константинополе, а на Афоне, в Ватопеде. Следовательно, между 1422—1423 и 1424 гг. Евсевий перебрался на Афон, и здесь к своей работе ему удалось привлечь старца Митрофана. Литературная деятельность (Ефрема) Евсевия продолжалась в Ватопедском монастыре столь же интенсивно, как и в Царьграде [51].

1515 год явился важной страницей в истории взаимоотношений России с Афоном. В этом году в Турцию направилось посольство В. А. Коробова, и вместе с посольством возвратились домой приходившие в Москву в конце 1514 — начале 1515 года мо-

нахи афонской Лавры святого Афанасия и Ватопедского монастыря. С ними в афонский Протат была отправлены грамота с просьбой о присылке «переводчика книжного» [52]. Просьба об отправке в Россию монаха, который мог бы заняться там переводческой деятельностью, сыграла большую роль в развитии литературных связей между святогорскими обителями и Русской Православной Церковью. Этим человеком суждено было стать монаху Ватопедского монастыря Максиму Греку.

Сведения о приезде в Москву Максима Грека имеются в сообщении, содержащемся в Никоновской летописи: «4 марта 1518 (7026) г. возвратился в Москву Василий Копыл и Иван Варавин, да с ними вместе прииде к великому князю Василию Ивановичу всея Руси... от Благовещения Пречистыя Богородица из Ватопеди монастыря три старцы Максим Грек, да Неофит священноинок грек да Лаврентий болгарин, а от святого великомученика Пантелеимона из Русского монастыря Сава приименитый игумен» [53]. Отсюда видно, что в Москву прибыл Максим Грек в 1518 году, и ему было суждено оставаться на Руси до конца своей жизни (1556).

Для знакомства со славянской письменностью в жизни Максима Грека, несомненно, имело значение его пребывание перед приездом в Россию в Ватопедском монастыре. Весьма вероятно предположение о возможном соприкосновении Максима Грека с болгарами (в частности, быть может, в Македонии), когда он по поручению монастыря ездил по Балканскому полуострову и, таким образом, мог познакомиться со славянскими языками. Кроме того, необходимо иметь в виду, что славянский элемент среди монашества на Афоне в XIV—XV вв. был численно преобладающим. В частности, в Ватопеде в это время была даже одна церковь, где богослужение совершалось на славянском языке [54], конечно, ввиду значительного числа славян между монахами Ватопеда и, может быть, немалого количества славян-богомольцев, посещавших монастырь. Поэтому не будет странным, что Максим Грек, живший в течение ряда лет в Ватопеде, легко мог ознакомиться по крайней мере с церковно-богослужебной славянской письменностью. Возможно, что и русские иноки могли находиться среди афонского монашества, в частности, и в Ватопеде. Кроме того, на Афон попадали, хотя и нечасто, книги русского извода, бывавшие затем в руках югославянских монахов. Для некоторых югославянских рукописных текстов, писанных на Афоне, несомненны русские оригиналы (таковы, например, Толковая Палея, Палея историческая, «Иудейская война» Иосифа Флавия и др.). Русскими книгами как таковыми Максим Грек, по-видимому, особого повода интересоваться не имел (поездка на Русь для него была неожиданностью), но он успел на Афоне ознакомиться с болгарской книгой, усвоить даже некоторые навыки, которые и сказались невольно много лет спустя в его сочинениях [55].

Максим Грек начал свою литературную деятельность на Руси с перевода некоторых греческих книг на русский язык, причем первоначально он делал эти переводы на латинский язык, с которого его помощники — Дмитрий Герасимов и Власий — переводили на русский [56]. О методе перевода книг повествуется на листе 1 в рукописи «Евангельские беседы» 1545 года: «В лето 7033 (1525) переведена сия книга беседы евангельские с греческого языка на российский Максимом Греком, иноком Святой Горы от обители..., нарицаемой Ватопед. Споспешници же в переводе Максиму Греку толмачи латинские Власий и Дмитрий. Максим же убо смотрящу в греческую книгу и сам изъявлял латинским языком, они же сказаваху писцем русскою беседою. Максим бо бе обема языком зело искусен» [57].

Русские иноки на первых порах оказывали помощь Максиму Греку и при переводе других трудов с греческого языка, осуществляя на деле развитие афоно-русских литературных связей. В качестве переписчиков Толковой Псалтири Максиму Греку были даны в помощь монахи Троице-Сергиевой Лавры Силуан и Михаил (Медоварцев). Представляя великому князю Василию Ивановичу перевод Толковой Псалтири, Максим Грек предпослал ему в качестве предисловия особое послание, в котором отмечал достоинство и значение переведенного труда и кратко характеризовал древних церковных толкователей, указывая их направление и методы толкования и давая оценку каждому.

О литературной деятельности Максима Грека имеются специальные исследования [58], и в кратком очерке следует лишь отметить, что Максим Грек продолжал

заниматься переводами с греческого языка в течение всего своего «российского» периода жизни вплоть до самой смерти, несмотря на те лишения, которые ему довелось пережить. Из-под его пера выходили новые книги не только в Москве, но и во время его пребывания в Волоколамске, Твери и Троице-Сергиевой Лавре. Основные переводы Максима Грека следующие: 1. Толковая Псалтирь; 2. Беседы святителя Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и от Иоанна; 3. Толкования на Деяния и Послания апостольские; 4. Житие Пресвятой Богородицы, автор Метафраст; 5. Похвальное слово святителя Василия Великого мученику Варлааму, 6. Три статьи Метафраста: а) о святом Апостоле Фоме, б) о чуде святого Архистратига Михаила в Хонех и в) о мученичестве святого Дионисия Ареопагита; 7. Слово святителя Кирилла Александрийского об исходе души и о втором пришествии Господнем.

Из богослужебных книг Максим Грек занимался исправлением перевода: 1. Триоди; 2. Часослова; 3. Апостола и 4. Минеи праздничной.

С 1859 г. Казанская Духовная Академия начала печатание сочинений Максима Грека в «Приложениях» к своему журналу «Православный собеседник», а затем выпустила их отдельным изданием в трех частях под заглавием «Сочинения преподобного Максима Грека» (чч. I—III, Казань, 1859—1862). В 1895-м и 1897 году было выпущено 2-е издание первой и третьей частей. В 1910—1911 гг. при Троице-Сергиевой Лавре сочинения Максима Грека были изданы в русском переводе. Казанское издание было подготовлено по рукописям Соловецкого монастыря, числившимся в библиотеке Казанской Духовной Академии под № 494—497, и только восемь сочинений, вошедших в третью часть, были изданы по рукописи Троице-Сергиевой Лавры № 200 [59]. После выхода в свет казанского издания исследователи опубликовали многие произведения Максима Грека, не вошедшие в это издание.

В настоящее время общее число выявленных произведений Максима Грека составляет 365 наименований [60]. Влияние произведений Максима Грека на русскую словесность продолжалось и после его кончины.

В XVII веке в связи с ростом образованности в России усилился интерес к сочинениям Максима Грека. Отдельные его произведения, особенно полемического, нравоучительного и филологического характера, включались почти во все его сборники религиозно-поучительного содержания. Вместе с тем многие из почитателей Максима Грека старались собрать его сочинения в единое целое. Но не всем переписчикам это удавалось одинаково, так как каждый трудился в одиночку, находясь в каком-либо монастыре или городе, где нельзя было достать всех списков. Правда, переписчикам случалось иногда находить новые труды Максима Грека, не вошедшие в прежние сборники, но в то же время они часто не имели под руками наиболее полных прежних его собраний. В результате до нас от XVII века дошли весьма различные по своему количественному составу рукописные сборники сочинений Максима Грека, насчитывающие от 32 до 150 глав, или произведений с его именем. Составить возможно полный и точный список подлинных творений Максима Грека на основании этих сборников — дело довольно трудное, так как очень часто более краткие списки содержат такие сочинения, которых нет в более полных [61].

В качестве примера можно упомянуть о рукописном сборнике, составленном в Новгороде в 1557—1558 гг. Сборник, написанный «повелением» Григория Никифорова, был дан в качестве вклада в Михайлов Сковородский монастырь близ Новгорода [62]. В этом сборнике, вслед за местными новгородскими преданиями, помещены сказания об Иверском и Ватопедском монастырях (лл. 329—335 об.) [63]. Возможно, что в основу сказаний положены рассказы, записанные со слов русских паломников, побывавших на Афоне, но более вероятным представляется предположение о том, что их авторство принадлежит преподобному Максиму Греку. Сказания об Иверской и Ватопедской обителях включались в сборники сочинений Максима Грека, который был выходцем из Ватопедского монастыря.

Завершая краткий обзор, посвященный влиянию трудов Максима Грека на развитие духовно-нравственной и богословской литературы в лоне Русской Православной

Церкви, необходимо отметить еще один аспект его деятельности. Вскоре после кончины преподобного Максима Грека в России появились первые отечественные печатные книги. По мнению исследователя И.В. Новосадского, «можно считать несомненным, что деятельность Максима Грека, как и постановления Стоглавого Собора об организации духовной цензуры, создали условия для введения книгопечатания в Московской Руси. Тот факт, что первопечатники печатали как раз те книги, которые Максим Грек исправлял (Апостол, Псалтирь, Часослов, Триодь Цветную и другие) позволяет установить непосредственную историческую преемственность деятельности Максима Грека с деятельностью Ивана Федорова и его продолжателей» [64]. И действительно, в послесловии первопечатного «Апостола» говорится: «Царь же начал помышляти, како бы изложити печатные книги, якоже в грекех и в Венеции и во Фригии». Подобные примеры для того, чтобы убедить Ивана Грозного ввести книгопечатание, мог представить Максим Грек, хорошо знавший эти страны.

Роль Ватопедской обители в развитии отечественного богословия и образования не ограничилась деятельностью ее насельника — преподобного Максима Грека. В середине XVII века этот монастырь, как и другие святогорские обители, щедро поделился своими книжными сокровищами с посланцем из России: Арсений Суханов вывез в Россию около 500 рукописей, причем из этого числа около 50 книг было взято им из Ватопеда. Среди самых древних манускриптов, переданных впоследствии в Патриаршую библиотеку, можно отметить следующие: 1. Евангелие, первая половина этой рукописи (1—179 лл.) датируется VII—VIII вв., а вторая — XII—XIII вв.; 2. Рукопись IX века: — святителя Василия Великого «Аскетикон» — о постничестве (880 г.); 3. Три рукописи X века: два экземпляра сочинения преподобного Иоанна Лествичника «Лествица», пергамент, 1-й (992 г.) на 237 листах, второй — на 234 листах, а также Кесария, брата Григория Назианзина, 218 ответов на разные догматические и нравственные вопросы.

Большая часть книг, вывезенных Арсением Сухановым из афонских монастырей, находилась в собрании Синодальной библиотеки, а в 1920 г. вместе с этой библиотекой перешла в хранилище Государственного Исторического музея в Москве.

Возвращаясь к истории Ватопедского книгохранилища, следует отметить, что тяжелые налоги, требуемые турками от обители в XVII веке, побудили братию Ватопеда искать помощи и заступничества в разных странах. Преодолеть эти трудности помогли православная Россия и правители дунайских княжеств, которые посылали монастырю щедрые пожертвования. Это в известной мере способствовало сохранению основных книжных богатств Ватопедской библиотеки.

Василий Григорович-Барский уделил подробное внимание описанию сокровищ афонских книгохранилищ, и в частности ватопедского. Среди множества грамот и актов, хранившихся в архиве Ватопеда, В. Г.-Барский особо отметил один документ, имевший отношение к истории отношений этой обители с православной Россией, но, к сожалению, он не приводит содержания этой грамоты: «В Ватопеде... еще же имут и царей российских грамоту прекрасную, но в то же время бяше в господарстве Волоском, в некоем подчиненном и причастном сему монастырю» [65].

Несмотря на такие благожелательные отзывы о состоянии ватопедского книгохранилища, существовала реальная опасность уничтожения части находившихся там рукописей. Руководствуясь своими собственными соображениями, насельники этой обители, как, впрочем, и других, иногда избавлялись от обветшалых манускриптов, а также от тех книг, содержание которых, по их мнению, могло представлять соблазн для православного читателя. Уничтожение таких рукописей было обычным делом; порой количество рукописей, сожженных в Ватопеде, было так велико, что, как говорили В. И. Григоровичу, однажды в истопленной ими печи испекли монастырские хлебы [66]. Есть много подобных свидетельств других писателей об Афоне, но приводить их здесь нет необходимости, поскольку факты очевидны.

Для того, чтобы поднять уровень образованности афонских насельников, в середине XVIII века была сделана попытка основать на Святой Горе богословское заведение. Эта попытка имеет отношение к духовным связям Афона с Русской Православной

Церковью. Основанное близ Ватопеда в 1753 году Евгением Булгарисом, это богословское училище имело своей задачей ознакомить святогорцев с новейшими достижениями науки в области истории, библейской археологии и христианской философии. Для этого в учебную программу, наряду с традиционными предметами, было введено изучение античных классиков и современной философии. Евгений Булгарис завязал переписку с немецкими богословами в Галле и даже хотел пригласить оттуда профессоров для своей богословской школы. Деятельность Евгения Булгариса могла бы иметь для Афона огромное значение, но, к сожалению, она показалась многим насельникам-традиционалистам слишком смелой и школа впоследствии была закрыта. По словам одного из паломников, побывавшем на Афоне в 80-х гг. прошлого столетия, «недалеко от Ватопеда на расстоянии 2-х верст от монастыря на возвышенном холме печально красуются полуразвалившиеся стены. Это — остов Ватопедского училища, основанного богатыми греками, которое было вверено замечательному в России и в Греции человеку — Евгению Булгарису... Это училище просуществовало только 5 лет — с 1753 по 1758 г.» [67]. Что касается Евгения Булгариса, бывшего ректора богословского училища, то после его закрытия он был вынужден покинуть Афон, прожил некоторое время в Константинополе, а затем уехал на запад, где учился в Лейпцигском университете. Впоследствии, по рекомендации Фридриха Великого, он был приглашен в Россию ко двору Екатерины II и назначен библиотекарем при императорском дворце. В 1806 году он скончался в Санкт-Петербурге в Александро-Невской Лавре в сане архиепископа.

Можно также упомянуть о том, что в библиотеке, созданной при Ватопедском монастырском училище, были собраны рукописи, которыми, по-видимому, поделились с этим заведением святогорские обители. «Некогда здесь была академия, основанная знаменитым Евгением Булгарисом, и при ней богатая библиотека, в которой, между прочим, находился текст Священного Писания, собранный пресвитером Лукианом 1500 лет тому назад» [68], — писал об этом книгохранилище епископ Никанор (Каменский), посетивший Афон в 1888 году.

С ватопедским книгохранилищем связана история того духовно-нравственного произведения, которое впоследствии оказало большое влияние на развитие и обновление монашеской жизни в России. Речь идет о книге «Добротолюбие», список которой был найден в Ватопедском монастыре святителем Макарием, архиепископом Коринфским. Эта книга была издана им в 1782 году в Венеции на греческом языке. Повествуя об этом замечательном событии, отечественный автор писал следующее: «В ней (книге «Добротолюбие». — *Авт.*) собраны мысли 36-ти святых и богомудрых мужей преимущественно о жизни духовной, внутренней, и о занятии молитвой Иисусовой "умно-сердечной", то есть умом в сердце (а не в голове) совершаемой. Старец Паисий Величковский... перевел ее на славянский язык, но только поместил писания 24 святых мужей, другие перевел и издал каждого святого старца отдельно, а некоторые остались только в рукописи, изданию которых помешала его смерть» [69].

В декабре 1844 года в Ватопедском монастыре побывал В. И. Григорович. В своих записях он кратко отметил основные события, связанные с историей монастыря, а затем уделил внимание книгохранилищу этой обители.

В. И. Григорович большое место отвел описанию рукописи «География» Птолемея и Страбона, которую он датировал XII веком. К сожалению, в Ватопедской библиотеке ему удалось отыскать только три славянские рукописи сравнительно позднего происхождения: Триодь, Евангелие и перевод бесед святителя Иоанна Златоуста, сделанный по просьбе преподобного Максима Грека иноком Силуаном; последняя рукопись принадлежала ранее Хиландарскому монастырю [70].

Говоря о «Географии» Птолемея и Страбона, В. И. Григорович отметил, что это произведение имеет большую важность для слависта, но не пояснил, в чем именно заключается эта важность. Архимандрит Порфирий (Успенский), побывавший в Ватопедском монастыре вскоре после В. И. Григоровича, также имел возможность ознакомиться с этой рукописью. Из содержания одного из его писем, посвященного данной теме, можно понять, в чем заключалось значение этой рукописи для истории России, а

также разобраться в тех конкретных действиях, которые предпринял архимандрит Порфирий для того, чтобы ее содержание могло стать предметом исследования русских ученых. «Честь имею препроводить к Вам, — писал архимандрит Порфирий К. С. Сербиновичу, — два верных снимка с двух карт России, найденных мной в рукописи афонского Ватопедского монастыря (XIII века), которые содержат в себе географию Птолемея, перипл Адриана и географию Страбона. Эти карты, заключающиеся в числе 25, помещены в сей рукописи непосредственно после географии Птолемея. Сличение их с текстом сего землеописателя удостоверит, согласны ли они с ним или нет» [71].

В 1850-х гг. в течение двух лет в афонских монастырях работал П. И. Севастьянов, которого сопровождали несколько художников-рисовальщиков, фотографов, копиистов, 14 месяцев работавших по его указаниям. Н. П. Кондаков, впоследствии производивший на Афоне аналогичные изыскания, с восхищением отзывался о результатах громадной работы, проделанной П. И. Севастьяновым, и специально отметил ватопедские рукописи, которые тот сфотографировал. По списку, составленному самим П. И. Севастьяновым, «собрание снимков, сданных в Академию Художеств и Румянцевский музей в Москве, заключало, кроме карт и планов, 200 (или, по синодальному счету, — 300) прорисей с фресковых росписей Афона, 30 (или 100) прорисей с икон на досках или на полотне, 8 (или 12) калек с мозаик, 800 калек с инициалов и заставок, 100 копий с красками с миниатюр и 800 фотографий с них же, 3500 фотографических снимков с текстов древних рукописей (в том числе сполна с рукописи Птолемеевой "Географии" Ватопеда, с Октатевха Ватопедского, Иверского Евангелия), 100 снимков с крестов... и так далее» [72].

Таким образом, мудрая дальновидность русских ученых, благодаря которой отечественные исследователи имели возможность пополнить свои сведения о Древней Руси, не подлежит сомнению.

Русский публицист и общественный деятель С. Ф. Шарапов, побывавший на Афоне в 1889 году и посетивший Ватопедскую библиотеку, особо отметил хранившуюся там рукопись на славянском языке, имеющую отношение к истории русско-афонских литературных связей: «Интересна рукопись — перевод на славянский язык поучений Златоуста, исполненный под редакцией Максима Грека, неким диаконом Троице-Сергиевой Лавры Силуаном, с художественным предисловием этого последнего, — писал С. Ф. Шарапов. — Это предисловие — образец прекрасного языка начала XVI века. Чтобы познакомить с ним читателя, выписываю несколько строк: "Ты же ми освященного пастыря честное стадо русский московской народе, грядете, стецетеся, к присноживотному сему из рая разумного исходящему Нилу, и почерпните с веселием воду бессмертия и пийте от нея вси, и главы и руце помазуйте, се бо есть пиршество, его же всем яко любите златаго языком и медоточна устнама Иоанна"» [73].

В 1896 году в Ватопеде побывал другой русский ученый — Х. М. Лопарев. В своих заметках о библиотеке этой обители он перечислил некоторые виденные им греческие рукописи, а затем, как и прежние русские исследователи, отметил наличие там рукописи, содержащей беседы святого Иоанна Златоуста, переведенные на славянский язык: «В библиотеке видел рукопись XVI века поучений Иоанна Златоуста, переведенную Максимом Греком и писанную сотрудником Силуаном» [74].

Сведения о современном состоянии Ватопедского книгохранилища можно почерпнуть из описаний, посвященных истории святогорских обителей. Библиотека Ватопеда богата как манускриптами, так и печатными изданиями: здесь более чем 1700 рукописей, из которых 625 написаны на пергаменте [75].

Заканчивая краткий обзор истории книгохранилища этой древней обители, необходимо отметить, что Ватопеду также принадлежит скит святого Димитрия, в получасе ходьбы от этого монастыря. Библиотека этого скита насчитывает 73 рукописи и около 200 печатных книг, и ее можно рассматривать как составную часть рукописного наследия Ватопеда.

Иверский монастырь

По преданию, иверцы (грузины) впервые поселились на Афоне в 787 г. Они возвели обитель на склоне горы, на месте нынешнего Предтеченского скита Иверского

монастыря. А в последней четверти X века, вскоре после основания Лавры святого Афанасия, грузинские иноки построили более обширную обитель, которая с тех пор стала называться Иверским монастырем [76].

Один из самых древних манускриптов, хранящихся в библиотеке Иверского монастыря, помог в свое время по-новому осветить научную проблему, связанную с обстоятельствами становления славянской культуры. Как известно, история славянской письменности начинается одной загадкой: древнейшие церковно-славянские памятники, принадлежащие к X и XI вв., не отличаются единством правописания, но написаны или глаголицей или кириллицей. Между тем, достоверные исторические источники утверждают, что святой Кирилл изобрел только одну азбуку. Хотя этот вопрос породил огромную литературу, его нельзя считать окончательно решенным; можно только констатировать, что большинство авторитетных ученых в прошлом склонялось к мнению о старшинстве глаголицы перед кириллицей. Как бы то ни было, чрезвычайно интересно отметить тот факт, что на Афоне сохранились самые древние, самые крупные и самые ценные в качественном отношении глаголические памятники. Кроме того, в архиве Иверского монастыря сохранился документ, который, хотя и написан на греческом языке, но тем не менее является древнейшим датированным глаголическим памятником.

Это — судебный акт 982 года, в котором ряд свидетелей удостоверяли обмен землями, произведенный жителями крепости Иериссо с основателем Иверского монастыря Иоанном Ивером. Этот акт был открыт в 1846 году на Афоне архимандритом Порфирием (Успенским). В верхней части этого акта начертаны 75 крестов, под поперечниками которых свидетели подписали свои имена. Около одного из крестов написаны буквы, глаголическое происхождение которых не подлежит сомнению. «Афоно-иверская глаголица 982 года пока есть самая старшая славянская из Болгарии письменность подобного рода», — писал впоследствии епископ Порфирий, комментируя сделанное им открытие [77].

Этот глаголический памятник представлял такую большую ценность в научном отношении, что его специально изучал на Афоне архимандрит Леонид (Кавелин) в 1868 году. Он даже испросил этот акт у иверцев на 2 месяца и, вернувшись в Константинополь, отправил его через русское посольство в Россию академику И. И. Срезневскому для детального исследования надписи, и просил его снять копию со всего акта и в особенности с глаголической надписи «попа Георгия» [78].

Грузинский епископ Кирион, занимавшийся в начале XX века историей русско-грузинских культурных связей, упоминает о виденной им на Афоне пергаментной рукописи 1074 года на грузинском языке. На страницах этого Синодика под 7 января упоминается имя Иоанна, русского по происхождению, пожертвовавшего Иверскому монастырю 5 рукописей: Праздничную Минею в 2-х томах, а также сочинения Дионисия, Феодорита и Лавсаикон. Из этой записи явствует, что в Иверском монастыре подвизались и русские монахи; по мнению епископа Кириона, несмотря на то, что «сведение сохранилось в этой рукописи об одном лишь русском подвижнике, сделавшем крупный вклад, но, несомненно, что немало было русских вообще, делавших мелкие пожертвования, не отмечаемые в синодиках, которых влекла туда жажда к аскетической жизни и духовному просвещению в богословском училище означенного монастыря» [79].

В 1653—1655 гг., по благословению патриарха Никона, старец Арсений Суханов побывал в святогорских обителях, откуда вывез 498 рукописных и печатных изданий, необходимых для исправления русских богослужебных книг. Среди этих книг большая часть (156) была приобретена Арсением Сухановым в Иверском книгохранилище. Это количество упоминается в грамоте Иверского монастыря от 1660 года, которую вывез в Москву архимандрит Исаак для вручения ее царю Алексею Михайловичу. В этой грамоте, наряду с описанием бедственного состояния Иверского монастыря, сообщается о деятельности Арсения Суханова: «И послали есмя прежде сего с человеком царствия вашего преподобноинока святаго и старого господина Арсения, по повелению высочайшего вашего царствия, книг многих добрых и надобных по счету 156 книг, которые сам выбрал из книгохранительного места нашего монастыря» [80]. По словам отечест-

венного исследователя прошлого столетия, «такая довольно значительная присылка книг объясняется теми отношениями, в которых находились между собой московское правительство, с одной стороны, и Иверский монастырь — с другой. Последний в царствование Алексея Михайловича сделался любимым из всех афонских монастырей; ему — всегда больше, чем другим афонским монастырям, посылалось и давалось милостыни, и наконец, ему было подарено подворье в Москве — маленький монастырь. Желая со своей стороны чем-либо отблагодарить московское правительство, иверские монахи и послали от себя такое большое количество книг» [81].

В конце XIX века в составе Патриаршей библиотеки насчитывалось 104 рукописи, привезенных Арсением Сухановым из Иверского монастыря, причем самой древней из них являлась рукопись IX века «Сборник проповедей» святителя Григория Богослова (ок. 329—389) (пергамент, в лист, 404 л.). Рукописей X в. насчитывалось 9, XI — 10, XII — 12, XIII — 5, XIV — 8, XV — 25, XVI — 23 и XVII в. — 11 [82]. В настоящее время проведена большая и кропотливая работа по выявлению более 150 «сухановских» рукописей, вывезенных из Иверского монастыря, и теперь речь идет уже о попытке восстановления древнейшей основы библиотеки Иверского монастыря — рукописей, которые окружали святого Евфимия Святогорца: «Начало такой работы, — пишет современный исследователь, — может быть положено, однако уже теперь с помощью исследования гораздо лучше изученных, более подробно описанных и легко доступных для анализа кодексов Ватикана, Парижа, Лондона и особенно Москвы, где в собрании Государственного Исторического музея — подлинный "Афон вне Афона" — коллекция привезенных в 1655 г. Арсением Сухановым из святогорских монастырей 500 греческих рукописей, среди которых более 150 — τῶν Ἰβήρων (иверских)» [83].

Книжные связи между Иверским монастырем и Россией продолжались и после возвращения Арсения Суханова в Москву в 1655 году. 26 июня 1655 года в Москву прибыли архимандрит Иверского монастыря Дионисий и архимандрит монастыря святого Павла Иоасаф. Иверский архимандрит Дионисий был послан для замены архимандрита Климентия, жившего на пожалованном Иверскому монастырю подворье (близ Ветошного ряда на Никольской улице). Но, посланный с особой целью, он все-таки считал нужным захватить с собой и некоторые книги, которые он передал царю Алексею Михайловичу в качестве подарка. Об этом сообщается в уже упоминавшейся грамоте Иверского монастыря от 1660 года: «...Да мы ж послали с архимандритом нашим Дионисием иных книг 14» [84].

Дальнейшая деятельность представителя Иверского монастыря архимандрита Дионисия в России тесно связана с упрочением афоно-русских литературных связей. Во время пребывания в России архимандрит Дионисий с 1663 года был справщиком на Печатном дворе и занимался переводческой деятельностью. (На Соборе 1667 г., осудившем патриарха Никона, архимандрит Дионисий был также переводчиком при восточных патриархах).

Одна из записей, относящихся ко второй половине XVII века, содержит сведения об активной литературной деятельности иверского архимандрита Дионисия по приезде в Россию. В предисловии к вышедшему в Москве в 1665 г. Сборнику переводов святоотеческих произведений, выполненному Епифанием Славинецким, на обороте 1-го листа сказано следующее: «А свидетельствованы сии святыя и богодуховновенныя книги во типографии со греческих старых письменных и печатных переводов святыя горы Афонския тоя же святыя горы архимандритом Дионисием со клевреты его» [85].

Говоря о греческих книгах архимандрита Дионисия, следует упомянуть о принадлежавшем ему литературном сборнике XVI века, который хранится в настоящее время в библиотеке Румынской АН в Бухаресте (№ 948). Эта рукопись интересна в первую очередь материалами, имеющими отношение к истории России на рубеже XVI—XVII вв. Так, на л. 408 об. находятся следующие 6 записей на греческом языке:

1. «Лета 7106 месяца января в седьмой день, в ночь с пятницы на субботу, в 7-й час ночи скончался славный во царях князь Федор Иванович. Того же лета и того же месяца воцарился Борис Федорович, января 12, час 2-й дня, в четверг».

2. «Того же лета февраля 22-го пришел патриарх и архиереи, бояре и синклит, архимандриты, игумены и прочий народ и умоляли и звали на царство боярина Бориса Федоровича и после великих уговоров согласился царствовать, во вторник».

3. «Апреля в 30-й день поселился во дворце вместе с царицей и чадами».

4. «Мая в 7-й день отправился в поход».

5. «Того же лета сентября 3-го венчался на царство, в воскресенье».

6. «Лета 7113 месяца апреля в 13-й день, в ночь с субботы на воскресенье, скончался славный во царех великий царь Борис Федорович, всея великия России, в Божественной и ангельской схиме Боголеп» [86].

Почерковедческий анализ, проведенный современным исследователем, позволил сделать вывод о том, что «владелец рукописи в 1598—1605 гг. находился в Москве и был свидетелем тех событий, точные сведения (вплоть до указания дня и часа) о которых он время от времени записывал на свободном от текста листе принадлежавшей ему книги. В первой половине XVII века рукопись была вывезена из России. Она оказалась в Иверском монастыре на Афоне, о чем свидетельствуют пометы — "τῶν 'Ιβήρων" на нижнем поле л. 1 и в верхнем поле л. 7, сделанные рукой архимандрита Дионисия, будущего справщика Московского Печатного двора, с упоминанием его имени как архимандрита Иверского монастыря. Можно предполагать, что рукопись вновь, теперь уже вместе с Дионисием, в 1665 г. вернулась в Москву, а затем, когда он стал митрополитом Угровлахийским, оказалась в Румынии, где и хранится по сей день» [87].

Архимандрит Дионисий живо интересовался историей той страны, где ему довелось проходить свое церковное служение и даже предпринял попытку систематизировать сведения, относящиеся к начальному периоду становления русского государства. Архимандриту Порфирию (Успенскому) посчастливилось отыскать такую рукопись в Каире в середине XIX века. Она была написана по-гречески, что делало ее доступной для ознакомления исследователей из самых широких православных кругов на Ближнем Востоке. «В 1668 г. архимандрит Иверской обители Дионисий из славянских книг собрал сведения о начале россов, о крещении их и об апостоле Андрее.., проповедовавшем там слово Божие, — писал архимандрит Порфирий. — Этот сборник его на греческом языке я рассматривал в Синаеджуванийской библиотеке в Каире. Вот заглавие его и мои выписки из него: "...Олег завоевал многие места, предпринял великую войну против Константинополя, и великое разорение причинил грекам, в царствование Льва Мудрого и брата его Александра, в 6415 (907) году, и дани с них взял... В 12-е лето царствования Льва Мудрого, по прошествии 30 лет после крещения болгар, переведены были на славянский язык Евангелие и Апостол"» [88].

В настоящее время известны 4 списка этого сочинения Дионисия: один из них — это отысканный архимандритом Порфирием в Каире, два других находились в Патриаршей библиотеке в Иерусалиме и, наконец, 4-й хранился в Иверском монастыре (№ 4294 — по каталогу С. Ламброса) [89].

Дионисий составил свой труд на основе русских летописей, о чем и упоминает в его заглавии: «История, или повествование о начале россов, откуда происходят князья их, и о том, когда и как приняли они святое крещение и стали христианами. И о святом апостоле Андрее, как он пришел на Русь и возвестил божественную весть. Собрано вкратце из славянских книг и переведено на наш диалект (на греческий язык. — *Авт.*) смиренным Дионисием, архимандритом из святых Иверского монастыря во Святой горе Афонской, во время его пребывания в преславном царствующем граде Москве в 1668 году» [90].

В записи, сделанной в 1744 году Василием Григоровичем-Барским об Иверской библиотеке, перечисляются некоторые грамоты (7), хранившиеся в Иверском монастыре и наряду с прочими В. Г.-Барский отметил одну из них, имеющую прямое отношение к истории связей Иверской обители с православной Россией: «Тамо обретается и хризовул царей российских буквами черными ясно написан с главными письмены златыми и с печатию от червонного воску вытисненной и на шелковых снурках висящей внутрь ковчежца, в котором свидетельствуется о монастыре святителя Христова Николая, иже в Москве дарованном в причастие сему Иверскому монастырю, ради

любви чудотворныя предписанныя иконы, именуемой Портаитския, или Вратарницы. С нея же список послан в Москву во дни патриарха Никона, построившего в России близ Валдай на острове озера монастырь Иверский, о нем же и скажаше в книге "Мысленный Рай" напечатано в оном монастыре со иконою, лета 7167 (1659)» [91].

В 1844—1845 гг. на Афоне побывал профессор Казанского университета В. И. Григорович, который провел на Святой Горе в общей сложности 4 месяца. Ему удалось всего лишь 5 дней уделить посещению Иверской обители и знакомству с рукописями монастырского книгохранилища. За этот короткий срок не могло быть и речи о каких-либо фундаментальных исследованиях, и поэтому изыскания В. И. Григоровича ограничились составлением перечня наиболее интересных из тех манускриптов, с которыми он смог ознакомиться.

В. И. Григорович перечислил некоторые из тех греческих рукописей, которые вызвали его повышенный интерес; среди прочих он отмечал наличие в одной из них писем патриарха Фотия, но, к сожалению, эта находка не побудила его к более углубленным поискам, что впоследствии с большим успехом осуществил архимандрит Порфирий (Успенский).

Среди перечисленных рукописей В. И. Григорович отметил лишь только три, которые, по его мнению, могли представить интерес для исследователей: «Из числа всех этих рукописей три только вознаградили поиски, — писал он. — В рукописи № 9 заключается статья о богомилах, учение которых было распространено в Болгарии в XI столетии. Эта рукопись напечатана в Валахии, я почел, однако, нужным иметь отдельную копию статьи. В сборнике № 8 статьи о Кирилле и Мефодии выписаны из сочинения Феофилакта о святом Клименте и заключают только догматическое изложение о Святой Троице; но статья под заглавием "Святого архиепископа русского Леонтия слово об азимитах", сколько мне известно, еще не напечатана, хотя и находится в патриаршей московской библиотеке. Я приобрел список ее. В одном из пергаменных сборников встретилось также послание Иоанна, митрополита русского к Клименту, папе (Римскому. — *Авт.*) ... Это послание, напечатанное К. Ф. Калайдовичем в славянских памятниках XII столетия, было известно в греческом подлиннике Герберштейну» [92].

В конце декабря 1858 года, работая в Иверской библиотеке, архимандрит Порфирий совершил выдающееся открытие, которое стало важным событием не только в его жизни, но и для всей Русской Православной Церкви. Речь идет о «4-х беседах Фотия, святейшего Патриарха Константинопольского», сказанных им по случаю нападения россов на Константинополь. Выше уже отмечалось, что В. И. Григорович видел среди иверских рукописей письма Патриарха Фотия, но он не смог тогда начать углубленные исследования. Что касается архимандрита Порфирия, то он внутренне был готов к поиску этих документов, что явствует из его письма по поводу совершенного им открытия: «Ученые в Европе и в России давно знали, что знаменитый Фотий, Патриарх Константинопольский, говорил 2 беседы по случаю нападения россов на Константинополь, но не знали содержания их, потому что они никогда не были напечатаны, да и списков с них никто не отыскал в лучших библиотеках европейских, хотя начало той и другой беседы прописано в каталогах. Преосвященный архиепископ Черниговский Филарет в составленном им историческом учении об отцах Церкви упомянул об этих беседах Фотия, но вместе с тем изъявил сожаление о том, что они до сей поры не отысканы и не изданы в свет. Долго, очень долго под спудом хранились эти два перла, столь драгоценные для России. Но наконец они открыты! Я нашел их в книгохранилище афонского Иверского монастыря. Это было в 28-й день декабря месяца 1858 года» [93].

Архимандрит Порфирий понимал огромную важность для Русской Православной Церкви сделанной им находки и поэтому уже через три дня отправил из Иверского монастыря письмо, где сообщал о своем открытии обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому: «Извещаю Вас, что в библиотеке афонского Иверского монастыря найдены мною (28 прошлого декабря) две беседы святейшего Патриарха Фотия, говоренные им по случаю осады Константинополя россами, и усердно прошу Вас передать это известие нашей Академии наук, которая искала этих бесед даже в мадрид-

ской библиотеке и не нашла, — писал архимандрит Порфирий. — Они вместе с другими поучениями Фотия помещены в рукописи, содержащей многие творения сего знаменитого иерарха. Эта рукопись в лист стенографически писана на бумаге в 1628 году и принадлежала Константинопольскому Патриарху Дионисию, известному благодетелю афонских обителей. Мелкий почерк ее по виду походит на письмо персидское, но разборчив. Я переписываю обе эти беседы и по возвращении в отечество напечатаю их вместе с русским переводом» [94].

В дальнейшем архимандрит Порфирий сделал в Иверской библиотеке также ряд других значительных открытий, касающихся истории христианской культуры и древней грузинской письменности [95]. Но по-прежнему своей главной удачей он считал найденные им тексты Патриарха Фотия, об обстоятельствах нахождения которых он написал впоследствии более подробно.

По словам архимандрита Порфирия, из всего числа бесед Патриарха Фотия «уцелели только 16, да и те известны одним ученым мужам лишь по оглавлениям их, потому что они никогда не были изданы все сполна, кроме 2-х, помещенных в новейшем издании всех творений Фотия, которое сделал аббат Минь, и потому что никто не переводил их ни на какой язык. Я нашел их в богатой рукописями библиотеке Афоноиверского монастыря и весьма обрадовался этой находке. Это было в 28 день декабря месяца 1858. Там они были помещены в особой книге, написанной на бумаге, в лист, 26 июня месяца 1628 года в день субботний: а книга эта, принадлежавшая Константинопольскому Патриарху Дионисию, содержит два послания Фотия к римскому папе Николаю и одно послание к Антиохийской Церкви, 17 правил святого и великого Собора, бывшего при Фотии в храме святых Апостолов, 16 бесед сего патриарха, и его же 275 писем к разным лицам, сочинение под названием Амфилохия, и два рассуждения о теле и душе. Беседы Фотия заняли все внимание мое, как неведомые редкости. С жадностью я прочел две первые из них, а когда на третьей и четвертой увидел надписи, — первая беседа по случаю нашествия россов, вторая беседа по тому же случаю; тогда пришел в такой восторг, что все существо мое взыграло от радости. И было чему радоваться! Ведь мне, искавшему многоценных перлов на Востоке, попались два бриллианта, о которых редко кто знал, а многие, весьма многие и не слышали, и которые я желал найти, и желал так, что после открытия их не захотел бы и слыть более счастливою случайностью. Обе эти беседы тотчас были переписаны мною с точностью, а находившийся при мне живописец отподобил почерк их на прозрачной бумаге. По окончании этой приятнейшей работы я прочел остальные беседы сладчайшего мне Фотия и из них выбрал и переписал еще две, о почитании икон и об искоренении всех ересей в Византийском царстве» [96].

Эти четыре беседы Патриарха Фотия были переведены архимандритом Порфирием с греческого языка и напечатаны отдельным изданием в 1864 году. Необходимо отметить, что в этом издании епископ Порфирий приводит следующие слова Патриарха Фотия о россах, которые он писал в своем Окружном послании к Восточным Церквам: «Теперь и сами они переменили нечестивое языческое суеверие на чистую христианскую веру и, приняв епископа и учителя, ведут себя как послушные сыны и друзья» [97].

Если иметь в виду, что за официальную дату крещения Руси принимается 988 год, то Патриарх Фотий, живший в IX в. (ок. 820—891), не мог говорить о русских, которые в это время были еще язычниками. Но, с другой стороны, следует привести предположение В. И. Ламанского о том, что первым крестителем Руси был Константин Философ, от которого Русь получила и славянскую письменность, и славянское богослужение [98]. Крещение это произошло во время хазарской (русской) миссии Константина Философа в 862 году, то есть еще при жизни Патриарха Фотия. За целое столетие, прошедшее с того времени, когда С. Ламброс составил каталог греческих рукописей Иверского монастыря, книгохранилище этой обители не понесло существенных утрат. Так, в 1880 году С. Ламброс насчитал здесь 1386 греческих рукописей, а в настоящее время библиотека Иверского монастыря содержит более чем 2 тысячи рукописей и 15 литургических свитков, причем из общего числа этих кодексов 123 написаны на пергаменте. К этому количеству необходимо добавить около 100 пергаментных манускриптов на

грузинском языке [99]. В библиотеке также хранится свыше 15 тысяч печатных книг, среди которых имеются несколько прекрасных первопечатных книг и инкунабул.

Содержание большинства грузинских рукописей, которые по-прежнему хранятся в Иверском монастыре, к счастью, не утрачено для науки. В 1977 году грузинский исследователь Гурам Патарая (ск. в 1983 г.) побывал в Иверском монастыре, где у него была возможность ознакомиться с рядом древних рукописей, и прежде всего на грузинском языке. По его словам, в Иверском монастыре ему удалось микрофильмировать 73 объемистых тома неизвестных науке грузинских рукописей (в основном X—XIV вв.). Микрофильмы впоследствии были переданы в дар Тбилисскому университету и Институту рукописей им. К. Кекелидзе Академии наук Грузинской ССР. Но там были находки, ценные не только для грузинской культуры. «Не могу забыть, — писал Г. Патарая, — как в Иверском монастыре нам показали подарок Петра I — издание Ветхого Завета. Книгу еле вынесли три человека — она приблизительно метр в длину и полметра в ширину, в поразительно выполненном золотом чеканном окладе. Мы долго рассматривали ее, восхищаясь искусством русских мастеров» [100].

Как видно из краткого обзора рукописного наследия Иверского монастыря, эта обитель в течение долгого времени была тем духовным центром, где грузинская и греческая традиции и культура постоянно оказывали друг на друга взаимное влияние, причем этот процесс происходил на фоне самых тесных связей Иверского монастыря с Россией. В этом — уникальность истории Иверского книгохранилища и особая притягательность для его будущих исследователей.

Хиландар

Известно, что сербские монахи поселились на Святой Горе довольно рано. Однако на основании сохранившихся исторических источников следует полагать, что сербы основали свой монастырь в конце XII века с прибытием сюда будущего сербского архиепископа Саввы, который после некоторого пребывания в монастыре Ватопед обосновался в Хиландаре, центре сербского святогорского монашества.

В житии святого Саввы имеются указания на его возможные связи с русскими монахами и русскими монастырями Святой Горы [101]. Это было вполне реально, как видно из истории русского монашества на Афоне того времени. Можно предположить, что русские монахи между 1100 и 1169 гг., когда Пантелеимонов монастырь был в упадке, жили среди сербов и по чужим монастырям и прежде всего в Ксилургу — своей прежней обители, а также и в Ватопеде, где святой Савва имел пребывание в течение некоторого времени.

В Хиландарском монастыре сохранились списки сочинений святителя Климента, епископа Словенского, ближайшего ученика и сподвижника святых Кирилла и Мефодия. Здесь имеются принадлежащие перу святителя Климента «Похвала на преставление Богородицы» и «Похвальное слово сорока мученикам» в сербском списке 1542 года. Из памятников XII столетия, дошедших до нашего времени в рукописном сборнике болгарской редакции XVI века собрания Хиландарского монастыря (№ 211), в котором обнаруживается в языке сильное русское влияние, можно отметить «Хождение Даниила игумена в святый град Ерусалим и в прочая света места» [102].

Как известно, время правления Симеона, царя Болгарского (893—927), исследователи называют золотым веком болгарской письменности. Сам царь Симеон за свою ученость и отличное знание греческого языка был даже прозван «полугреком». В конце XIX столетия русский профессор П. А. Лавров нашел в Хиландарском монастыре сборник, который по всем признакам представляет югославянский (именно сербский) список знаменитого «Изборника Симеона», русский список которого уже давно известен в виде «Изборника Святослава» (1073). Хотя оба списка совпадают между собой не вполне, тем не менее в общих статьях они дают одинаковый перевод [103].

Перевод «Изборника Симеона» с греческого языка на болгарский датируется 913—919 гг. [104]. Попав на Русь, один из списков «Изборника Симеона» был вскоре переписан несколько раз. Самая древняя сохранившаяся его копия — это «Изборник Святослава» 1073 г.

Этот список был изготовлен в 1073 г. дияком Иоанном для киевского князя Святослава Ярославича (1027—1076), сына Ярослава Мудрого. В 1817 г. этот список был найден в Воскресенском монастыре К. Кайдаловичем и П. Строевым. Он включает 383 статьи ряда видных и некоторых малоизвестных церковных деятелей и писателей патристической эпохи. После 1917 г. «Изборник Святослава» в составе рукописей Московской Синодальной библиотеки поступил в Государственный Исторический музей в Москве, где и хранится до сих пор [105]. Что касается «Изборника Симеона», то в настоящее время известно 20 списков этой книги и ее отдельных частей [106]. Один из них — Хиландарский список XIII века, о котором речь шла выше. Эта рукопись хранится в Хиландарском монастыре (№ 24). Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах части этой рукописи были вывезены из Хиландарского монастыря. В настоящее время они находятся в Ленинграде (БАН. 13. 7. 1. Собрание Дмитриевского. № 53) и в Москве (РГБ. Григор. 19; Музейное 1702).

После своего поставлении в архиепископы святитель Савва приобрел у греков «книги многы законныя о исправлении вере, ихже требоваше соборная ему церкви», среди которых известна «Кормчая книга», переведенная с греческого языка на сербский. На то обстоятельство, что дело введения Кормчей в Сербской Церкви связано с именем и трудами святителя Саввы, указывал в середине XIX столетия русский исследователь А. С. Павлов [107]. Он признал святителя Савву «составителем, переводчиком и компилятором» Кормчей.

Что же касается самого перевода Кормчей с греческого, то он мог быть сделан на Афоне в среде славянских монахов и до святого Саввы. В это время как раз и в Византии входила во всеобщее употребление Фотиевская Кормчая с толкованиями Аристина (жил в первой половине XII века). Она в славянском переводе и легла в основу текста, приобретенного тщанием святителя Саввы. Перевод мог выйти из Ватопеда, Ксилургу или Пантелеимоновского монастыря, где, как известно, были русские монахи, а с этими монастырем был тесно связан святой Савва [108].

Этот славянский перевод Кормчей был потом прислан болгарским князем Святославом киевскому митрополиту Кириллу II, и на Владимирском соборе 1274 г. Кормчая была утверждена для общецерковного руководства [109].

Как бы то ни было, суть вопроса остается та же: Хиландарский Типик, как и вышерассмотренные канонические памятники, усвояемые святому Савве, связывает деятельность сербского святителя с деятельностью русских книжников. Всему сказанному выше можно подвести итог, приведя мнение сербских исследователей, согласно которому «первые сербские монахи Хиландара учились от русских и греков, перенимая готовые переводы богослужебных и богословских книг» [110].

Продолжая повествование о церковной письменности Хиландарской обители, необходимо перейти к трудам продолжателя святого Саввы на этом поприще, которым был его ученик и спутник в странствованиях к святым местам в Палестине, хиландарский иеромонах, духовник хиландарской братии и настоятель Карейского скита Доментиан. Говоря о написанном преподобным Доментианом «Житии Симеона (Стефана Немани)» [111] (1264), следует отметить особую роль древнерусской книжности, повлиявшей на создание этого произведения. Тут необходимо сказать о русском митрополите Иларионе (1051—1054), «муже, — по отзыву летописей, — блазе, книжнице и поснице» [112]. Из его произведений, повлиявших на югославянскую письменность, известно «Слово о законе и благодати», которое уже в XIII веке было известно в сербской письменности. Автор «Жития святого Симеона» преподобный Доментиан, живший в Хиландаре, использовал «Слово о законе и благодати» в качестве источника для своего церковно-исторического труда в 1264 году [113].

Учитывая тот факт, что преподобный Доментиан жил в Хиландарском монастыре, можно предположить, что именно там он познакомился с русским памятником и воспользовался им. Но и целиком произведение митрополита Илариона, по-видимому, также переписывалось для югославянского читателя [114].

Следует отметить сильное влияние сербской церковной письменности эпохи Стефана Душана на русское книжное искусство. Несмотря на то, что развитие юго-

славянской письменности осуществлялось параллельно с помощью сербских и болгарских памятников и русских списков с них, роль сербских рукописей была определяющей. Это, несомненно, зависело от более высокого уровня сербской культуры. Когда в афонских монастырях сосредоточились кадры сербских и болгарских книжников, то сербские переводчики и писцы сразу взяли инициативу в свои руки. В конечном счете подавляющая масса рукописных книг, направлявшихся отсюда на Русь в оригиналах и списках, оказалась по происхождению сербской. Средоточием сербской письменности на Афоне по-прежнему был Хиландар: «В Хиландарском монастыре всего более было написано древнесербских книг: лучшие и драгоценнейшие древнесербские литературные памятники были здесь составлены или переведены, написаны или списаны и отсюда распространены по всей Европе» [115].

Интересные данные о влиянии на Руси сербских рукописей можно извлечь из формул приписок в рукописях. Многие русские манускрипты начала XV века заканчиваются словами «Иисус Христос зачало и конец всякому делу благу» или различными вариантами этой формулы. Подобные слова типичны для послесловий именно сербских рукописей. Они встречаются в сербских памятниках с 80-х гг. XIV в. И повторяются на протяжении последующих десятилетий множество раз. Точно так же под влиянием приписок в сербских рукописях писцы стали называть монастыри, в которых они работали, «Лаврами» или «царскими Лаврами». «Обителью царстей» называет, например, Троице-Сергиев монастырь монах Антоний, переписавший здесь в 1414 году Поучения аввы Дорофея (РГБ, ф. 304. № 165), хотя великие московские князья в то время еще не имели титула царей. Зато царями себя называли сербские короли, и в сербских монастырях Афона, находившихся под их покровительством, такое название было уместным, ибо оно отвечало их статусу. И действительно, существует несколько сербских рукописей, написанных в Хиландаре, писцы которых называют свою обитель «царской и честной Лаврой». Такова Хроника Георгия Амартола 1386 года и Толкование на книгу Иова Олимпиодора, диакона Александрийского, 1412 года [116].

Окончательное падение сербской политической независимости (1459) было тяжелым ударом и для славянских монастырей Афона: они уже не могли рассчитывать на поддержку сербских правителей, а помощь румынских господарей и московских царей не всегда приходила вовремя, как вследствие географической отдаленности Афона от этих держав, так и вследствие их частых политических столкновений с Турцией. С этого времени и началось постепенное уменьшение монашеской общины и падение ее благосостояния.

Но тем не менее в XVI столетии продолжалось интенсивное пополнение хиландарского книгохранилища рукописями, а также и печатными изданиями, которые посылались обители жертвователями из разных стран. В поисках книг для Хиландара монахи этой обители разъезжали по разным местам, а в середине XVI столетия добрались даже до России.

Первые подробные известия о прямых сношениях сербской Хиландарской Лавры с русскими царями относятся к 1550 году. Из дел Посольского приказа видно, что в августе месяце этого года к царю Иоанну Васильевичу Грозному пришел игумен Хиландарской обители Паисий и с ним три старца. И принесли в дар государю от всей братии иконы, обложенные серебром, с изображением святых Симеона и Саввы Сербских, и крест, который носил на себе святой Савва Сербский, с животворящим древом внутри его, и мощи великомученика Стефана [117].

Тот же хиландарский игумен Паисий в 1550 году составил для митрополита Макария «Сказание об Афонской горе» [118]. «Сказание» содержит сведения о количестве монахов, размере дани туркам и о географическом положении афонских монастырей. Ответные подарки русских царей были чрезвычайно щедрыми в материальном смысле, но, кроме того, со времени Иоанна Грозного ни одно сербское паломничество не возвращалось без книжной милостыни из Москвы.

Гости получали книги в дар, иногда копировали их на месте, реже покупали. В сербских источниках сохранился целый ряд свидетельств о притоке книг, преимущественно церковных, от России. При Иоанне Грозном даже Литва, насыщенная русской

книжной письменностью, передавала ее в сербские руки. «В лето 7057 (1549), — пишет некто «Козма Василиевич, служитель храму Успения Пречистое Богоматере от богоспасаемого града Ковля», — я... придал есми сию книгу, глаголемую Палею... в Святую Гору, в монастира великии глаголемы Филандар... И дана бысть сиа книга в рукы старцом честным того святого монастиря Хиландаря которыи в запросию приходили до нашей земли Литовское именем священноиноку Максиму, а иноку Анастасию» [119]. Из Ковеля русская «Палея» попала в Хиландарскую обитель на Афоне.

Таким же путем русские книги из западно-славянских собраний поступали на Балканы и позже. Например, в 1615 году было куплено во Львове Евангелие для Хиландарского монастыря, в 1632 г. «в Лецькую земли в град Барь» куплена попавшая потом в тот же монастырь вновь русская книга (Апостол).

Но в большом количестве, разумеется, поступали книжные пожертвования из самой Москвы. На «Книге 16 пророков» надпись гласит: «Книгу, глаголемую шестнадесете велеглавных пророк, изъясненную и тльковнную (с толкованиями. — *Авт.*) Хиландару... И сию книгу послахом Силивестром священноиноком и еклисиархом (начальник церковной казны. — *Авт.*), да Прохором священноиноком, лето 7064 (1556)... из... Москвы». Интересно, что через столетие эта «Книга 16 пророков» была возвращена Арсением Сухановым обратно и водворилась в Патриаршую библиотеку [120].

К этому времени Иоанн Грозный принял монастырь Хиландар под свое покровительство, дав хиландарским монахам в 1556 году жалованную грамоту, в которой объявлял, что дарует хиландарской братии в Москве «двор со всеми потребными хоромами, в новом городе Китае, по правую сторону Богоявленского монастыря, возле Устюжского двора» [121]. После этого приток русских книг продолжал течь с неослабевающей силой. В 1557 году хиландарцы, побывав в Москве, привезли с собой домой несколько печатных книг. Библиотека кафедры далматинского епископа в Задаре хранила Евангелие с надписью: «Сие Евангелие писано в... граде Москве... а дал его и благословил... архиепископ кир Арсение Еласонский, архимандрита Хиландарского Григориа лета (1592)». Архиепископ Эласонский (Фессалия, северо-восточная часть Греции) Арсений очевидно вывез эту книгу из Москвы, куда сопровождал Патриарха Константинопольского Иеремию II, приезжавшего в 1587 г., при царе Феодоре Иоанновиче, ставить митрополита московского Иова в русские патриархи [122].

Архимандрит хиландарский Григорий окончил свои дни в постнице святого Саввы на Карее, где занимался переводом книг с русского на сербский язык. Особого внимания заслуживает сохранившийся в собрании Хиландарского монастыря и принадлежащий перу архимандрита Григория сербский список «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, точно датируемый записью писца 1585 г.: «В лето (1585) преписах сию книгу Иосипа премудраго... от русского извода, понеже не обреташеся сиа книга Иосип нашим сербскым езыком ни в Святеи Горе в србскых монастырех, ни в срьбсцеи земли, понеже много исках и испитовах (допытывался), не вемь, аще где есть в бльгарских землях нь (но) не узнах, понеже и тамо питах, нь принесена бысть от русскые земли» [123].

Таким образом, архимандрит Григорий отметил, что из всех славянских народов данное сочинение нашлось лишь у русских христиан.

В первой половине XVII столетия продолжалась интенсивная деятельность хиландарских переписчиков. В этих списках были нередки и сочинения переведенных на Руси произведений религиозно-учительной и патристической литературы. Так, например, творения святителя Иоанна Златоуста в переводе сподвижника Максима Грека Селивана (Силуана), инока Троице-Сергиева монастыря, в сербских списках известны по рукописи 1615 г., переписанной на Афоне для сербского Студеницкого монастыря с русского оригинала.

Как было уже отмечено, значительное количество книг притекало в Хиландар из России в качестве подарков от царя или от частных лиц, когда в афонские монастыри дарились напрестольные Евангелия и прочие книги. Но особенно эти пожертвования умножились в XVII веке в связи с развитием русского и украинского книгопечатания. В 1652 году царь Алексей Михайлович подарил в Хиландарский монастырь напрестоль-

ное Евангелие с соответствующей надписью [124]. Около этого же года Евангелие московской печати 1652 года принес «протоигумен Неофит от Москвы з братиею» [125].

Уже с первой половины XVII века вслед за московскими печатными изданиями в южнославянские страны посылались книги и с Украины.

Митрофан Дионисивит Мартианович дал в Хиландарский монастырь книгу бесед святителя Иоанна Златоуста киевской печати 1624 года; печатную киевскую книгу 1631 года в тот же монастырь Хиландар привез владыка Мардарий из Киева [126]; в одном позднем (1633 г.) сербском списке (Хиландарского монастыря № 307) известна русская по происхождению Толковая Палея [127].

В Хиландаре трудился в конце первой трети XVII века духовник Лавры иеромонах Дамаскин [128], который занимался особенно переписыванием и исправлением русских книг: в 1633 г. он переписал и исправил Шестоднев святителя Иоанна Златоуста с русской рукописи (код. 188).

Особое внимание исследователей привлекают результаты поездки на Афон Арсения Суханова, предпринятой им в середине XVII в. Данные о рукописях, отобранных Арсением Сухановым в Хиландаре и впоследствии привезенных в Москву, можно почерпнуть из текста присланной в Москву грамоты Хиландарского монастыря, написанной 6 ноября 1654 года. Хиландарский архимандрит Феодор, прибывший в Москву за пожертвованиями для своей обители, привез с собой книги, отобранные Арсением Сухановым в хиландарской библиотеке. С ним была также послана на имя патриарха Никона грамота, которая важна по сообщаемым в ней сведениям. В ней говорится о том, что Арсений Суханов лично отобрал рукописи в книгохранилище Хиландара, сделав пометы на каждой из них: «Онже вънутре скровища божественных книг быв, въся пореду испытно съгледов, юже въсхоте избра и свойстьвною своею рукою на краи книгы начръта, особ от оных постави» [129].

Далее в грамоте говорится о тех трудностях, с которыми встретился Арсений Суханов при отъезде в Россию, имея при себе большое количество древних манускриптов: «Множества же ради книг, иже изнесе от сеи горы, неудобь носити сеи нашим книгам — разсудив повеле нам сами собою носити к превеликому ти святительству. Его же повелению благолепно покоршеся, потрудихом о Христе братию нашу — Господня гроба поклонника и церкве нашей пръваго архимандрита Феодора иеромонаха и брата его по плоти Феофана иеромонаха и слугу обрада» [130]. Таким образом, из этой грамоты следует, что Арсений Суханов из Хиландарского монастыря не взял с собой ни одной книги, но они были впоследствии привезены в Москву хиландарскими насельниками.

Во время посещения Хиландарского монастыря Арсением Сухановым библиотека этой обители находилась в цветущем состоянии. Здесь Арсений Суханов отобрал 13 славянских и 7 греческих книг. О славянских книгах кратко сообщается в тексте вышеприведенной грамоты братии Хиландарского монастыря патриарху Никону: «Носити от честнаго нашего монастира иже от преподобнаго Арсениа избранныи книги, ихже и имена являем превеликому ти святительству словенскы книгы сия суть: шестодневник, Иов праведный, Дионисий Ареопагит, пророчество Иосиево, Григорий Богослов, четыре Златоустаго, законник великий, святый Никон, святыя Панкратий, подражание птичее, гречьскии же седмь...» [131].

Из числа же этих 13 книг о трех книгах можно составить более подробное представление, так как они сохранились до нашего времени. Это «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского (1263), Кормчая и Книги пророков с толкованием по древнему списку XI века священника Упиря Лихого, написанной в Новгороде для князя Владимира Ярославовича в 1047 году. (Книга эта пожертвована в Хиландарский монастырь боярином Михаилом Яковлевичем Морозовым.) Что касается семи греческих книг, доставленных вместе со славянскими, то о них нигде не сообщается каких-либо сведений ни в той грамоте, в которой говорится о славянских книгах, ни в деле о приезде хиландарского архимандрита Феодора, привезшего книги в Москву [132]. Тем не менее к настоящему времени удалось выявить четыре хиландарских манускрипта (Государственный Исторический Музей в Москве. № 68, 138, 143 и 157). На них нет ни помет «Арсений», ни номеров Протата [133].

К Хиландарскому книгохранилищу отношение имеет деятельность святителя Димитрия Ростовского по составлению «Четиих-Миней», которую он осуществлял в конце XVII столетия. Тексты сборника Житий заимствовались и редактировались им из многих источников и, в частности, из Макарьевских Великих Четиих-Миней (XVI век). Что же касается святого Кирилла, первоучителя словенского, то на его житии, имевшемся в распоряжении святителя Димитрия Ростовского, было указано, что оно «списано з библиотеки Хиляндарской лавры Сербской» [134].

В свою очередь, хиландарские иноки обогащались духовными сокровищами, имевшими свои истоки в лоне Русской Православной Церкви. Так, например, к числу агиографических произведений, составленных на Руси по югославянским источникам, целиком или частично использовавших их, а затем перенесенных на славянский юг, относится «Мучение» Георгия Нового Болгарского, написанное псковским иеромонахом Илией в 1539 году. Литературные источники этого произведения выяснены русским исследователем А. И. Яцимирским, который в начале века издал его по сборнику молдавского письма. Список XVII века этого жития имеется в собрании Хиландарского монастыря (№ 327) [135].

В середине XVII века усилившееся греческое влияние в славянских обителях привело к отрицательным последствиям, вдвойне печальным для развития русско-афонских книжных связей. Так, в одной из рукописей, хранившейся в Хиландаре, на последнем листе была сделана следующая надпись: «в лето 7158 (1650) каде бысть прение о крьщении во святей Горе, и сажегоше книги московские на карчи-ах (в Карее. — *Авт.*) гръци и духовника Дамаскина и попа Романа и ученика их Захарию в темници затворише и глобише их гроши. Оле беда от лукаваго рода греческаго! Месяца маиа 25 велие безчестие сатворише всем серблем и болгаром» [136].

Это свидетельство записано в никоновское время; поэтому причина тогдашнего сожжения русских книг скрывается в обстоятельствах, известных из истории патриарха Никона, предпринявшего исправление богослужебных книг, что воспринималось тогда греческими святогорцами как отступление от основ православных традиций.

В 1722 году сильный пожар опустошил половину Хиландарской Лавры.

Начавшиеся во второй половине XVIII века войны России с Турцией прекратили сообщение Афона с Россией и предоставили Хиландар его собственным средствам. Хиландар, доселе живший в основном за счет пожертвований из России, стал после этого склоняться к упадку, так что к концу XVIII века в этом преимущественно сербском монастыре болгары составляли большинство.

В. Г.-Барский, посещавший Хиландар в 1726 и в 1744 гг., отмечал большое количество древних грамот, имевшихся в хиландарском книгохранилище. Он писал, что Хиландар «ими же превосходит все монастыри святогорские; суть же все с печатями и без печатей пятьдесят, которых пречести подробно не бысть время» [137]. Перечислив около 30 наиболее древних хризовул, В. Г.-Барский сообщает о других документах Хиландарского монастыря, которые имели прямое отношение к истории взаимосвязи России с этой древней сербской обителью. В. Г.-Барский пишет: «Еще же обретаются и грамоты на пергаменте и хартиях писанные царей российских. О них же зде, для любопытства... предлагаю списки» [138]. Далее он приводит краткое описание некоторых из них, имевших отношение к пожертвованиям русских царей Хиландарскому монастырю.

Особое место в изучении актов Хиландарской обители принадлежит В. И. Григоровичу, побывавшему на Афоне в 1844—1845 гг. Помимо древних рукописей, имевшихся в книгохранилищах Афона, В. И. Григорович проявил большой интерес и к старинным грамотам и актам, и в первую очередь славянского происхождения. Перечислив (с подробным указанием содержания) 57 грамот болгарского, сербского и греческого происхождения [139], В. И. Григорович заканчивает библиографический перечень следующим замечанием: «Сверх этих хризовулов видел еще до 40, данных Хиландарю Волошскими господарями, Российскими царями и прочие. Доверие, которым я был почтен в этом монастыре, послужит доказательством человеколюбивого расположения лиц, обитающих в нем» [140].

С успехом потрудился над разбором и описанием афонских архивов архимандрит Порфирий (Успенский). Большое внимание он уделил Хиландару, где ему был оказан радушный прием, о чем он писал впоследствии: «Во время моего пребывания в болгарском монастыре на Афоне, прозываемом Хиландарем, святые отцы монастыря не только оказали мне отличное гостеприимство, но и открыли монастырский архив и библиотеку и удовлетворили, таким образом, моему любопытству» [141].

Но работа архимандрита Порфирия над древними актами была внезапно прервана из-за его серьезного недомогания, в результате чего он должен был покинуть гостеприимную обитель. Но архимандрит Порфирий надеялся продолжить эту работу в дальнейшем, что видно из его письма: «К сожалению, недостало мне времени для прочтения остальных актов и надписей Хиландарского монастыря, из которого я выехал в прошлом январе (1845 г. — *Авт.*)... по причине болезни. Но и этот пропуск в картине Афона я надеюсь пополнить через переписку с хиландарским монахом Иларионом» [142].

Такое письмо архимандрит Порфирий отправил в Хиландарскую обитель в 1848 году, и из его содержания видно, какая скрупулезная работа велась русским архимандритом по написанию истории Афона и, в частности, истории древней сербской Лавры: «...по причине болезни, постигшей меня в вашей обители (в январе 1845 г. — *Авт.*), я не успел собрать точных и полных сведений о ней, — писал архимандрит Порфирий игумену Хиландарского монастыря. — Если вы желаете, чтобы я ходатайствовал в Санкт-Петербурге о богоспасаемом Хиландаре, то благоволите сообщить мне следующие сведения: ... перепишите всю грамоту русского царя Бориса Годунова, всю грамоту царицы Марфы об Архангельском монастыре и малый типик святого Саввы, хранящийся в постнице в Карее, и выпишите из помянника имена царей сербских и русских и других князей, патриархов и архиереев, которые благоволили Хиландару... В Петербурге желают знать историю Хиландарского монастыря, и я должен написать ее, как написал в прошлом году историю Русской обители на Афоне» [143].

Далее архимандрит Порфирий перечисляет большое число имевшихся у него древних документов Хиландарской обители, из которых для истории взаимоотношений России с этой афонской обителью, интересны «Письмо хиландарских монахов к русскому царю Иоанну Васильевичу Грозному» и «Хризовул царя Иоанна Грозного и выметки из других хризовулов царей русских» [144].

Интересно отметить то обстоятельство, что во время своего второго путешествия на Афон архимандрит Порфирий в своих записках упомянул о деятельности одного русского подвижника, который занимался систематизацией хиландарского рукописного собрания: «Четверг 10 июля 1858 г., — отметил в своем дневнике архимандрит Порфирий. — Сегодня я слушал обедню в церквице святого Антония Киевопечерского, построенной в 1852 г. на приморском утесе подле Есфигмена. Обедню служил русский иеромонах Стефан, проживающий в Хиландарском монастыре. Родом он из Каменец-Подольского, молод, говорит по-гречески. Им приведена в порядок хиландарская библиотека. В домике, смежном с церквицей, живет монах Евстафий, малоросс, раб Божий» [145].

Продолжением трудов по изданию актов Хиландара является сочинение архимандрита Леонида (Кавелина), посвященное историческому описанию этой обители [146]. Среди богослужебных книг, перечень которых составил архимандрит Леонид, обращает на себя внимание рукопись полууставного письма «Каноны Богородичны 8-ми гласов», на которой имеется краткая надпись, имеющая отношение к русско-афонским связям: «Сии святые книги (понови?) трудом и настоянием игумена Гавриила, рукою хаджи Герасима, иеромонаха, родом русина, в 7210 (1702) лето» [147].

В одном из древних рукописных памятников, также отмеченных архимандритом Леонидом в Хиландарском книгохранилище, помещено «Слово учителя нашего Константина Философа», в содержании которого имеются слова, особенно актуально звучащие сейчас: «Проглас есть Святого Евангелия. Яко же пророки прорекли суть прежде: Христос грядет языки собрать, свет бо есть всему миру; реше бо они слепии прозрят, глухие услышат слово буквное, Бога познают, яко достоит. Темже, услышите, словени вси... Слышите, словенск народ весь, слышите слово: от Бога бо прииде... Се

же все мы, братие словени, замышляюше, глаголем свет подобающ, еже человеки все отлучит от жития скотска и похоти, да не, ум имуще неразумне, тоуждим языком слышаше слово, яко медна звона глас слышите; все бо святой Павел учит...» [148].

Большая работа по публикации рукописей, найденных в Хиландаре, начала проводиться европейскими учеными начиная с середины 1950-х гг. Так, например, в Чехословакии опубликована «пражская часть» Хиландарского стихираря XII в. [149]. Рукопись Хиландарского монастыря № 307 целиком напечатана в Копенгагене [150]. Рукописи, хранящиеся в Хиландарской библиотеке, помогают восполнять пробелы при публикации древних памятников церковно-славянской письменности, хранящихся вне Афона. Так, в Мюнхене в трех выпусках изданы отрывки Новгородского Ирмология XII века [151], воспроизведенные по двум рукописям (Библиотека Московской Синодальной типографии. № 149 и 150) с приложением греческого текста, причем утраченная часть была восполнена по рукописи Хиландарского монастыря XIII—XIV вв. (№ 378) восточно-славянской редакции.

В Дании в 1957 г. вышло в двух выпусках фототипическое издание нотных рукописей: Стихираря — новгородской рукописи XII в. и Ирмология — рукописи, написанной в районе Киева в начале XIII в. Обе рукописи хранятся в Хиландарском монастыре (№ 307 и 308). В Югославии сербский исследователь Радойичич представил новые сведения о путях странствования «Ирмология» юго-западного письма XII—XIII вв., вывезенного В. И. Григоровичем из Хиландарского монастыря [152]. 72 листа этой рукописи хранятся в Хиландарском монастыре, а 102 листа — в отечественном собрании (РГБ, Румянцевское собрание. № 1719).

Внимание, проявленное со стороны Югославии к Хиландарскому монастырю, позволило сербским ученым просмотреть славянские рукописи монастырской библиотеки и составить их описание, сопровождаемое альбомом фотографий отдельных листов. В этом описании, составленном Богдановичем [153], описано, в частности, до 60 русских, украинских и белорусских книг, из них 23 — до XVIII в. В настоящее время в Хиландарском книгохранилище насчитывается 181 греческая и 809 славянских рукописей, из общего числа которых 47 написаны на пергаменте, что свидетельствует об их древности. Среди рукописей имеется 7 греческих и 5 славянских литургических свитков. Кроме того, в Хиландаре собрано более 20 тысяч томов печатных книг; из них только 3 тысячи — греческие, а остальные 17 тысяч — славянские. Наряду с книгохранилищем, в Хиландаре имеется богатый рукописный архив, который содержит более 400 древних грамот, из них: 165 византийских хризовул, 160 — сербских, 9 — русских, 2 болгарские и 31 — молдовлахийская; кроме того, здесь хранится также 70 турецких фирманов [154].

После трагического пожара в Белградской народной библиотеке в 1941 году Хиландар стал самой богатой сокровищницей рукописных памятников древнесербской книжности и письменности. Что касается рукописей, написанных до XII в., то Хиландарская библиотека является древнейшей и богатейшей; в прямом смысле слова — национальной библиотекой сербского народа.

Монастырь святого Дионисия

Монастырь святого Дионисия основан на скале, на высоте 80 метров над уровнем моря. Он лежит на юго-западной стороне Афонского полуострова между монастырями Григориат и святого Павла; эта обитель посвящена памяти святого Иоанна Предтечи.

Первые отрывочные сведения о монастыре святого Дионисия появились на Руси довольно рано, но более полные и систематические сведения об этой обители стали известны в русских кругах благодаря книжной деятельности Максима Грека — выходца из Ватопедской обители, в течение долгого времени (1518—1556 гг.) жившего на Руси. Среди многих его произведений следует отметить Послание Максима Грека Василию III об афонских обителях. Хотя Максим Грек был насельником Ватопеда, большое внимание в своем Послании он уделил описанию монашеской жизни как Лавры святого Афанасия, так и Дионисиевского монастыря. Датировать Послание следует 1518—1519 гг. — временем первоначального пребывания Максима Грека на Руси.

Упомянув о Лавре святого Афанасия, Максим Грек пишет далее в своем Послании Василию III: «От сущих же у нас во истину общежителей первая и в истину чист от особства есть в греческих убо честная обитель честнаго Предтеча, еже наричается Дионисиева... Повествуемо убо есть мною священныя обители Дионисиевы известное съжительство, понеже множицею тамо приидох и тех равноангельское житие известнейше познах, неже иных, елико убо познах, сие реку любоистинне» [156].

Далее Максим Грек излагает историю основания обители, которая совпадает с известными в настоящее время историческими сведениями о монастыре святого Дионисия; интересно его сообщение о числе насельников, обитавших в этом монастыре в начале XVI столетия: «Сия убо честная обитель создателя име преподобна некоего Дионисия, тамо подвизавшася, трапезонтянина родом и брата бывша иже тамо тогда митрополита, создана есть и сия под малым глаголемым Афоном к полудни на камени высоце доволне от моря, обаче не толь велика, якова ныне зрится, но малейша; последи же при наших днех распространится расходя святейшаго патриарха Нифона, иже в ней житие скончавшего преподобне и освящением от Бога прославльшася; стенами же крепкими всюду ограждена, имат же посреди церковь единоверхну крайнейшу честнаго Предтечи рождество празднующи; его же окрест братей келиа двокровны же и трикровны. Обитают же братия яко 95, а не больши» [157].

В своем Послании к Василию III Максим Грек уделил внимание общежительным и особножительным монастырям; о труде монахов и вообще об источниках существования и благосостояния монастырей Максим Грек в Послании привел два примера общежительных монастырей (Дионисиат и Зограф) и два особножительных (Лавра и Ватопед). Свое описание Максим Грек начал с особных — Лавры и Ватопеда, поскольку Лавра святого Афанасия — одна из самых главных и крупных обителей Афона, а сам Максим Грек был выходцем из Ватопеда. В то же время интересно отметить, что симпатии Максима Грека были всецело на стороне общежительных монастырей, о чем он пишет далее, говоря об устройстве монашеской жизни в обители святого Дионисия: «Общее житие от начала имевше и даже доселе пребывающе чистейша, яко ниже до иглы, по реченному, власти держати в келии, кроме изволения настоящего, иже единомыслене вся, яже обители исправляюще непрестанно труждаются и внутрь и вне и на земли и на мори, якоже и живущем в святейших Лаврах, тии же суще и корабници и посланницы, и винограда делатели, и земледелатели, и строители, и келари, и хлебници, и повары и всякую просте службу и потребу обители усерднейше исполняюще, ничто же нигде от общих нашей братства отнудь усвояюще, но паче прибавляти присно сия тщатся» [158].

Далее Максим Грек повествует о гармоничном сочетании монастырских послушаний в обители святого Дионисия, когда для каждого насельника предлагается разумное чередование хозяйственных работ и молитвенного подвига: «Толико же труждающеся ниже духовных не радят трудов, аще пригодная места точию имут, идеже аше прилучатся труждающеся, егда настанет время песнопения, от дел преставше, псалмопение совершают священником тем присно споследующим обычай общего жития правило повсюду соблюдают, сиречь понедельник, среду, пяток единою ести без масла, вина и рыб и 300 поклонов на всяк день творити» [159].

Приведенные отрывки из Послания Максима Грека свидетельствуют о том вкладе, который был сделан в рукописное наследие Руси выходцем из Ватопеда, что помогло русским христианам лучше узнать о другой афонской обители — монастыре святого Дионисия. Другим интересным манускриптом, имеющим прямое отношение к афоно-русским литературным связям, является рукопись, хранящаяся в библиотеке Дионисиата (№ 446, 1592 г., август). Это — Сборник служб святым и другие сочинения. В конце рукописи переписчик сделал следующую запись (по-гречески): «Сия книга написана мной, иеромонаха Макария, рукой, в Москве (городе) Великой России, в лето 7100-е, индикта 5-го, месяца августа в 13 день. Закончена (книга) в царствование Феодора и царицы Ирины, когда родила дочь его Феодосию» [160]. По мнению современного исследователя, «иеромонах Макарий был, вероятно, одним из тех многочисленных посланцев с Востока, которые в поисках денежных средств для своих монас-

тырей приходили в Москву в XVI веке. Нередко такие странники жили в русской столице долгое время и занимались иногда здесь книгописанием. Покидая Москву, они, как правило, увозили с собой и переписанные книги» [161].

Продолжая обзор церковных и литературных связей Дионисиатской обители с Россией, необходимо сказать несколько слов о тех рукописях, которые были посланы братией Дионисиата в Россию с Арсением Сухановым, приезжавшим на Афон в середине XVII века. Следует подчеркнуть, что поездка Арсения Суханова на Афон не была официальной. В архиве монастыря святого Дионисия сохранился документ, который говорит о том, что продажа книг в Россию в 1654 году была осуществлена афонскими монастырями без ведома турецких властей [162]. Документ составлен, вероятно, в Протате 10 июня 1654 года по-гречески, и в переводе на русский язык он читается следующим образом: «Настоящим нашим договором все мы, кафигумены всех монастырей Святой Горы и старцы совета, объявляем и по собственной воле пишем и обещаем в данном документе, что если когда-нибудь станет требовать от нас ответа ага бостанджи-баши относительно наших древних книг, которые мы отдали царю Московии, (то будем говорить, что) мы отдали их из-за великой нашей бедности и, кроме того, потому, чтобы бедные монастыри имели возможность получать милостыню, дабы избавиться от бедности. Ибо без милостыни мира мы не можем прожить. Также если заптиджи Зафар ага будет проявлять беспокойство из-за того, что московит беспрепятственно покинул Святую Гору с книгами, мы все да будем единодушны и дадим ответ, как сможем. Если же он не будет согласен с этим договором и соглашением, к которому мы пришли и который совершили относительно святого Отца (Суханова — *Б. Ф.*) и захочет поступить по-своему, клевеща на нас, и не будет спокойно относиться к договору, который мы заключили, то пусть поступает, как знает, и пребывает в беспокойстве, мы же будем держать ответ, единые душой и телом, ради любви Христовой и бедных монастырей. И в утверждение истины все мы подписываемся собственной рукой. В лето 1654, месяца июня 10» [163]. Далее следуют подписи наместников или представителей всех афонских монастырей [164].

Этот перечень важен как документ, сообщающий о том, в каких монастырях в это время сохранялось славянское влияние. Большинство подписей в этом перечне написано по-гречески, однако несколько подписей выполнено по-славянски: «Виктор игумен хиландарский со всем монастырем», «Герасим Ксенох» (из Ксенофонта. — *Авт.*), «игумен Иаков из Зографа с братиями», «Анания игумен из святого Павла с братьями!»

Следует упомянуть о судьбе тех 34 рукописей, которые Арсений Суханов вывез именно из Дионисиата. Согласно данным, имевшимся в конце XIX века в распоряжении русского исследователя С. Белокурова, в Патриаршей библиотеке в Москве хранилось 17 рукописей, принадлежавших ранее обители святого Дионисия: 6 рукописей — X в., 4 — XI, 2 — XII, 1 — XIII, 2 — XIV, 1 — XV, 1 — XVII [165]. В настоящее время, благодаря трудам отечественных исследователей, удалось выявить дополнительное число манускриптов, вывезенных Арсением Сухановым из Дионисиата, и из 34 рукописей известно местонахождение 30-ти [166].

К середине XVIII в. относится сообщение о Дионисиате В. Г.-Барского, который приводит подробное описание книжного собрания, отмечая некоторые из хранившихся там рукописей [167]. Рассказав о расположении библиотеки и приведя данные о количестве хранившихся в Дионисиатской библиотеке рукописей («бяше же числом всех, яко полторы тысячи»), В. Г.-Барский отметил одну из них; он сообщает о документе, который свидетельствовал о связях Дионисиата с Россией: «Обретается тамо грамота царя российского Алексея Михайловича, на бумазе писанная» [168]. Но, к сожалению, Барский не смог изучить ее текст, поскольку она «не бяше тогда в монастыре, но инде за потребою была отослана» [169], но тем не менее упоминание об этой грамоте ценно уже само по себе.

Пребывание В. Г.-Барского на Афоне относится к 1726—1744 гг., и следующим по времени отечественным письменным свидетельствам о монастыре святого Дионисия является сообщение монаха Саровской пустыни Игнатия, прибывшего на Афон из

России в 1767 году. К сожалению, он оставил лишь краткие записи о каждом афонском монастыре, в котором побывал, и его описание Дионисиатской обители чрезвычайно кратко: «В Дионисиате церковь имеется Иоанна Предтечи. Начальствующий в нем игумен; братии довольно. Ограда из дикого камня; кельи в станех о четырех жильях. Стоит над морем, и поклонихся братии, приняв благословение и отъидох» [170].

В 1844 году в Дионисиатской обители побывал В. И. Григорович. В своих дневниковых записях он отметил общее количество книг и рукописей в Дионисиатской библиотеке; если сравнить это с тем, что видел здесь В. Г.-Барский сто лет назад («числом всех яко полторы тысячи»), то можно сделать вывод, что за это время многое в книгохранилище Дионисиата было утрачено: «Книг в библиотеке около 400 и рукописей до 50, — писал В. И. Григорович. — Кроме одного греческого Евангелия, писанного уставом, и рукописей Иппократа и Омировой Илиады на простой бумаге, все прочие богословского содержания, Славянских рукописей нет» [171].

Вскоре после отъезда В. И. Григоровича с Афона туда прибыл архимандрит Порфирий (Успенский). За время своего пребывания на Афоне он посетил и монастырь святого Дионисия. Подобно тому как в свое время Арсений Суханов вывез из Дионисиата греческие рукописи, необходимые для исправления русских богослужебных книг, так и архимандрит Порфирий отобрал в этом монастыре ряд древних манускриптов для их дальнейшего изучения в России. На основании тщательного изучения как рукописей Дионисиата, так и других афонских монастырей, архимандрит Порфирий впоследствии написал капитальный труд по истории Афона. Что же касается рукописей, вывезенных им с Афона, то после его смерти они были переданы в Санкт-Петербургскую Публичную библиотеку и ныне являются украшением ее греческого рукописного собрания [172].

В 1852 году гостем Дионисиевой обители был болгарский исследователь К. П. Дмитриев-Петкович. Отметив, что в то время в обители проживало около 120 монахов, среди которых было 8 болгар, К. П. Дмитриев-Петкович далее перечислил некоторые из наиболее примечательных дионисиатских рукописей: 10 древних рукописных Евангелий, а также Псалтирь (1313 г.) с 9-ю прекрасными изображениями; рукопись с отрывками произведений Геродота и жизнеописание Плутарха; Летопись «от сотворения мира до императора Михаила, сына Константина Дука» [173]. Последняя рукопись представляла для исследователя наибольший интерес, поскольку в конце этого манускрипта имелась глава с повествованием о принятии и болгарами христианства.

Сведения о событиях, связанных с историей монастыря святого Дионисия, довелось почерпнуть из старинной афонской рукописи архимандриту Антонину (Капустину), побывавшему на Святой Горе в 1859 году. (Архимандрит Антонин стал впоследствии начальником Русской Духовной Миссии в Палестине, и в 1883 г.ы по поручению Православного Палестинского Общества осуществил археологические раскопки в Иерусалиме, давшие важные результаты для более правильного понимания евангельского повествования). В книгохранилище Протата в Карее он обнаружил пергаментную рукопись, содержащую творения святителя Василия Великого. На одном листе этой рукописи архимандрит Антонин обнаружил приписку позднего времени, повествующую о бедствии, постигшем монастырь святого Дионисия: «В 7043 (1535) году в октябре месяце сожженная обитель господина Дионисия, не знаю как, и уничтожена совершенно. Видящим плач великий, — знающим святость ее» [174].

Большой вклад в изучение рукописного наследия Дионисиата внесли сотрудники Русского Археологического института в Константинополе, который возглавлял выдающийся русский византолог Ф. И. Успенский. В 1895 году была организована научная экспедиция на Афон, в которой приняли участие сотрудники Археологического института: сам Ф. И. Успенский, О. Ф. Вульф, Б. А. Панченко, а также монах Пантелеимоновского монастыря отец Гавриил. Изучение афонских памятников продолжалось 6 недель и сопровождалось значительными результатами. В частности, в библиотеке Дионисиата был списан обширный материал для истории Трапезунда (кодекс № 154), содержащийся в древней рукописи в нескольких главах. Этот материал представляет интересные данные об истории Трапезунда, содержит сведения об этногра-

фии Черноморья и об отношениях Трапезундской империи к русскому Черноморью [175]. Во время своего пребывания на Афоне члены экспедиции РАИКа сделали около 200 фотографических снимков с рукописей и предметов церковной старины.

Говоря об изучении рукописного наследия монастыря святого Дионисия, необходимо отметить большой вклад в это дело Хрисанфа Мефодиевича Лопарева (1862—1918), одно время занимавшего должность библиотекаря рукописного отдела Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. Он побывал на Афоне в 1896 году и посвятил все время своего краткого пребывания в Дионисиате исследованию и сличению древних рукописей, в которых излагались жития святых. Х. М. Лопарев был радушно принят в этой обители; в монастыре святого Дионисия, отмечал он, «легко дышится путешественнику: при богатстве рукописного собрания здесь состоит библиотекарем отец Иаков, человек необычайно услужливый, любезный и заботливый, каких только побольше надо пожелать для афонских библиотек. Рукописи он приносил мне в келлию, и я мог в течение шести дней всецело предаться интересовавшим меня памятникам» [176].

Одним из последних дореволюционных исследователей, посетивших афонские монастыри с научной целью, был иеромонах Пантелеимон (Успенский), который прожил на Афоне с апреля по октябрь 1913 года. Подобно своему знаменитому однофамильцу, иеромонах Пантелеимон работал в афонских книгохранилищах, но, в отличие от архимандрита Порфирия, его интересовала специальная тема: рукописи, имеющие отношение к трудам преподобного Симеона Нового Богослова. В монастыре святого Дионисия иеромонаха Пантелеимона ждала большая удача — здесь он ознакомился с тремя рукописями, числящимися в каталоге С. Ламброса под № 3750, 3754 и 3803 [177]. Самой ценной оказалась вторая рукопись (№ 3754), целиком посвященная преподобному Симеону Новому Богослову. Это была рукопись XVII века; она содержала подлинный текст Жития преподобного Симеона Нового Богослова, 57 его слов и 14 гимнов. Иеромонах Пантелеимон так писал об этой рукописи: «Житие занимает здесь 74 листа; впервые в подлиннике я увидел его именно здесь. Среди слов преподобного Симеона я нашел 4 (17, 18, 20 и 55), неизвестных доселе в печати ни в подлиннике, ни в переводе, почему три из них и сфотографировал; последнее (55-е) слово скопировано по рукописи Пантелеимоновского монастыря (№ 5662). Прочие слова отмечены мною в записной книге в том виде, какое из них какому отвечает в новогреческом печатном издании (или что то же — в русском издании Феофановского перевода в 2-х выпусках) и отчасти в издании 12 слов преподобного Симеона, принадлежащем Оптиной пустыни. Наконец, о 14 гимнах, или словах в стихах, помещенных в конце рукописи, следует заметить, что все они напечатаны во второй части вышеописанного греческого издания творений преподобного Симеона Нового Богослова. Кроме них, в рукописи есть еще 4 отрывка в стихах без заглавия (один из них занимает чуть ли не 5 листов). Быть может, они входят в состав гимнов, напечатанных полностью, а быть может, являются и самостоятельными, чего я не могу пока решить определенно. Три из них я успел сфотографировать на всякий случай» [178].

Приведенное выше описание показывает, насколько возрос уровень русских исследователей, работавших в афонских библиотеках. У них уже не было необходимости приводить поверхностные описания тех манускриптов, которые имеют наибольшую древность в данном рукописном собрании, чтобы вскоре переходить в следующее монастырское книгохранилище. Располагая каталогом афонских греческих рукописей С. Ламброса, а также опираясь на исследования своих предшественников, эти исследователи смогли разрабатывать серьезные темы богословского характера. О трудах упоминавшегося только что иеромонаха Пантелеимона писал сравнительно недавно архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин). Сказав о том, что в XIX в. епископ Феофан (Говоров) не перевел на русский язык гимны преподобного Симеона Нового Богослова с греческого языка, архиепископ Василий говорит далее о том, что «этот пробел в значительной степени был восполнен иеромонахом Пантелеимоном (Успенским), опубликовавшим в 1917 году русский перевод (но не греческий текст) почти всех гимнов, основываясь на тексте Дионисия (Загорейского), латин-

ском переводе Понтануса (1603 г.) и на некоторых рукописях Святой Горы Афонской. Но последующие события помешали этому изданию получить широкое распространение» [179]. Здесь имеется в виду книга иеромонаха Пантелеимона (Успенского) «Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова», изданная в Сергиевом Посаде в 1917 году. Необходимо отметить, что сам архиепископ Василий (Кривошеин) долгое время провел на Афоне и, несомненно, знакомился с рукописями Дионисиатского монастыря, содержащими творения преподобного Симеона. Венцом его трудов, которым он посвятил значительную часть своей жизни, стала монография «Симеон Новый Богослов. 949—1022 гг.» (Париж, 1980, 354 стр.).

В настоящее время библиотека Дионисиатского монастыря насчитывает 804 рукописи, написанные на пергаменте, бомбицине и бумаге, 27 литургических свитков, написанных на пергаменте. Большое число рукописей иллюстрировано прекрасными миниатюрами. В библиотеке также имеется свыше 5 тысяч печатных книг, среди которых есть инкунабулы [180].

Из кратких сведений о работе, проводившейся русскими учеными в книгохранилище обители святого Дионисия, можно составить лишь самое общее представление о тех открытиях, которые там были сделаны. Архивы Дионисиата содержат большие духовные богатства, и долг будущих исследователей — сделать их всеобщим достоянием, внеся тем самым свой вклад в изучение истории Церкви Христовой.

Кутлумуш

Монастырь Кутлумуш, посвященный Преображению Господню, расположен недалеко от соборной площади церковно-административного центра Афона — Кареи. Он находится в живописной местности, покрытой садами, виноградниками и рощами. Сведения о начальном периоде существования обители можно почерпнуть из содержания грамоты, хранящейся в Свято-Пантелеимоновском монастыре, которая датируется 1169 годом. Среди подписей, имеющихся в конце этого документа, есть имя монаха Исаии, кафигумена монастыря Кутлумуш. Таким образом, с XII века этот монастырь уже существовал на Афоне [181]. Как известно, некоторые афонские монастыри, в настоящее время полностью греческие, были короткое или продолжительное время во владении славян. Пример этому — монастырь Кутлумуш и связанный с ним монастырь Алипиу, в котором во второй половине XIV века подвизался один из сыновей болгарского царя Ивана Александра (1331—1371) Иван Асень. По-видимому, он здесь принял монашество, а в 1416—1439 гг. возглавлял Византийскую Церковь, будучи Константинопольским патриархом [182].

К началу XVI века относится письменное свидетельство о Кутлумуше, содержащееся в «Сказании о святой Горе Афонской» святогорского старца Исаии. Он лишь кратко упомянул о Кутлумуше, но это свидетельство ценно тем, что оно относится к периоду восстановления афоно-русских связей после перерыва времен татаро-монгольского ига: «Монастырь Кутломус (Кутлумуш. — *Авт.*), Мутьянского (молдавского) воеводы, церковь Петр Апостол, а братии 60» [183].

Таким образом, в XVI веке связи Афона с Россией стали более тесными, чем это было ранее. И хотя Москву посещали иноки не только афонских обителей, но и ряда православных стран, находившихся под властью турок, в афонских монастырях с их книгохранилищами остались на этот счет ясные свидетельства. Так, в Кутлумушском монастыре имеется древняя рукопись (№ 293) 1597 года, февраль, Четвероевангелие, на 259-м листе которой находится следующая помета писца: «В богоспасаемом граде Москве, в то время когда священный скипетр царства был в руках царя Феодора, грешный иеромонах Матфей, из Погонианы (города) древнего Эпира, переписал сию богодуховновенную книгу. В лето 7105-е, индикта 10-го, февраля в 22-й день» [184].

Теперь можно перейти к событиям середины следующего столетия, когда на Афоне побывал Арсений Суханов, приезжавший по поручению патриарха Никона за древними греческими рукописями. Если из-за отдаленности некоторых афонских монастырей от Кареи, где находится Протат, Арсений Суханов не мог посетить эти оби-

тели, и книги ему посылались с оказией, не вызывает сомнения, что он сумел посетить книгохранилище Кутлумуша лично. Здесь ему для Русской Православной Церкви были пожертвованы 9 рукописей [185], причем 4 из них — XI века.

В первой половине XVIII века систематическое изучение библиотеки Кутлумуша продолжил Василий Григорович-Барский. В своих записях он выделил три афонские обители: Дионисиат, Кутлумуш и Пантократор, где ему пришлось столкнуться с особыми трудностями при попытке ознакомиться с их книгохранилищами. «Не единожды, но по трижды к оным ходих монастырям, — жаловался В. Г.-Барский, — просящи, да ми покажут, что достойно зрения, и едва получих желаемое; и молих их, да ми покажут хризовулы, мощи и библиотеку; они же изобретающи различные и неблагословенные вины, не хотяху сотворити прошения моего, и от частого убо к ним и трудного путешествия, погубих не малое число денег.., о чесом аз печальствующи, и аки отчаянный, последний раз к ним пришедши, едва со многим молением показаша мне некоторые мощи и хризовулы и книгохрантельницу, яже видевше, возрадовався и забых погибели денежной» [186].

В XVIII столетии по сравнению с последующим временем паломники из России на Афон отправлялись сравнительно редко, поэтому следующее письменное свидетельство русского паломника о Кутлумуше относится к 1766—1776 гг. Это был иеромонах Игнатий, кратко упомянувший об этой обители: «Достигох монастырь нарицаемый Котламус, — писал отец Игнатий. — Ограда из дикого камня, кельи в стенах о четырех жильях. В нем состоит в субботу торг, ибо монахи изо всех монастырей и скитов приходят и продают рукоделие и от каждого монастыря построены домы для приезду монахам» [187].

В сообщении отца Игнатия отражено то обстоятельство, что Кутлумуш находится в пределах Кареи и именно поэтому недалеко от Кутлумуша монахи других монастырей имеют свои представительства.

Об этом же монастыре упоминает иеромонах Серафим (Веснин), который посетил библиотеку Кутлумуша в начале 1840-х гг. Святогорец Серафим, говоря о библиотеке Кутлумуша, сделал некоторые обобщения, которые интересны тем, что касаются состояния и других афонских библиотек: «Библиотека Кутлумуша незначительна, — писал иеромонах Серафим. — Надобно заметить, что все афонские библиотеки, какие я только мог видеть, в самом небрежном положении, исключая только библиотеку Руссика и Зографа. Афонские иноки, как необразованные простачки, о старинных книгах и рукописях, большей частью писанных на пергаменте, думают не как о драгоценных произведениях древнего ученого мира, а как о ничтожной ветоши, напрасно занимающей только место. Не дива после этого, если случится здесь видеть некоторые звена в окнах заклеенными археологическим обрывком какой-нибудь или книги, или рукописи. Может быть, таким образом, сколько уже утрачено священных памятников ученой старины, сколько их и сгнило от небрежения и сырости подвального воздуха и расхищено неблагонамеренными учеными. Мне сказывали здесь, что на Запад продавали прежде отсюда библиотечный сор, то есть книги и рукописи, не поодиночке и порознь каждую книгу и рукопись, а без разбора и целыми пудами. Не ручаюсь за справедливость сего сказания. Случается и ныне, но очень редко, явное похищение за деньги и тайное некоторых лучших произведений древней учености, так драгоценной в наше время» [188].

Активную исследовательскую деятельность предпринял в Кутлумуше архимандрит Порфирий (Успенский), почерпнувший ряд ценных исторических сведений из рукописей, хранившихся в этой обители. Прежде чем говорить о некоторых конкретных результатах работы архимандрита Порфирия в Кутлумуше, следует оценить объем его работы здесь в целом. Согласно его собственным записям, 24 октября 1845 года из Карейского подворья русской киновии он переехал в ближайший Кутлумушский монастырь и провел в нем 27 дней в беспрерывных ученых занятиях. Архимандрит Порфирий писал об этом периоде своей деятельности: «Тут в книгохранилище отчетливо рассмотрены мною 63 отборные рукописи (да в Протате 21, всего 84), и из них выписаны многие места на 60 листах, а особая служба в Неделю Православия (XIV в.) переписана вся от доски до доски» [189].

Архимандрит Порфирий в своем письме о произведенных им изысканиях кратко упомянул о службе в Неделю Православия (рукопись XIV в.), заметив, что переписал ее «от доски до доски». Это повышенное внимание русского исследователя к данной рукописи не случайно. Сам он еще раз возвращается к содержанию этого манускрипта, и из записей архимандрита Порфирия можно видеть, что он, благодаря этой древней рукописи, смог уточнить дату одного исторического события, чрезвычайно важного для истории Церкви, а именно, что в 871 году Константинопольский патриарх Игнатий возобновил последование службы в Неделю Православия. Далее следует предоставить слово самому архимандриту Порфирию: «В рукописи Кутлумушского монастыря, содержащей эту службу, а написанной на пергаменте вскоре после 1352 года, сказано, что "Бог, вспомнив поношение, которым уничижили Церковь иконоборцы, возвеличил Православие, в первый раз после многолетнего поругания святых икон, и во второй раз спустя почти 30 лет после этого поругания"» [190].

Именно эти хронологические указания позволили архимандриту Порфирию сделать вывод о том, что, поскольку «первое торжество Православия было вскоре по смерти последнего царя-иконоборца Феофила при супруге его Феодоре в 841 году, значит второе, бывшее спустя 30 лет, совершено было в 871 году при патриархе Игнатии» [191].

В 1913 году в Кутлумушском книгохранилище работал иеромонах Пантелеимон (Успенский), который собирал материалы, относящиеся к трудам преподобного Симеона Нового Богослова. В своих записках иеромонах Пантелеимон объяснял причину такого интереса к сочинениям церковного писателя, труды которого, казалось бы, были уже хорошо известны русским православным читателям: «Интересуясь творениями преподобного Симеона Нового Богослова — глубокого мистика и оригинального богослова X—XI вв., автор этих строк убедился, что в печати совершенно почти не существует подлинного текста творений названного отца, — писал иеромонах Пантелеимон. — В патрологии Миня (Греческая серия, т. 120) имеется латинский перевод 33 слов и 40 гимнов преподобного Симеона, и только главы его, деятельные и богословские (и то не в полном составе), помещены здесь в подлиннике. Что касается русского перевода слов Симеона, сделанного епископом Феофаном и изданного в двух выпусках (изд. 2-е, М.,1890, 1892), то он представляет собой перевод не с подлинника, а с новогреческого перевода. Таким образом, занимающемуся творениями Симеона Нового Богослова предстоит или совершенно отказаться от серьезного изучения этого отца или, чтобы дать мало-мальски научную постановку предмету, необходимо взяться за самостоятельное изыскание рукописных текстов творений Симеона. Все это и побудило меня обратиться прежде всего на Афон к его древним книгохранилищам и искать в них рукописных материалов, касающихся преподобного Симеона. Идеи преподобного Симеона имели несомненную связь с афонским подвижничеством, особенно же с Исихастским движением XIV века; и по каталогу Ламброса я убедился, что в афонских библиотеках имеется весьма много рукописей с творениями преподобного Симеона Нового Богослова» [192].

Иеромонах Пантелеимон не ошибся в своих расчетах: в библиотеках Афона он действительно нашел немало греческих рукописей от XII века и вплоть до новейших списков с творениями преподобного Симеона. Он старался уяснить, имеется ли в греческих рукописях подлинный текст тех произведений преподобного Симеона, которые уже известны в переводах, а также, что содержится нового в афонских рукописях из творений преподобного Симеона помимо его сочинений, известных уже по переводам. Интересуясь главным образом этими последними произведениями преподобного Симеона, иеромонах Пантелеимон старался по возможности фотографировать их и копировать, чтобы вывезти затем в Россию для дальнейшего изучения.

В Кутлумуше иеромонах Пантелеимон обнаружил три рукописи, относящиеся к изучаемой им теме, о чем он упоминал в своих записях: «Рукописи эти значатся под № 3174, 3203 и 3247 (в каталоге С. Ламброса. — *Авт.*). Первая из них позднейшего происхождения, XVII века, а две других — XVI в. ...» [193].

Заканчивая обзор истории Кутлумушской обители, необходимо сказать несколько слов по поводу объема ее рукописного собрания. В 1880 году, по данным С. Ламбро-

са, там насчитывался 461 манускрипт, и по значимости это рукописное собрание было на Афоне третьим (после Иверского монастыря (1386 рукописей) и Дионисиата (588 рукописей)).

Говоря о новейших данных, касающихся афонских книгохранилищ в целом и Кутлумушского в частности, можно воспользоваться сведениями французского эллиниста Марселя Ришара, который учел все изменения, происшедшие в связи с событиями второй мировой войны, когда целый ряд собраний изменил свое местонахождение, а некоторые собрания погибли. По данным М. Ришара, самые крупные собрания находятся в следующих афонских монастырях: Лавра святого Афанасия — 2242 рукописи, Ватопедский монастырь — 1710 рукописей, Иверский монастырь — 1386 рукописей, монастырь святого Пантелеимона (русский) — 1275 рукописей, монастырь святого Дионисия — 798 рукописей, Кутлумушский монастырь — 644 рукописи [194].

Как видно из приведенных данных, по своему объему книгохранилище Кутлумуша за истекшее столетие переместилось с 3-го места на 6-е, что, однако, требует пояснений. Строго говоря, и в конце XIX века Кутлумуш по объему своего рукописного собрания, возможно, занял бы не 3-е, а 5-е место. Но из-за того, что С. Ламброс не сумел в те годы сделать опись Лаврского и Ватопедского книгохранилищ, сведения об их составе и объеме отсутствовали. Что же касается русского Свято-Пантелеимоновского монастыря, то он, благодаря неустанным трудам своего библиотекаря отца Матфея, с конца XIX — начала XX вв. постоянно пополнял свое книгохранилище, и в результате переместился с 7(9)-го места на 5-е.

На сегодня библиотека Кутлумуша насчитывает 662 рукописи, 100 из которых написаны на пергаменте. Здесь имеется также много других древних документов и примерно 3,5 тысячи печатных книг [195].

Пантократор

Возникновение Пантократорской обители, по афонским масштабам относится к довольно позднему времени: основателями монастыря считаются два византийца, живших в середине XIV столетия — Алексий Стратопедарх и Иоанн Примикериос. Именно они впервые начали монашескую жизнь в келлии, называемой Пантократор, которая со временем была преобразована в небольшой монастырь.

Среди многочисленных покровителей, оказывавших помощь этой обители на протяжении нескольких столетий, была императрица Екатерина II, которая в 1762 году пожертвовала монастырю большие денежные суммы, а также издала Указ о разрешении насельникам Пантократора приезжать в Россию за сбором милостыни [196].

Литературные связи Пантократора с Россией восходят к первым десятилетиям его существования. В связи с этим можно упомянуть об одной из афонских рукописей, доставленных в Тверь, — это Евангелие начала XV века. В конце рукописи сохранилась приписка, сделанная на Руси и сообщающая, что книга в 1430 г. была куплена в афонском монастыре Пантократор иеромонахом Афанасием Русином, а затем попала на Русь, в Тверь, и в 1436 году дана «святеи Богородици на Перемеру», то есть в один из пригородных тверских монастырей [197].

Афанасий Русин постоянно жил не в монастыре Пантократор, куда он приходил, вероятно, только для покупки рукописи, а в Лавре святого Афанасия. В 1431 году он переписал в Лавре святого Афанасия житие ее основателя — святого Афанасия Афонского (копия с его списка сделана в Троицкой Лавре по повелению игумена Зиновия (1432—1443), в 1432 году переписал в той же Лавре житие Григория Омиритского (копия с его списка сделана в Кирилло-Белозерском монастыре) [198].

В середине XVII в. Пантократорскую обитель посетил старец Арсений Суханов, который прибыл на Афон по благословению патриарха Никона и вывез в Москву несколько сот старинных рукописей.

Во второй половине XIX столетия было известно 23 рукописи, вывезенные Арсением Сухановым из Пантократора; эта обитель занимала третье место (после Ватопеда и Лавры святого Афанасия) по числу пожертвованных для России книг. 5 рукописей

датировались X столетием, к XI в. принадлежали 4 манускрипта, XII — 2, XIII — 3, XIV — 1, XV — 4, XVI — 3, XVII — 1 [199]. По новейшим данным, из Пантократора в Россию были вывезены 31 рукопись и 1 печатная книга [200].

Подробное описание библиотеки Пантократорской обители оставил Василий Григорович-Барский, посетивший этот монастырь в первой половине XVIII века. Из всех сделанных им записей, посвященных афонским книгохранилищам, эта — самая пространная, и она представляет большой интерес, как свидетельство паломника, бесхитростными словами выразившего свои впечатления от увиденных им книжных сокровищ. Среди рукописей, хранившихся в Пантократорском монастыре, В. Г.-Барский особо выделил так называемое «Евангелие святого Иоанна Кущника», описанию которого он и посвятил большую часть своих заметок о Пантократорском книгохранилище [201]. Эта рукопись сохранялась в Пантократорском монастыре и далее, и здесь, спустя сто лет, ее видел В. И. Григорович, посетивший эту обитель в 1844 году. «Книга в серебряном, грубой отделки, окладе, с иконами, внизу которых славянские надписи, — писал В. И. Григорович. — На нижней надписи оклада заметно имя Радула, кажется, воеводы волошского. Письмо так мелко, что невооруженными глазами нельзя читать. Юридическая часть рукописи исследована бывшими здесь учеными. Предание, приписывающее ее святому Иоанну Кущнику, не имеет основания, так как Иоанн Кущник жил в V столетии» [202].

Рукописи, хранящиеся в афонских монастырях, постоянно подвергаются опасности пожаров, нередко возникающих в древних обителях. Этой напасти не избежал и Пантократорский монастырь, в истории которого было два больших пожара: один в 1773 г., а другой — совсем недавно, в 1948 г. Но, к счастью, библиотека монастыря при этом не пострадала; в настоящее время она занимает первый этаж в недавно выстроенном восточном крыле. Здесь содержится 350 манускриптов, как греческих, так и славянских, из которых 68 написаны на пергаменте, и 2 литургических свитка. Две рукописи иллюстрированы: Псалтирь (№ 61) и сборник, известный как Евангелие «Каливиту» (Кущника). В библиотеке имеется также более 3,5 тысячи печатных изданий [203].

Таковы краткие сведения о книгохранилище монастыря Пантократор, в ведении которого находится также скит пророка Илии, где началась литературная и переводческая деятельность известного всему православному миру старца Паисия Величковского, к жизнеописанию которого теперь и следует перейти.

Скит пророка Илии

Деятельность Паисия Величковского (1722—1794). Уроженец Полтавы (родился в 1722 году), сын настоятеля местной Успенской соборной церкви Иоанна Величковского, воспитанник Киевского Духовного училища, юный Петр Величковский с раннего возраста обнаружил непреодолимое влечение к созерцательной, затворнической жизни. С 17 лет он уже был послушником Любечского монастыря. Любечский (или Любицкий) Антониев монастырь Черниговской епархии, в середине XIX века упраздненный, был построен в 1694 году над Днепром и находился в 2-х верстах от города Любеча, где в древности была пещера, ископанная преподобным Антонием [204].

Через два года молодой послушник был пострижен в рясофор в Медведовском Николаевском монастыре Киевской епархии и принял имя Платон. Вскоре, однако, гонения, воздвигнутые против Православия поборниками унии, заставили новопостриженного Платона искать убежища в Киево-Печерской Лавре. Но здесь он оставался недолго. Жажда уединения и духовных подвигов побудила молодого 20-летнего отшельника удалиться в Валахию [205].

В те годы юго-западный край находился в бедственном положении: уния давала себя чувствовать. Православные монастыри либо совсем закрывались, либо преобразовывались в униатские. Православные монахи уходили в соседнюю православную Румынию, где их ожидала лучшая участь. В Валахии постепенно образовалась целая конгрегация русских монастырей. Именно сюда, в эту семью, влекомый жаждой усовершенствования и попал будущий старец Паисий [206]. Но через 4 года, в 1746 году, подобно преподобному Антонию Печерскому, молодой подвижник решил отправиться на Афон, чтобы всецело отдаться идеалу иноческой жизни.

По прибытии на Святую Гору Платон прежде всего направился в Лавру святого Афанасия, а затем пришел «к своим братиям славянского языка, под монастырем Пантократором пребывавшим» [207]. Здесь он поселился в одной из келлий и в течение трех в половиной лет предавался уединенным монашеским подвигам. В это время на Афон из Валахии прибыл знаменитый старец Василий Поляномерульский. По просьбе Платона он облек его в мантию, дав новое имя — Паисий.

Те годы были временем упадка духовной жизни на Афоне. Монахи расходились из своих обителей, и цветущие монастыри оставлялись на произвол судьбы.

В начале XVIII столетия недалеко от монастыря Пантократор была ветхая келлия с храмом во имя пророка Илии, которую монастырь отдавал внаем кому-либо из монахов. Эту келлию и попросил себе в 1757 г. Паисий Величковский, и с 12-ю своими учениками начал от основания созидать скит во имя пророка Илии. «И, — как говорится в его житии, — создаша церковь (деревянную), трапезу, пекарню, поварню, страннопримницу и келлий 16. И преселишася вси обще в скит, радующеся и славяще Бога... Вси же труждахуся в рукоделии, и блаженный с ними во дни убо делаше ложицы, в нощи же писаше книги отеческие, переводя их с еллиногреческого на славянский язык» [208].

Слава Паисия Величковского со временем стала так велика, что к нему в скит на беседу нередко приходил даже патриарх Константинопольский, живший в то время на покое в монастыре Пантократор, и совершал с ним Божественную литургию [209]. Здесь старец Паисий начал изучать святоотеческую литературу. При тщательном сличении святоотеческих книг он заметил в славянских переводах погрешности, требовавшие исправления. И тогда перед ним встала важная задача — заняться исправлением славянского текста святоотеческих книг. Вот как он сам рассказывал о начале своих книжных исправлений в своем письме к старцу Феодосию, архимандриту Софрониевой пустыни (Курской губернии), который потом просил отпечатать эти переводы для общей пользы: «...Я подумал, что славянские отеческие книги можно хотя отчасти исправить по другим славянским же книгам. Я стал своей рукой списывать книгу святого Исихия, пресвитера Иерусалимского, и святого Филофея Синаита, и святого Феодора Эдесского с четырех списков, надеясь, согласовав эти списки, найти в них какой-либо грамматический смысл. Но весь мой труд оказался напрасным, потому что и в полученном мною соединении четырех списков я не мог найти смысла. Книгу святого Исаака Сирина я в течение шести недель день и ночь исправлял по другому списку, который, как мне было сказано, во всем был сходен с греческим подлинником, но и этот мой труд пропал даром. Со временем я понял, что свою лучшую книгу я испортил, исправляя ее по худшей. После этих горьких опытов я увидел, что взял на себя напрасный труд, исправляя славянские книги по славянским же. Тогда я стал старательно расследовать, отчего происходит такая неясность и такой недостаток грамматического смысла в славянских книгах, и пришел к тому заключению, что на это имеются две причины. Первая причина состоит в неискусстве древних переводчиков книг с эллино-греческого языка на славянский, а вторая — в неискусстве и небрежности плохих переписчиков. Убедившись в этом, я потерял всякую надежду найти в славянских переводах правильный и истинный смысл, какой заключается в эллино-греческих подлинниках» [210].

Таким образом, старец Паисий Величковский был поставлен перед необходимостью изучить греческий язык, что он и сделал в короткий срок, как об этом повествуется в его житии: «Сам старец книги отеческие переводя с греческого на славянский язык, изучися бо помощию Божиею вскоре не точию простого греческого, но и еллинского, от общего своего брата, именем Макария, добре ведяща той язык, и в начале под руководством онаго преводяще», — повествуется в житии, составленном на молдавском языке монахом молдавского Нямецкого монастыря Григорием и напечатанном в 1836 г. [211].

Далее следует предоставить слово самому старцу Паисию: «Проведя немало времени на Афоне и освоившись с простым греческим языком, я задумался мыслью отыскать эллино-греческие отеческие книги и по ним произвести исправление славянских переводов. Я искал во многих местах и неоднократно и не мог найти. Я ходил в великий Лаврский скит святой Анны и в Кавсокаливу, и в Ватопедский скит святого

Димитрия и другие лавры и монастыри, повсюду расспрашивая знающих людей, опытных и престарелых духовников и благочестивых иноков, и нигде мне не удалось найти ни одной подобной книги, и от всех я получил один и тот же ответ, что они не только не знают этих книг, но даже и имен их составителей не слыхали. Слушая эти ответы, я впал в совершенное недоумение и изумлялся, как же это в таком святом месте, где жили многие и великие святые, я не только не могу найти желаемых мне отеческих книг, но даже и имен их писателей ни от кого не слышу. И от этого я впал в глубокую печаль... Мне удалось наконец отыскать желаемые книги, а некоторую часть их даже приобрести в собственность» [212].

Таким образом, старец Паисий получил, наконец, то сокровище, которое так долго искал и мог приступить к исправлению славянских переводов по их древним греческим подлинникам. Это случилось в 1761 году, всего за два года до отбытия старца со Святой Горы в Молдовалахию. Инок, взявшийся переписывать для старца святоотеческие книги, успел приготовить ему к этому времени только часть из обещанных книг. «И тако, — писал Паисий Величковский, — за 2 лета и мало более прежде исшествия нашего из Святой Горы, краснописец он начен преписовати. Елико Бог подаде ему руку, часть некую многожелаемых мне преписа книг, яже всерадостне, аки дар Божий, с небесе посланный нам, восприимше, изыдохом от Святыя Горы Афонския» [213].

На Афоне вокруг старца Паисия Величковского сложилась целая школа переводчиков и переписчиков. Метод и стиль работы Паисия передался и его ученикам. С каждой переведенной и исправленной им рукописи делалось по несколько копий, из которых впоследствии многие попали в русские библиотеки. Следует отметить, что старец Паисий пытался предпринять усилия по улучшению жизни монашеского братства, которое сложилось вокруг него. По совету многих святогорцев и по разрешению собора Святой Горы, он решил занять опустевший, вследствие задолженности туркам, монастырь Симоно-Петра, куда и переселился с половиной братии, но оставался здесь не более трех месяцев. Дело в том, что турки, лишь только узнали о поселении в Симонопетрской обители монахов, пришли требовать долг и взяли у Паисия насильно 700 левов, «убоявся же старец прочих заимодавцев, возвратися паки в скит» [214].

Итак, старец Паисий в 1763 году был вынужден переехать с Афона, из скита пророка Илии, в Молдавию, во главе постепенно возросшего братства, но, к счастью, он не потерял духовной связи с Афоном и продолжал вдали от Святой Горы заниматься книжной деятельностью.

Радушно принятый господарем Григорием Каллимахи и митрополитом Гавриилом, Паисий получил монастырь Драгомирну в Буковине, где пребывал в течение 10 лет. Усиленная работа по переводу и исправлению древних рукописей началась со времени переселения Паисия в Молдавию, и именно в монастыре Драгомирна, вскоре после 1763 года. Запасшись на Афоне святоотеческими книгами на древнегреческом языке, старец по ним проверял и исправлял в Драгомирне славянские переводы. Здесь, как и на Афоне, старец занимался преимущественно исправлением славянских переводов, но в то время как прежде он исправлял рукописи по славянским спискам, в Драгомирне он исправлял их по греческим подлинникам.

Вот как об этом повествует сам старец Паисий в своих записях: «Я начал... руководствуясь их (своих учеников. — *Авт.*) переводом и следя по древнегреческому подлиннику, исправлять славянские книги. Таким способом я исправил следующие святоотеческие книги: Исихия, Диадоха, Макария, вторую Филофея, Нила о молитве Фаласия, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова — Слово о внимании и молитве, Кассиана Римлянина — о восьми помыслах и другие и таким образом закончил первое исправление названных книг. Спустя некоторое время, когда я понемногу стал приходить в лучшее познание своего дела, я заметил в моих первых исправлениях очень много ошибок. Тогда я вторично исправил некоторые из этих книг. Спустя некоторое время, заметив в книгах новые погрешности, я в третий раз исправил» [215]. Не удовлетворяясь и этим, Паисий Величковский, по мере своего усовершенствования в греческом языке и приобретения необходимых научных пособий, занялся

наконец самостоятельным переводом святоотеческих книг с греческого языка на славянский.

В 1768 г. началась первая русско-турецкая война, по окончании ее был заключен Кучук-Кайнарджийский договор, согласно которому Буковина отошла к Австрии. Монастырь Драгомирна, находившийся в Буковине, перешел в ведение католиков. Это побудило Паисия с частью своих учеников покинуть Драгомирну и перейти в монастырь Секул (1775 г.). Вследствие недостатка в келлиях, необходимых для развертывания широкой церковно-литературной деятельности, Паисий впоследствии вынужден был перейти (1779 г.) в большой близлежащий Нямецкий монастырь.

В Нямце деятельность старца Паисия приобрела особенно широкий размах. При помощи иноков и под постоянным руководством старца здесь происходило переписывание книг и исправление славянского текста по греческим подлинникам, а также осуществлялись и новые переводы с греческого языка на румынский и русский языки. В 1787 г. старец Паисий закончил свой важнейший литературно-богословский труд — перевод с греческого языка подвижнических слов святого Исаака Сирина.

В 1787 году началась вторая русско-турецкая война, продолжавшаяся до 1791 года. Русские войска вступили в Молдавию. Вместе с князем Потемкиным в Яссы прибыл архиепископ Амвросий (Серебреников). Услышав о Паисии, он пожелал его видеть, прибыл в Нямец, два дня провел с ним в беседе, а затем возвел его в архимандриты (1790). Это повышение нисколько не изменило его характер: он по-прежнему кротко обращался с братией и неутомимо трудился. И во время болезни великий труженик не оставлял свои дела: согбенный болезнью, старец облагал себя книгами и словарями и занимался, сидя на постели, исправлением своего, все еще казавшегося ему не совершенным перевода святоотеческих творений. Скончался старец Паисий в 1794 году и был похоронен в главном храме Нямецкого монастыря.

«В Нямецкой Лавре книжные занятия старца Паисия достигли своего наибольшего расцвета, — пишет современный исследователь. — Он основал целую школу для обучения справщиков и переводчиков и широко поставил переписку исправляемых и переводимых книг, так что своими многочисленными рукописями не только наполнил монастырскую библиотеку, но и распространил их в огромном числе списков далеко за пределы своей обители и в особенности по монастырям и келлиям обширной русской земли. Он сумел поднять в православном русском монашестве интерес к книжным занятиям, к чтению и переписыванию святоотеческих книг, к духовным беседам, а свою Нямецкую Лавру сделал центром и светочем православного монашества и школой подвижнической жизни и духовного просвещения для православного Востока. В Нямецком монастыре получили свое воспитание многие молдовлахийские и русские иноки, которые потом во многих обителях сделались насадителями православного старчества и монашеских общежитий по уставу Паисиева братства» [216].

Из тысячи рукописей, хранившихся в библиотеке Нямецкого монастыря в начале нынешнего века, 276 рукописей относилось ко времени деятельности старца Паисия, и более 40 из них были написаны самим старцем, причем рукописи Нямецкого монастыря составляют лишь часть всего того рукописного материала, который вышел из-под пера сподвижников старца и разошелся по монастырям и монашеским келлиям православного Востока, особенно же в пределах России. Благодаря первым старцам, продолжавшим деятельность Паисия после его кончины, здесь была основана типография, из которой вышло много ценных изданий, напечатанных славянским шрифтом, а тесные связи с южной Россией поддерживались почти до 50-х гг. XIX столетия [217].

Говоря о влиянии трудов Паисия Величковского на монашеские традиции Русской Православной Церкви, необходимо отметить, что в XVII — начале XVIII вв. духовная жизнь в большинстве русских монастырей находилась далеко не в лучшем состоянии. Ненормальность положения дел и необходимость преобразования сильно чувствовалась в конце XVII в. и духовными, и светскими властями. Правительственные распоряжения Петра I, а затем Екатерины II относительно монастырей возродить монашество сами по себе не могли, так как для этого нужен был подъем жизни в лоне самого

монашества, а эти указы шли извне и носили насильственный характер. В результате началось вынужденное переселение монахов за пределы России: либо на Афон, либо в Молдавию, что имело немаловажное значение. Русские монахи, получив в Молдавии уроки духовно-нравственной жизни, часто возвращались в Россию и, в свою очередь, сеяли разумное, доброе семя. Их трудами многие монастыри, близкие к совершенному запустению, были приведены в порядок; был воскрешен дух древнего иночества. В числе этих лиц было особенно много учеников Паисия Величковского [218].

Велико было влияние школы Паисия Величковского на Оптину пустынь, где было начато издание святоотеческих творений, главным образом переводов старца. Результатом этой деятельности явилось то движение духовного возрождения, которое можно описать словами отечественного исследователя, сказанными им в начале XX столетия: «Большое влияние Паисия и его школы сказалось на жизни некоторых монастырей Великороссии. Можно даже думать, что все мистическое движение нашей Оптиной пустыни, влияние отца Матфея на Гоголя и других писателей и так далее обязано традициям Паисиевой школы» [219]. Другой современный православный автор полностью разделяет ту оценку деятельности старца Паисия, которая была изложена выше: «Его (Паисия. — *Авт.*) по всей справедливости можно назвать обновителем духовной жизни молдовлахийского и русского монашества... Своим примером, деятельностью и переводами старец Паисий вызвал огромное духовное движение в православном монашестве, особенно заметное в России, где оно охватило не только иноков, но и светское общество всех классов» [220].

Старец Паисий воспитал под своим духовным руководством немало достойных учеников, которые, следуя примеру и наставлениям своего учителя, несли дух подвижничества во многие монастыри России. Он долгое время и после своей смерти продолжал воспитывать русское монашество своими трудами, которые поистине сделали его имя бессмертным. От него осталось переведенное с греческого языка «Добротолюбие». Эта книга в первый раз была издана в России в 1793 году, затем неоднократно переиздавалась и до сих пор она остается любимым чтением русских верующих.

Возвращаясь к обзору рукописного наследия Ильинского скита на Афоне, можно отметить, что в 1820 г., во время греческого восстания, иеромонах Парфений, бывший тогда начальником Ильинского скита, по совету скитских старцев принял от них благоговейно сохранявшиеся святыни, книги и прочее церковное имущество и тайно, через Триест увез в Россию. В 1830 г., когда Россия заключила мир с Турцией, старец Парфений в сопровождении нескольких монахов вновь вернулся на Афон из России и прибыл прямо в монастырь Пантократор, имея при себе и скитское имущество. Но, по-видимому, уже не все книги были в сохранности после столь тяжелых скитаний старца [221].

Одним из видных деятелей первой половины XIX в., возродивших духовную жизнь Ильинского скита, был иеромонах Аникита (до пострига — русский князь С. А. Шихматов-Ширинский), прибывший на Афон в 1835 году. Перед смертью (1837 г.) иеромонах Аникита завещал все свое имущество, в том числе и книги, Ильинскому скиту, куда они и были отправлены [222].

Тем не менее книжное собрание скита оставалось на редкость скудным. В. И. Григорович, посетивший Ильинский скит в середине XIX в., отметил это обстоятельство: «Скит пророка Илии возобновлен преподобным Паисием Величковским, издателем славянского перевода Исаака Сирина, и принадлежит к монастырю Пантократору. Монахи из малороссиян. Рукописных памятников, кроме двух новых Евангелий, не имеет» [223]. Дело в том, что в 1839 г. греческие власти Пантократорского монастыря изъяли из скита весьма важные документы: 1) султанский фирман об освобождении братии скита от платежа харача (подати), равно и от прочих денежных взысканий, а с ним вместе и данный в 1766 г. из Протата документ за подписью и печатью всех 20 монастырей Афона в том, что они предоставляют братии Ильинского скита полную во всем свободу и независимость; 2) условие, заключенное Пантократором в 1798 г. о выделении скиту из монастырской земли отдельного участка; 3) царскую грамоту греческого императора Никифора Фоки и 4) грамоту Константинопольского патриарха

Иеремии от 9 июня 1809 г. Нет сомнения, что вместе с этими документами были забраны греками и другие подобного рода документы» [224].

Отсутствие старинных рукописей в Ильинском скиту подтвердил через несколько десятилетий и другой русский паломник: «Путь мой лежал через русский Ильинский скит, в который я заехал с целью узнать, есть ли там рукописи, но, не найдя здесь даже и печатных книг, в тот же день продолжал путь далее» [225].

Но Ильинский скит знаменит не своим книжным собранием, а теми «книжными старцами», которые трудились здесь, и среди них первое место по праву принадлежит Паисию Величковскому — обновителю монашеской жизни в России.

Ксиропотам

Монастырь Ксиропотам находится в часе ходьбы от Свято-Пантелеимоновской русской обители и расположен на дороге, ведущей от пристани Дафни к Карее. Этот монастырь посвящен 40 севастийским мученикам.

Одно из первых письменных свидетельств о Ксиропотамской обители появилось на Руси в начале XVI столетия. К этому времени относятся так называемые «Сказания о Святой Афонской Горе хиландарского старца Исаии» (1517—1519 гг.). В этом источнике о Ксиропотаме сказано предельно кратко: «Монастырь Серапотан (Ксиропотам. — *Авт.*), церковь 40 мучеников.., и братии 90» [226]. Но в данном случае можно сделать важное уточнение, связанное с личностью самого автора — старца Исаии. Данные летописи под 7026 (1518 г.) подтверждают правильность датировки «Сказания» и одновременно позволяют уточнить, что старец Исаия был монахом не Хиландарского, а Ксиропотамского монастыря на Афоне: «...а наперед тех старцев за год (т. е. в 1517 г.) пришел (в Москву) от святых 40 мученик от Ксиропотама монастыря Исаия священноинок Сербин» [227].

По-разному складывались судьбы рукописей Ксиропотамского монастыря. Часть из них погибла при стихийных бедствиях, другие сохраняются в библиотеке обители до настоящего времени, а некоторые совершили длинное путешествие. В середине XVII века некоторым ксиропотамским рукописям было суждено отправиться в Россию, в числе книг, вывезенных с Афона Арсением Сухановым. В Ксиропотаме Арсений Суханов получил в дар России 6 рукописей [228], в том числе I—X в., I—XI в., I—XV в., I—XVI в. Одна из этих рукописей впоследствии находилась во владении одного из главных деятелей «западного направления» русской культуры второй половины XVII в. — Сильвестра Медведева. Это — «Маргарит» святителя Иоанна Златоуста, XI в. Рукопись была вывезена из Ксиропотамского монастыря Арсением Сухановым, а потом ее приобрел С. Медведев, о чем свидетельствуют пометы на л. 1 красными чернилами рукой Сильвестра Медведева: «Книга Маргарит. Сильвестра Медведева». В настоящее время эта рукопись хранится в Государственном Историческом музее в Москве (№ 165) [229].

В первой половине XVIII столетия Ксиропотамскую обитель посетил Василий Григорович-Барский. Здесь В. Г.-Барскому долго отказывали в осмотре ризницы и библиотеки, несмотря на его усиленные просьбы, подкрепляемые ходатайствами за него других обителей. Но здесь же следует подчеркнуть, что осторожность, проявленная братией Ксиропотама в отношении своих книжных богатств, восполнялась радушным гостеприимством, которое было оказано В. Г.-Барскому в стенах этой обители. Об этом свидетельствует рукописный документ: «Свидетельство Дамаскина, игумена Ксиропотамского монастыря, данное В. Г.-Барскому» [230]. «Чрез сие монастырское наше писание, — говорилось в этом документе, — объявляем всем православным христианам всякого чина и звания, яко вожделенный нам во Христе брат, честнейший в монасех отец Василий Плака Киево-Российский, пришед во святую гору Афонскую поклонися благоговейно, и изобрази прилежно все честные монастыри [231]. По чину же пришедши и к нашей святых четыредесят мученик обители, именуемой Ксиропотамской, поклонившися же Животворящему Древу Честнаго Христова Креста, и известившися о нем от златопечатной древней грамоты, яко от благочестиваго царя греческаго Романа, нашей обители ктитора, нам даровася, и яко часть от

подножия крестного есть, проси нас с молением, да освятивши им воду, вручим ему оную в благословение путешествия его и в исцеление — почерпающим ю с верою. Мы же, благоговением к нему подвигшися и отечеству его благодетельствующе, освящение воды пред очима его с погружением Честнаго Древа сотворивши, ему вручихом. И ради лучшего уверения сие свидетельство печатию и подписом монастыря нашего подтвердивши, дадохом. Года спасительного 1744, ноемврия 2 дня. Игумен Ксиропотамский Дамаскин» [232].

В этом тексте обращает на себя внимание сообщение о том, что В. Г.-Барский все-таки смог ознакомиться с одной из двух грамот и прочесть об истории монастыря «от златопечатной древней грамоты, яко от благочестивого царя греческого Романа» [233].

До начала XIX века о Ксиропотаме встречались лишь отрывочные сведения, примером чему может служить упоминание об этом монастыре паломника Игнатия, относящееся ко второй половине XVIII века: «Монастырь зовомый Ксарапотам, имеет стены каменные, кельи о четырех жильях; церковь 40 мучеников большая, построена из мрамора тесаного, врата имеет железные, башни и пушки. Монахов состоит сто человек, кормятся милостыней; в нем начальствующий игумен» [234].

Как уже было отмечено, систематическое изучение афонских книгохранилищ русскими учеными возобновилось в первой половине XIX века. Одним из первых отечественных исследователей, посетивших в 1835 году Ксиропотамский монастырь, был Владимир Давыдов. В то время в Ксиропотаме царила атмосфера скрытности и недоверия к иностранным путешественникам и В. Давыдову мало что довелось бы увидеть в монастырской библиотеке, если бы ему не помогло в этом неожиданное обстоятельство. Вот как сам автор описывает эти события, невольным участником которых он оказался. По словам Давыдова, сербский архимандрит Онуфрий из Симонопетрского монастыря, сопровождавший паломника в Ксиропотам, сообщил ему по-русски вполголоса: «Я сказал им (монахам Ксиропотама. — *Авт.*), что Вы имеете начальство над всей внешней торговлей и над всеми портами России, если Вас о чем-нибудь будут просить, обещайте Ваше ходатайство, и они покажут Вам все свои хризовулы и акты»... «Следуя совету, данному мне во время нашей прогулки с отцом Онуфрием, — продолжал В. Давыдов, — я попросил гостеприимных монахов позволить мне взглянуть на их дипломы и хризовулы... Они показали дипломы древние, но не имеющие никакой другой важности, кроме исторического отношения...» [235].

Определенный вклад в исследование рукописного наследия Ксиропотама внес и выдающийся русский церковный историк епископ Порфирий (Успенский). В 1846 году он совершил свое первое путешествие на Афон и сумел ознакомиться там со многими святогорскими библиотеками. Впоследствии он еще раз посетил Святую Гору, но, к сожалению, в ряде монастырей, в том числе и в Ксиропотаме, он не сумел побывать. «Грустно мне сознавать незаконченность моих поисков рукописных текстов Священного Писания, творений святых Отцов и прочих известных и неизвестных писателей греческих и славянских в книгохранилищах Ксиропотама, Дионисиата, Свято-Павла и Лавры, — писал епископ Порфирий. — Итак, посылайте на Святую Гору кого хотите, для окончания многосторонне-ученого обозрения всех священных древностей в монастырях Ксиропотамском, Симонопетрском, Григориатском, Дионисиатском, Павловском, в Лавре, Каракалле и Филофее и в скитах святой Анны, святого Димитрия, в Кавсокаливе и в ските Новом, в которые не допустило меня безденежье» [236].

Но, несмотря на неудачу, постигшую епископа (тогда еще архимандрита) Порфирия, он сумел собрать рукописные материалы, имеющие связь с Ксиропотамской обителью. Заметки, касающиеся Ксиропотамского монастыря, находятся во 2-й книге рукописного собрания епископа Порфирия, переданного им по завещанию в Академию Наук. «Дееписания, сохраняемые в священной обители Ксиропотамской», занимают 70 листов (стр. 1—139), на которых изложены: а) выписки из разных афонских рукописей о монастыре Ксиропотам; б) 20 греческих актов (924—1670 гг.), данных византийскими царями Романом Лекапином, Михаилом Дукой Палеологом, Андроником Палеологом, Иоанном Палеологом и турецким султаном Селимом (1520),

а также константинопольскими патриархами: Мефодием (1671 г.), Дионисием (1682 г.) и Серафимом (1760 г.) и угровлахийскими митрополитами: Иаковом, Филаретом (1759 г.) в помощь России Ксиропотаму [237].

Через несколько лет после визита на Афон архимандрита Порфирия в Ксиропотаме побывал П. И. Севастьянов, возглавлявший научную экспедицию, работавшую в святогорских монастырях в 1859—1860 гг. Для работы с афонскими рукописями П.И. Севастьянов использовал новейшие достижения своего времени и сделал много фотографических снимков с наиболее интересных пергаментов. Среди манускриптов, принадлежавших ранее Ксиропотамскому монастырю, а впоследствии П.И. Севастьянову, можно отметить «Сказание об Иоанне Богослове, со службой ему», XVI века, объемом в 117 листов. Как отмечалось в комментарии описи, «Памятник в подлиннике доселе не изданный и в библиографии неизвестный. Вследствие сырости письмо во многих местах выцвело. Рукопись прежде принадлежала Ксиропотамскому монастырю» [238]. Из фотографических снимков, сделанных П. И. Севастьяновым в Ксиропотаме, в его архиве сохранялся фрагмент из пергаменного Четвероевангелия XII—XIII вв. (1 лист) [239].

В заключение следует привести данные о количестве хранящихся здесь рукописей. По данным Спиридона Ламброса, в 1880 г. в Ксиропотамском книгохранилище насчитывалось 342 греческих манускрипта. Согласно новейшим данным, ныне здесь имеется 409 рукописей, из которых 20 самых древних написаны на пергаменте, а также около 4 тысяч печатных книг [240].

Зограф

Согласно преданию, Зографский монастырь был основан во время правления византийского императора Льва VI Мудрого (886—912 гг.) тремя братьями-монахами, которые пришли сюда из Охрида — древней столицы Болгарии. В любом случае нет сомнения в том, что монастырь существовал уже с X века, так как в первом афонском Уставе (Типике) 971/972 гг. имеется подпись Георгия, игумена Зографской обители.

Существование непрерывных культурных, в частности литературных, связей между Русью и южным славянством в течение всего дотатарского периода имело место прежде всего на Афоне и, в частности, в Зографе. Именно здесь были найдены одни из древнейших памятников глаголической письменности: Зографское Евангелие, Зографские кирилловские листки XI в. Следует иметь в виду, что на Афоне в XI и особенно в XII вв. наблюдался процесс эллинизации, в особенности в отношении болгарского Зографа. Характерно, что он вообще не имеет в своем архиве ни одного акта, в котором монастырь назван «болгарским» до царя Асеня II (1218—1241 гг.). Этот государь после своей победы над эпирским царем Феодором Ангелом в 1230 г. овладел Святой Горой и дал Зографу грамоту на славянском языке [241]. Возможно, что только тогда Зограф был снова возвращен болгарам после 200-летнего греческого владычества. Но исторические события, особенно татарское нашествие 1240 г. и наступивший после этого период 200-летнего монгольского ига в Восточной Европе, прервали процесс развития культурных связей между Русью и балканскими славянами. Вскоре после этого восстановление Византийской империи (1261 г.) снова побудило сербов и болгар повернуть свою культурную ориентацию в сторону Афона и Константинополя. Иллюстрацией этих перемен в ориентации может послужить архив Зографа. От периода Латинской империи (1204—1261 гг.) этот монастырь не имеет ни одной греческой грамоты, а начиная с 1265 г. в Зографе появляются многочисленные греческие акты как частноправового характера о покупке имений, так и имперские акты и хризовулы о дарении земель и подтверждение на их владение. Несколько позже, около 1300 г., византийское влияние заметно усиливается [242].

Зографская обитель, как и другие афонские монастыри, подвергалась различным бедствиям: пожарам, разорению, что в первую очередь отражалось на состоянии ее рукописных сокровищ. Отечественный паломник Василий Григорович-Барский, побывавший в Зографе в первой половине XVIII столетия, смог ознакомиться с содержанием монастырской библиотеки и отметил это обстоятельство в своих записках,

говоря о том, что зографские насельники «книг не имут излишних, точию церковныя, ибо болгарский народ зело прост и некнижен; аще же прежде и бяху рукописныя, но во время опустения монастыря или сгореша, или разнесошася... Обретается же тамо и многоценное Евангелие Российское, от гетмана Иоанна Самойловича в 1673 г. дарованное, зело много на себе сребра имущее с позлащением и художеством удивительным, еже употребляется тамо точию в великие праздники» [243]. Из приведенных слов следует, что в Зографе хранились книги, принесенные в эту обитель из России. Но в связи с этим необходимо отметить, что к большей части этих книг у зографских насельников было осторожное отношение, поскольку афонские иноки не всегда верно воспринимали причины и объем исправления богослужебных книг, предпринятого в России по инициативе патриарха Никона во второй половине XVII столетия. Отсюда становится понятным замечание В. Г.-Барского, который говорит о том, что некоторые из зографских монахов «аще и не все книгам российским исправленным, якоже и раскольщики гнушаются, и глаголют я быти испорченны, но или от некиих древних печатей, или от рукописных неправописанных и некрасноречных, без оксий и точек, употребляют; аще же нужды ради не имущи иных, чтут и на российских, но с пременением многих словес и превращением оксий» [244].

С Зографским монастырем связана еще одна страница в истории русско-болгарских церковно-литературных связей. В связи с этим необходимо предварительно сказать о том, что на болгарских книжников еще в конце XVI в. сильно повлияли произведения греческого проповедника Дамаскина Студита. Его слова и поучения, изданные в Венеции в 1558 г. под заглавием «Сокровище», вскоре были переведены в Болгарии и стали служить образцом для подражания на протяжении конца XVI—XVIII вв. Вначале состав этих сборников был неизменен, но со временем в них начали включать проповеди и других авторов. Во второй половине XVII в. дополнительный материал в ряде случаев начал превалировать, вытесняя значительное количество слов самого Дамаскина. Но и тогда сборники сохраняли свое название «Дамаскины» в силу традиции. Дополнительный материал для «Дамаскинов» в основном заимствовался из староболгарских рукописей и переводов с новогреческого. Но некоторые ученые выявили также влияние русских старопечатных книг на «Дамаскины». Болгарский исследователь Б. Цонев, который первый оценил значение «Дамаскинов» в развитии болгарской литературы, так говорил о влиянии старопечатной русской книги: «В середине XVII в. появляются русские церковные книги, которые влияют на язык некоторых (болгарских. — *Авт.*) книжников» [245]. Более конкретно писал другой болгарский ученый Б. Пенев: «В течение двух веков (XVII—XVIII вв. — *Авт.*) идет интенсивное общение между болгарскими и русскими, которое в XVIII веке приобретает большие масштабы. Русские книги переписываются в большом количестве» [246]. Современный болгарский исследователь П. Динеков упоминает о том, что в продолжение XVII—XVIII вв. «в Болгарию проникает все больше русских печатных богослужебных книг, причем их язык и правописание оказывают значительное влияние на наш литературный язык» [247]. Обращение болгарских переписчиков к русской старопечатной книге принимало такие широкие размеры, что если собрать все материалы, они составили бы около девяти внушительных томов. Поэтому в настоящем обзоре следует указать лишь на те примеры огромного воздействия московских старопечатных Прологов на болгарскую книжность XVII—XVIII вв., которые связаны с Зографом.

Наряду со статьями о болгарских национальных просветителях, в московских печатных Прологах имелись статьи, в которых часто описывались битвы между болгарами и иноземцами, где победителями нередко становились болгары. Сообщения подобного рода повышали чувство национального достоинства болгар и укрепляли волю болгарского народа к борьбе с турецкими угнетателями. Чувство о несправедливости истории к достойному лучшей участи болгарскому народу еще более усиливалось у болгарских христиан, когда в их руки попадали русские переводы исторических сочинений Цезаря Барония и Мавро Орбини. У читателя росло стремление собирать и обобщать всевозможные исторические сведения о болгарском народе.

Впервые это было осуществлено хиландарским монахом Паисием. Свою «Историю славяноболгарскую» он начал писать в 1760 г. в Хиландарском монастыре, но закончил два года спустя в Зографском монастыре. Главными источниками «Истории» Паисия были московские старопечатные Прологи и многочисленные русские старопечатные книги.

Таким образом, в сердцах славянских монахов Афона вместе с любовью к книжному делу никогда не угасала и любовь к своему народу. Многие из них не только сохранили для потомства предания славянского прошлого, но и выступили борцами за лучшее будущее южного славянства, когда с конца XVIII века оно начало пробуждаться к новой жизни.

Те же источники — московские печатные Прологи — использовал и неизвестный книжник, автор Зографской болгарской истории. Он был современником Паисия Хиландарского. Известна также «История во кратце о болгарском народе славянском», написанная в 1792 году иеросхимонахом Спиридоном спустя тридцать лет после создания «Истории» Паисия. Но в то время как эти книжники ограничились лишь подбором «деяний болгарского народа» и созданные ими сборники хранились на полках монастырских библиотек, их предшественник Паисий, верно оценив значение некоторых статей московских печатных Прологов, сделал их достоянием народа. О том влиянии, которое произвела книга зографского инока Паисия на современников, красноречиво говорят более 60 ее рукописных копий, дошедших до нашего времени. Но следует отметить, что интерес к историческому прошлому болгарского народа в самой Болгарии был в значительной мере еще ранее вызван московскими старопечатными Прологами и русскими старопечатными книгами. Тот самый интерес, который все больше увеличивался, охватывая все более широкие слои болгарского населения, перерастал в народное движение и восстания вплоть до 1878 года, когда болгарский народ с братской помощью русского народа обрел наконец освобождение от турецкого гнета.

Много нового и интересного почерпнул в Зографе В. И. Григорович, где он провел 2 недели (с 20 декабря 1844 г. по 1 января 1845 г.). В своем описании этой обители он не ограничивался перечислением увиденных им рукописей, но также кратко описал те условия, в которых ему довелось проводить свои исследования. «Монастырь Зограф, — писал В. И. Григорович, — с храмом великомученика Георгия. Монастырь этот, издревле носящий название болгарского, довольствуется преимуществами идиоритма и населен молдаванами, греками и болгарами. Находятся здесь также очень немногие русские.., в Зографе я был встречен весьма лестным приветствием, выраженным по-русски (главные монахи познакомились с русским языком, управляя своими богатыми метохами в России), что все достопримечательности его будут предоставлены моему распоряжению. Искренно изъявив свою благодарность за столь неограниченную вежливость, просил я почтить меня откровенным содействием в моих трудах...» [248].

Еще задолго до своего посещения Зографской обители В. И. Григорович имел некоторое представление о тех древних рукописях, которые могут быть найдены им в книгохранилище этого монастыря. Он знал о том, что в 1843 г. австрийский консул в Фессалониках (Солуни) Антон Миханович обнаружил в Зографе глаголическое Евангелие, которое исследователи единодушно признали чрезвычайно ценным в палеографическом и лингвистическом отношении для изучения глаголической письменности. С тех пор драгоценный памятник пользовался постоянным вниманием всех славистов, посещавших Афон, и, в частности, В. И. Григоровича. Добившись разрешения на осмотр зографской библиотеки, В. И. Григорович в первую очередь уделил свое внимание изучению древней рукописи Евангелия, которое, как было отмечено выше, было написано глаголицей. «Самая важная рукопись и, сколько знаю, единственная теперь на Святой Горе, есть глаголитское Евангелие, хранящееся в Зографе, — писал в своих заметках В. И. Григорович. — Прежде переходило оно незамеченным из келлии в келлию, теперь сделалось предметом заботливости» [249]. «На глаголитских листках, — отмечал он далее, — по краям сверху и снизу, означены кирилловскими буквами праздники, в которые евангелия читаются и первые слова чтения. Число зачал с краю выражено глаголит-

скими буквами, слова зачала кирилловскими. С краю глаголитскими буквами указания параллельных мест других евангелий. Строки писаны между линиями. Над строками слова кирилловскими буквами, дополнения и поправки глаголитского текста. Начальные буквы в чтениях красные кирилловские, написанные на глаголитских» [250].

Далее В. И. Григорович приводит подробный филологический анализ изученной им рукописи, который представляет большой интерес для исследователей, специализирующихся в данной области.

Что касается дальнейшей судьбы этой рукописи, то впоследствии, в 1860 г., зографские старцы поднесли ее в дар русскому императору Александру II, после чего она перешла на хранение в Петербургскую Публичную библиотеку. В 1879 г. вышло ее критическое издание, блестяще выполненное отечественным славистом И. В. Ягичем в Берлине. В предисловии к этому изданию И. В. Ягич высказал предположение, что манускрипт был написан в Болгарии и уже оттуда попал на Афон, но, с другой стороны, нет причин, по которым Зографское Евангелие не могло находиться в монастыре издревле и даже там быть написано, так как болгарские монахи жили на Афоне уже в X—XI вв.

Для науки этот дар зографских насельников был очень важен, поскольку текст этого рукописного памятника был сохранен для исследователей. Кроме того, необходимо также учесть те неблагоприятные условия, в которых тогда хранились рукописи в Зографе. Здесь снова необходимо привести слова В. И. Григоровича, который более других исследователей потрудился в этой обители и чье свидетельство может считаться наиболее авторитетным: «Особенно печально положение рукописей славянских. Некогда они были весьма многочисленны. Монах Василий видел большое количество их в таких монастырях, в которых теперь едва следы их остались. Эти рукописи истлевали в забвении или были умышленно предаваемы огню. В Зографе, незадолго до моего приезда, сожгли кучу рукописей. От очевидцев слышал я, что в Ватопеде, Ксенофе, Симонопетре и Филофее сожигали их беспощадно. Причины такого истребления мне известны только отчасти. Все мною собранные сведения касаются недавных еще времен. Кажется, обычай сожигать книги гораздо древнее» [251].

Быть может, не случайно, что именно в это время духовные власти Святой Горы особенно ясно начали сознавать необходимость повышения богословского и общеобразовательного уровня афонских насельников. Первая попытка такого рода была предпринята еще в середине XVIII века, когда близ Ватопедского монастыря в течение 5 лет действовало богословское училище. Спустя сто лет эта идея была снова претворена в жизнь, но уже благодаря стараниям зографских насельников. Об этом событии с удовлетворением писал В. И. Григорович: «В прошедшем, 1844 году, кончили строить училище в Карее. План учения мне неизвестен; можно, однако же, надеяться, что существование его устранит изложенные злоупотребления (уничтожение рукописей. — *Авт.*). Это училище будет содержаться обще всеми монастырями. Дело медлится, кажется, за выбором учителей и набором учеников» [252].

Весьма показательным является то обстоятельство, что руководство Протата возлагало большие надежды на помощь православной России в этом добром начинании, поскольку афонские старцы были прекрасно осведомлены о той большой работе, которая осуществлялась в лоне Русской Православной Церкви по развитию греческо-русских церковных связей. Посредником в этом деле довелось быть архимандриту Порфирию (Успенскому), который был на Афоне как раз в это время. «Небезызвестно Вам, — писал он одному из своих знакомых в Россию, — что на Святой Горе Афонской в настоящее время учреждено духовное училище для благочестивого образования в нем способных молодых иноков. Так как оно открыто по особенному настоянию и благотворительному содействию известного вам архимандрита Анатолия, старца Зографского монастыря, то духовное управление всей Афонской горы обратилось к нему с письменной просьбой, чтобы он выписал из России для этого училища 50 экземпляров православного Катехизиса, переведенного в Одессе на греческий язык. А отец архимандрит Анатолий усердно просил меня сообщить сию нужду духовному начальству моему» [253].

Архимандрит Порфирий, как и В. И. Григорович, много потрудился в зографском книгохранилище, результатом его изысканий было обнародование древнего литургического памятника, представляющего особую ценность, поскольку он имел прямое отношение к христианизации и духовному просвещению славян. «К VII веку, — писал архимандрит Порфирий, — я отношу составление литургии для славян в Болгарии под названием "Литургия апостола Петра". Она в высшей степени замечательна и потому я передаю ее здесь во всеобщее сведение, как первый памятник древнейшей письменности церковной у славян в Болгарии. А найдена она мною в библиотеке Зографского монастыря» [254].

Отношения Зографской обители с Русской Православной Церковью оставались весьма тесными и дружественными. Зографский монастырь продолжал получать щедрые пожертвования из России, как материальные, так и духовные. Так, архимандрит Порфирий (Успенский) во время своего второго путешествия на Афон отметил, что в Зографском монастыре хранилась «книга глаголемая Октай, творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина, на бумаге с крюковыми нотами, принесена на Афон из России в 1850 году В. Жемчужниковым» [255].

Этот период времени отмечен плодотворными трудами П. И. Севастьянова, который побывал на Святой Горе и вывез из афонских обителей большое количество сделанных им фотографий уникальных сокровищ, находившихся в монастырских ризницах и книгохранилищах. Привезенное П. И. Севастьяновым в Петербург зимой 1858 г. собрание снимков с афонских литературных памятников было выставлено для обозрения в здании Святейшего Синода. На этой выставке были представлены, в частности, фотографии 15-ти грамот Зографа, а также ряд фотокопий хризовул из других афонских монастырей: 36 актов Эсфигмена, 26 актов Хиландарской обители, а также 12 русских актов, хранившихся в этом монастыре, и 4 акта Ивера [256].

Из ученых, трудившихся над собиранием сведений об афонских актах, необходимо указать еще на архимандрита Леонида (Кавелина), в свое время исполнявшего должность наместника Троице-Сергиевой Лавры. Во время троекратного посещения Афона — в 1859, 1866 и 1868 гг. — он уделил особое внимание славянским монастырям: Зографу, Руссику (Пантелеимоновскому монастырю), Хиландарской и Свято-Павловской обителям. Его труды «Историческое обозрение афонских славянских обителей — болгарской Зографа и русской Руссика» (Одесса 1867) и «Славяносербские книгохранилища на святой Афонской горе» (М., 1875) занимают важное место среди исследований, посвященных зографским рукописям. В этих сочинениях автор изложил историю славянских монастырей на Афоне, указал на некоторые акты, из многих привел извлечения, а многие опубликовал полностью по лично им сделанным снимкам. В издании этих документов заключается основное значение трудов архимандрита Леонида (Кавелина). Особое внимание было им обращено на славянские грамоты: сербские, русские и документы валашских господарей.

Профессор Афинского Университета Спиридон Ламброс, составивший в 1880 г. каталог греческих рукописей афонских обителей, отметил, что Зографская библиотека содержала всего 107 древних манускриптов на греческом языке. По сравнению с рукописным богатством Ивера (1386 греческих рукописей) или Дионисиата (588 греческих рукописей) — это довольно скромное количество. Но рукописное богатство Зографа, к счастью, не ограничивается греческими манускриптами. Основная ценность этого монастыря, который издревле населяли болгары и представители других родственных наций, — это славянские рукописи. На сегодняшний день в зографском книгохранилище насчитывается 126 греческих и 388 славянских рукописей, из них 26 написаны на пергаменте. Кроме того, здесь хранится более чем 8 тысяч печатных книг, большинство из них — болгарского происхождения [257].

Несмотря на то, что к 1979 году в Зографе насчитывалось всего 12 насельников болгарского происхождения, в последнее время у болгарских исследователей появилась возможность начать свою научную деятельность в книгохранилище Зографа и на сегодняшний день уже имеются хорошие результаты этой работы. Так, в обзоре Г. Микласа

[258] за 1977 год перечислено более 280 славянских рукописей в Зографском монастыре, которые будут включены в новый каталог. Дальнейшая работа по уточнению содержания каталога может быть осуществлена теми исследователями, которые будут проводить здесь свои изыскания в будущем.

Дохиар

Монастырь Дохиар находится на юго-восточном берегу Афонского полуострова, недалеко от Ксенофонтовской обители. Он виден издалека благодаря своей высокой башне (пирг), которая раньше служила для оборонительных целей, а в настоящее время здесь размещена библиотека монастыря. Обитель посвящена святым Архангелам Михаилу и Гавриилу.

Одно из первых письменных упоминаний о Дохиаре на Руси относится к началу XVI века. В этом кратком сообщении содержатся важные данные о количестве насельников обители и об их национальном составе: «Монастырь же на море сербский — Дохиар. Церковь Михаила Архангела. А братии ныне в том монастыре 60» [259], — писал об этом монастыре в 1517—1519 гг. афонский старец Исаия.

В середине XVII века на Афон за древними богослужебными рукописями приехал из России Арсений Суханов. О числе рукописей, вывезенных Арсением Сухановым из Дохиара, можно судить по сведениям, имевшимся у русского исследователя С. Белокурова, который писал в конце прошлого века о том, что ему были известны только лишь три сохранившиеся дохиарские рукописи: I—XII в., I—XII в. и I—XIII в. Но, по мнению Белокурова, из Дохиара было вывезено еще несколько книг, может быть, четыре. На сегодняшний день отечественным исследователям известны 11 рукописных и 1 печатная книга, вывезенные Арсением Сухановым из Дохиара [260].

В первой половине XVIII века в Дохиаре побывал Василий Григорович-Барский. Несмотря на то, что он обычно подробно описывал свои впечатления об увиденных им афонских книгохранилищах, на этот раз В. Г.-Барский писал кратко о рукописях Дохиара: «В библиотеке излишних книг не видел в монастыре сем, ибо мне показаша кроме церковных, аще в прочем многое мне страннолюбие явиша и сицева убо красота и похвала обители сей есть» [261].

В. Г.-Барский осуществлял свое паломничество как на Афон, так и по другим местам Ближнего Востока в относительно спокойный в политическом отношении период времени. Но впоследствии турецкие войны времен царствования Екатерины II не могли благоприятствовать русскому паломничеству. И действительно, за весь многолетний период этого царствования, за исключением краткого посещения Назарета в 1772 году С. Плещеевым, было известно лишь одно странствование иеромонаха Саровской пустыни Мелетия. Тем большую ценность представляет описание путешествия монаха той же Саровской обители Игнатия в Константинополь, Афонскую Гору, Египет и Святую Землю, совершенного им в течение целого десятилетия — с 1766 по 1776 гг.

Такой большой срок паломничества — целое десятилетие — для отца Игнатия был вынужденным, и это было связано с начавшейся войной между Турцией и Россией. Об этом говорится в краткой биографической справке, опубликованной в предисловии к его «Описанию путешествий»: «По данному ему (Игнатию. — *Авт.*) в 1765 году от Курского магистрата, по просьбе и желанию его увольнительному для приискания и к пострижению в монашества места на два года пашпорту, был в Киеве, а оттуда проехал, с греческими, бывшими в России, монахами за границу, для поклонения имеющимся в греческих селениях святым местам, до бывшей еще от Порты Оттоманской с Россиею войны и, будучи де во оных селениях бельцем (мирянином. — *Авт.*), намерен был возвратиться в Россию, но как де оная война наступила, то уже возвратиться ему, Игнатию, стало невозможно, да и бельцом в тамошних местах жить было весьма опасно и, будучи де в крайней опасности, чтобы не попасться в турецкие руки и не лишиться жизни, пришел в Афонскую гору» [262].

26 июля 1767 года Игнатий достиг Афона. Здесь он пробыл, застигнутый турецко-русской войной, до 1776 года, и дальнейшие обстоятельства, связанные с изменениями в его личной жизни, имеют прямое отношение к Дохиарскому монастырю. «И дойдох

монастырь, зовомый Духояра (Дохиар. — *Авт.*), где имеется празднество архистратигам Михаилу и Гавриилу, стены каменные. Келлии в стенах о 4-х жильях, начальствующий игумен Хрисанф, — повествует Игнатий в своих воспоминаниях. — В сем то монастыре мы с братом Григорием восприняли монашеский чин, облекохся еще в рясу. По восприятии иноческого чина, пребых в монастыре лето едино и возымех паки возвратиться в свою Российскую землю, но в то же время учинилась с турецким государством у России война и остахся на некое время и бых в великом желании восприять совершенно монашеский чин великого образа и постричься в мантию» [263].

В Дохиаре отец Игнатий принял малый, а в одном из русских скитов — великий постриг. На родину он возвратился в 1776 году и поселился в Саровской общежительной пустыни, где остался и описал свое путешествие по воспоминаниям. Интересна дальнейшая история рукописных заметок отца Игнатия. Описание его странствования сохранялось впоследствии в рукописи в библиотеке Саровской пустыни. Другой экземпляр этой рукописи, с которой в конце прошлого столетия было сделано печатное издание, был приобретен в 1870 г. от духовного лица Владимирской губернии преподавателем Тульской духовной семинарии Н. Троицким, пожертвовавшим его в конце 1890 года в дар Православному Палестинскому Обществу [264].

Благодаря сообщению епископа Тамбовского, к которому издатель записок В. Хитрово обратился с просьбой узнать, не сохранились ли в архиве находившейся тогда в его епархии Саровской пустыни сведения об иноке Игнатии, появилась возможность сообщить об отце Игнатии довольно подробные биографические сведения в предисловии к его «Описанию».

В 1845 г. в Дохиаре побывал В. И. Григорович. Здесь он провел 2 дня — 1—2 января 1845 года. О монастырской библиотеке он оставил краткие записи, из которых можно составить самое общее представление о хранившихся там рукописях: «Монастырь Дохиар с храмом святых Архангели идиоритм. Библиотека его находится в южной стене, в нижнем этаже, в комнате с едва держащимся окошком. Книги ее списаны на одном листе. Всех до 460. Рукописей до 60» [265]. Среди греческих рукописей В. И. Григорович отметил один сборник, «в котором, между прочим, помещена история о татарах. Славянских рукописей — одно Евангелие пергаменное сербской рецензии» [266].

Дохиарские насельники радушно принимали посланцев из России и охотно показывали им свои книжные сокровища. О том, что это не было случайным явлением, свидетельствуют заметки архимандрита Порфирия (Успенского), который имел возможность изучать дохиарские рукописи в 1846 году во время своего первого путешествия на Афон. Архимандрит Порфирий отмечал особую роль Дохиарской обители, насельники которой отличались особым расположением к русским посланцам: «Когда начала распространяться там молва о скором отъезде моем, — писал архимандрит Порфирий, — тогда эти монастыри стали приглашать меня к себе. То письменно, то через нарочных гонцов, а один из них, именно Дохиарский, даже отправил свои древние акты в русскую киновию, дабы, хотя там, рассмотреть их» [267].

Архимандрит Порфирий вывез с Афона ряд древних рукописей и их фрагментов, которые впоследствии поступили в государственные рукописные собрания. Так, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге хранятся 2 фрагмента дохиарских рукописей, принадлежавших ранее архимандриту Порфирию: 1) Иоанн Лествичник, Лествица. Отрывок. 1272 г. Пергамент. С пометой Порфирия (Успенского). По предположению В. Н. Бенешевича из рукописи монастыря Дохиар. № 45 (2719). (Публичная Библиотека, греческое собрание № 340; 2) Евангельские чтения. Отрывок. 1276 г. Пергамент. Из рукописи монастыря Дохиар. № 13. Помета Порфирия Успенского: «Из рядового Евангелия 1276 г. Дохиар». Лист наклеен на картон. Собрание Порфирия Успенского. Публичная Библиотека, греческое собрание. № 310) [268].

Кроме того, в бумагах епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им по завещанию в Академию Наук, находились материалы, имевшие отношение к Дохиару. Во второй рукописной книге «Афонских актов», состоящей из 745 листов, на страницах 269—481 изложено содержание актов Дохиара:

1. 55 греческих актов (1038—1664 гг.), из которых половина представлена только в изложении содержания и иногда довольно кратко; некоторые из этих актов даны византийскими императорами: Михаилом Палеологом, Иоанном Палеологом (5 актов) и сербским царем Стефаном Душаном (2 акта);

2. «Стихиры Пресвятой Богородице, Скоропослушной Дохиарской чудотворной иконе» (стр. 476—477);

3. Помощь России Дохиару [269].

Больше возможностей для работы с дохиарскими манускриптами имелось у П. И. Севастьянова, который сделал в этой обители ряд фотографий с целого ряда рукописей, представлявших особый интерес для дальнейшего исследования. Из того рукописного наследия П. И. Севастьянова, которое осталось после его кончины, можно отметить некоторые из тех фотоснимков, которые относятся к Дохиарской обители:

1. Из пергаментного Четвероевангелия, XI в. (8 листов).

2. Из пергаментного сборника Четьих-Миней, ноябрь месяц, XI—XII вв., содержащий, в частности, жития и изображения Андрея Первозванного и Климента Римского (35 листов). Рукопись украшена 18-ю миниатюрами, снятыми на фотографии дважды: в уменьшенном виде вместе с текстом и отдельно, в натуральную величину.

3. Из литургии святителя Иоанна Златоуста, на пергаментном свитке XIII в. (2 листа).

4. Из рукописи на бумаге, содержащей литургии святителя Иоанна Златоуста (с его изображением), святителя Василия Великого и Преждеосвященных Даров. 6833 (1375 г.) (22 листа) [270].

Несмотря на то, что в Дохиарской библиотеке имелось довольно большое число рукописей, в отчетах, записках и воспоминаниях русских исследователей этому книгохранилищу отводится довольно скромное место. Так, например, отечественный исследователь Д. В. Айналов, побывавший на Афоне в 1896 году, уделил несколько строк библиотеке Дохиара. «Добыча здесь была небольшая, — писал Д. В. Айналов. — Всего одна византийская рукопись, правда, с интересными миниатюрами, неизвестная еще составителям каталогов, но побывавшая в руках епископа Порфирия, так как на ней нашлась его запись и подпись» [271]. К этому сообщению необходимо добавить, что в Дохиаре Айналов описал несколько новых рукописей и встретил в кодексе № 5 (Жития святых) очень редко попадающиеся миниатюры, воспроизводящие чудо с мальчиком у гробницы святого Климента [272].

Еще одно краткое описание Дохиарского монастыря и его книгохранилища принадлежит перу шотландского исследователя Сиднея Лоха, который посетил Афон в 1930-е годы. Ему удалось побывать в дохиарской библиотеке, и он сделал об этом лаконичную запись: «Впечатляющая главная башня возвышалась в самой высокой точке, укрепленная длинной, с нишами, навесной бойницей. Она была восстановлена в 1617 году. Среди пергаментов в библиотеке на вершине башни были: иллюстрированная рукопись Четвероевангелия XII века и иллюстрированная ноябрьская Минея, относящаяся к тому же столетию» [273].

В заключение следует сказать несколько слов о количестве рукописей в библиотеке Дохиара. По данным В. И. Григоровича, на 1845 г. здесь имелось около 60 рукописей; по сведениям болгарского исследователя К. П. Дмитриева-Петковича (1852 г.), здесь было до 200 древних манускриптов. Но эти сведения грешат неточностью, поскольку оба эти исследователя могли быть в дохиарском книгохранилище лишь краткое время, а также потому, что сопровождавшие их насельники обители показывали им далеко не все имевшиеся в библиотеке рукописи.

В 1880 году Спиридон Ламброс провел детальное описание греческих рукописей Дохиара, и, по его данным, в то время там насчитывалось 395 греческих манускриптов. В настоящее время библиотека Дохиара насчитывает 441 рукопись, 62 из которых написаны на пергаменте. Среди них есть иллюстрированные манускрипты, из которых в первую очередь следует отметить Минею (№ 5), в которой имеется много прекрасных миниатюр. В книгохранилище Дохиара находится также более 3 тысяч печатных книг [274].

Монастырь Каракалла

Каракалльская обитель посвящена апостолам Петру и Павлу, она расположена на пути между Великой Лаврой святого Афанасия и Иверским монастырем. По поводу основания Каракалльской обители архимандрит Порфирий (Успенский) высказал мнение, которое подтверждается сведениями, имеющимися на сегодня в результате изучения древних хризовулов: «Монастырь Каракалльский уже существовал при Романе Диогене, который дал ему свой сигиллион. Этот государь вошел на престол в 1068 году и царствовал только три года с половиной, следовательно, монастырь основан ранее 1068 года» [275]. И действительно, в свое время имелся хризовул императора Романа IV Диогена (1068—1071), в котором этот властитель подтверждал права монастыря на владение движимой и недвижимой собственностью. К сожалению, сам документ теперь утрачен и сохранилась только его свинцовая печать. С одной стороны на ней изображен Иисус Христос, а также император Роман со своей женой, а с другой — три сына императора. Другой документ XI века, данный Протатом (1087 г.), упоминает о Михаиле, игумене монастыря Каракалла [276].

Следует упомянуть о соседней с Каракаллом обители Амальфи, она была основана западными христианами, которые несли монашеское послушание на Святой Горе бок о бок с иноками Восточной Церкви. Вот что писал по этому поводу русский паломник А. Н. Муравьев, посетивший Афон в 1849—1850 гг. и изучавший там некоторые святогорские хризовулы: «Замечательно, что в дарственной грамоте, между подписями греческими и славянскими, есть одна грузинская Ивира и одна латинская Амальфитанской обители, сколько я мог разобрать: "ego... addas sanctae Mariae cenobii Amalfitanorum". Итак, в исходе XII века, гораздо после патриарха Керулария, еще существовало латинское братство на Афоне и пользовалось всеми преимуществами наравне с греческим; не есть ли это ясное свидетельство того, что не патриархи Фотий и Михаил, а крестовые походы расторгли общение Запада с Востоком» [277]. Подтверждением этому суждению служит житие преподобного Антония Римлянина. Разделение Церквей произошло при жизни преподобного Антония (который был родом из Рима). Это потрясло его, и он 19-летним юношей решил удалиться от мира с его раздорами. По преданию, в 1106 году он чудесным образом оказался в Великом Новгороде, основал обитель, просвещал иноков. Важно подчеркнуть, что преподобный Антоний Римлянин не был на Руси осужден как схизматик, хотя после разделения в 1054 г. прошло уже более полувека. Скончался он в 1147 г.; в Новгороде преподобный Антоний почитался святым с XIII в.

К началу XVI века относится письменное упоминание о Каракалльском монастыре, появившееся на Руси, здесь сообщается о числе его насельников: «Монастырь Каракул (Каракалл) Орнаоутский, а церковь Петр Апостол, а братии 30» [278].

В XVII веке грузинский царь Артчил и его брат Георгий Вахтанг (1674) оказали помощь монастырю Каракалла. Около этого времени Каракалл получил в свое ведение обитель святителя Николая в Измаиле. «Монастырь Каракалльский имеет в Москве часовню, и в Измаиле монастырь святителя Николая, — отмечал архимандрит Порфирий (Успенский). — Мы не знаем, когда и с чьего дозволения Каракалл устроил часовню, но об Измаильском монастыре сказано в грамоте Цареградского патриарха Иоанникия 1648 г. июня индикта 1-го, что этот монастырь находился тогда в епархии митрополита Браиловского, что храм в нем почти разрушился совсем, и что монахи афонской Каракалльской обители взялись перестроить его с основания с тем, чтобы этот монастырь отдан был им, как метох, и был бы почтен достоинством ставропигии. Патриарх благословил их на сие дело и возвел возобновленный ими монастырь в ставропигию» [279].

К первой половине XVIII в. относится посещение Каракалльской обители Василием Григоровичем-Барским. В его сообщении о библиотеке монастыря имеется ряд важных и интересных сведений. В. Г.-Барский отмечает, что монастырь в то время получал материальную помощь из России, а также, что в прежние времена эту обитель населяли болгарские иноки: «В монастыре Каракалл, — писал Барский, — видех и грамоту славянским языком писанную, с подписью игумена, в болгарские, российские и другие грады за прошением милостыни посылаемую. Слышится бо, яко

тамо прежде болгары обитаху, ныне же ни единого болгара несть, но все греки» [280].

Итак, В. Г.-Барский, повествуя о Каракалльском монастыре, кратко отметил, что в прошлом он был населен болгарами. И вот, в 1852 году этот монастырь принял в своих стенах болгарского ученого К.П. Дмитриева-Петковича, который провел здесь 2 дня — 20 и 21 октября. «Этот монастырь лежит на берегу моря, — писал К. П. Дмитриев-Петкович, — в нем 64 монаха, в числе которых 8 из болгар. Этот монастырь первоначально был болгарский и в нем читали по-славянски, но впоследствии захватили его греки, подобно многим другим» [281]. Таким образом, в середине XIX века в Каракалльской обители снова появились болгарские насельники.

К 1859 году относится посещение Каракалла архимандритом Антонином (Капустиным). Но, к сожалению, как писал сам архимандрит Антонин, «обзор грамот и актов... оставлен был нами по недостатку времени, хотя и любопытно было бы взглянуть на грамоту императора Романа Диогена, XI века» [282].

Хотя архимандрит Антонин не смог ознакомиться с Каракалльским рукописным собранием, он высказал все же ряд важных мыслей о необходимости бережного отношения к древним манускриптам афонских обителей. «Неприкосновенность библиотек святогорских надо оградить не той или другой случайной личностью, а общими положениями, — рассуждал архимандрит Антонин. — Пусть будут оставлены и обнародованы каталоги всех библиотек, и пусть монастыри войдут в книжные сношения один с другими, — в живую мену сведениями о том, что каждый из них имеет, тогда упрочится навсегда целость и неприкосновенность того, что у них есть, а может быть, даже отыщется и то, чего теперь уже нет, и что некогда было» [283].

Но прошло еще несколько десятилетий, прежде чем идеи архимандрита Антонина начали обретать реальность. Лишь в 1880 году С. Ламброс составил каталог греческих рукописей большинства афонских монастырей; в Каракалльском книгохранилище он выявил 250 древних манускриптов.

Одним из русских специалистов, посетивших Афон в конце XIX века, был Хрисанф Мефодиевич Лопарев (1862—1918), библиотекарь рукописного отделения Петербургской публичной библиотеки, биография которого заслуживает особого внимания. Он учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, постепенно стал интересоваться византологией. По словам его биографа, Х.М. Лопарев «смотрел на Византию по отношению к России как на вскормившую ее в младенческие годы “кормилицу”, как на благодетельницу, наделившую ее массой добра: этими благодеяниями были, — пишет он в одном своем сочинении, — изобретенная азбука, крещение и Православие с верховным надзором за новоявившейся Церковью, богослужебные святыни, святоотеческая и каноническая литература, воспитание дикого народа в духе веры и княжеской власти, поощрение к развитию торговли и коммерческих связей. Византия взяла в руки и воспитала его в своих понятиях в набожного христианина» [284].

Эта выдержка взята из работы Х. М. Лопарева, носящей следующее заглавие: «Summa rerum Romaeorrhossicarum». «Греки и Русь» — оглавление приготовленного к печати «Полного собрания историко-литературных и археологических данных для суждения о характере русско-византийских отношений в хронологическом порядке с древних времен до 1453 года». В этой работе, напечатанной в 1898 году, Х. М. Лопарев отмечал, что задумывался над своим трудом «еще на университетской скамье и тогда же исполнился смелости посвятить свои молодые силы этой громадной работе». Ему рисовалась грандиозная картина: «Для решения принципиального вопроса, какую выгоду получила Византия от Руси и Русь от Византии, и приготовляется, так сказать, Мраморная книга, долженствующая представить на трибунал истории все оправдательные документы с обеих сторон. Мало того, вызваны свидетели с запада, с берегов Норвегии, с Востока — из Сирии, Армении, Грузии.., собраны сведения о вещественных доказательствах связей между двумя государствами, словом, не должно быть оставлено без внимания ни одно показание. Всесторонность и полнота должна стоять на первом месте, этого требует и важность вопроса, и нравственный долг наш... ибо имеющий выйти свод есть национальное государственное дело» [285].

Но этот замысел с течением времени, при более близком ознакомлении с темой, с осознанием обширности труда, который под силу лишь группе ученых, значительно сузился. Лопарев остановился на мысли об издании лишь подлинников с русским переводом. В течение всей своей жизни он занимался сбором историко-археологических материалов. В 1911 году он начал печатать в «Византийском Временнике» труд, который должен был стать его магистерской диссертацией. Этот труд — «Византийские жития святых VIII—IX вв.», представленный в 1914 году в Юрьевский (ныне — Тартуский, ранее — Дерптский) университет, и был удостоен магистерской степени. «Характерно, — писал его биограф, — что, приезжая в чужие края, в неизвестный город, а он бывал и в Константинополе, и на Афоне, и в Италии, командированный для изучения рукописей то руководством Академии Наук, то Православным Палестинским Обществом, Лопарев не желал смотреть и не видел ничего, что не касалось той рукописи или того памятника, которые ему нужно было изучить» [286].

Это видно и из собственных записок Х. М. Лопарева, посвященных, в частности, пребыванию в Каракалльской обители. «О Каракалле я вынес благодарное воспоминание, — отмечал Х. М. Лопарев. — Портарь-болгарин отец Паисий встретил меня чрезвычайно гостеприимно, библиотекарь отец Герман с полнейшей готовностью дал мне в келлию нужные для меня рукописи. Я прочел и сделал наиболее существенные выдержки из жития Филарета Милостивого, списал Слово о принесении Ризы Богоматери из Иерусалима в Константинополь и статью позднего происхождения о нашествии авар в VII веке, наконец, сличил Слово Феодора о том же. Особенно важное значение для истории имеет житие святого Кирилла, чрезвычайно длинное, для снятия копии с которого потребовалось бы не менее месяца времени» [287].

Заканчивая краткий обзор истории Каракалльского книгохранилища, можно отметить, что его бесценные сокровища не раз подвергались опасности уничтожения от пожаров, особенно в 1875 году, когда выгорело южное крыло и ряд других строений монастыря. На сегодня библиотека монастыря насчитывает 279 рукописей, из которых 42 написаны на пергаменте. В библиотеке также имеется около 2,5 тысячи печатных книг, а в архиве можно найти ряд хризовулов и других древних документов, относящихся к истории Каракалльской обители [288].

Филофеевский монастырь

Филофеевский монастырь лежит в получасе ходьбы от прибрежного монастыря Каракалла; он находится в глубине Афонского полуострова и посвящен Благовещению Пресвятой Богородицы.

Древнее афонское предание связывает основание монастыря со святым Филофеем, современником святого Афанасия Афонского. В середине XIV века, стремясь увеличить число монахов в монастыре, сербский правитель Стефан Душан издал хризовул с распоряжением, согласно которому в Филофеевскую обитель прибыли первые сербы, а затем и болгары. То, что эти монахи по своему влиянию преобладали над греками в монастыре в течение долгого времени, подтверждается актом Протата от 1483 года, где игумен Филофеевской обители подписался по-славянски, а не по-гречески.

В начале XVI века о Филофеевском монастыре на Руси знали из «Сказаний» о святой Афонской Горе афонского старца Исаии, которое относится к 1517—1519 гг. Старец Исаия писал об этой обители очень кратко: «Монастырь Филофей Арбанаский. А церковь 40 мучеников, а братии 70» [289].

В первой половине XVII века между Филофеевским монастырем и Россией стали складываться особенно тесные отношения. Первоначальной причиной этого послужила материальная нужда филофеевских насельников, которые, по примеру иноков других афонских обителей, обращались к России с просьбой о помощи. В рукописном собрании Филофеевской обители была найдена грамота на русском языке, полученная этим монастырем в 1642 г. из России. Начальные слова этого документа гласили: «Божиею милостью великий государь и великий князь Михаил Федорович, всея Руси самодержец, пожаловали есмя Афонския горы Благовещения Пресвятыя Богородицы Филофеева монастыря архимандрита Григория с братиею, что били они нам

челом, чтобы нам их пожаловати велети б им приезжати в наше московское государство бити челом о милостыне и велети б им о том в их монастырь дати нашу жалованную грамоту, чтобы им приезжати было поволно» [290].

Следует отметить, что к середине XVII века уже сложилась практика частого посещения России представителями различных афонских монастырей, а также и тех православных обителей, которые находились за пределами Святой Горы. Поэтому русские власти были вынуждены ограничивать частоту приезда таких просителей с тем, чтобы иметь возможность оказать достойный прием каждому из них. (Со времени царя Алексея Михайловича издается уже целый ряд указов с целью сдержать чрезмерный приток в Москву просителей милостыни с Востока. Указ царя Феодора Алексеевича, запрещающий собирателям милостыни и всем вообще грекам приезжать в Москву, был отменен благодаря вмешательству патриарха Иоакима) [291]. Поэтому не случайно такого рода ограничение на приезд в Россию содержится и в «филофеевской» грамоте, но в то же время далее следует подробное перечисление тех мер безопасности, которыми ограждались почетные гости от возможных посягательств: «А приезжати им по сей жалованной грамоте в наше московское государство в седьмой или восьмой год трем или четырем старцам да служке... А кто на них и на их слугах что возьмет или чем изобидит, и тем от нас быти в опале, а взятое велим отдати вдвое... Дана ся наша царская жаловальная грамота в царствующем граде Москве, лета от создания миру 7150 месяца ноября 25 дня. Божиею милостью великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец» [292].

Из содержания грамоты можно сделать вывод о том, что филофеевские иноки могли воспользоваться предложенной им помощью, а вскоре после этого они также смогли оказать России посильную услугу. Во время приезда старца Арсения Суханова на Афон за рукописными книгами в середине XVII века, он вывез из Филофеева монастыря не менее 43 книг, из которых в настоящее время удалось выявить 35 рукописей и 1 печатное издание, хранящееся в отечественных собраниях [293].

Возвращаясь к хронологическому обзору истории Филофеевского монастыря по его рукописному наследию, необходимо отметить, что в начале XVII века эта обитель имела тесные связи с Украиной, о чем свидетельствует содержание грамоты от 30 мая 1707 года архиепископа Черниговского Иоанна (Максимовича), адресованная братии Филофеевской обители: «Иоанн Максимович, милостью Божиею православный архиепископ Черниговский, Новгородский и всего севера...» [294], — так начинается текст грамоты. Далее в грамоте, написанной «высоким стилем» с наличием полонизмов, что объясняется имевшимся в то время сильным влиянием Польши на Украину, говорится о помощи, которую оказал архиепископ Черниговский Иоанн бедствующей филофеевской братии: «Ясновельможный добродей, его милость господин гетман и кавалер, призирая и взирая на скудость превелию, нужду и нищету обители Благовещения Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, под игом неудобоносимым агаранским зостаючи в горах Афонских, свой высоцеповажный уневерсал пречестному отцу Парфению наместнику того ж монастыря с братиею на прошение милостине у благочестивых людей благоволил повелеть выдати... Дань архиепископа Черниговского, року 1707, месяца мая 30 дня. Рукою властною» [295].

Связи Филофеевской обители с Украиной поддерживались и в последующее время. В первой половине XVII века этот монастырь посетил В. Г.-Барский, «уроженец Киевский», который побывал в Филофеевском книгохранилище и оставил краткие, но важные сведения об увиденном: «Хризовулы же царские обретахуся еще сицевы, на пергаменте и на хартии с червленными подписьми имян их... Еще же бяху и два хризовула самодержцев российских, един царя Михаила Феодоровича, а другой царя Алексея Михайловича» [296]. Из этих записей следует, что в первой половине XVIII века в Филофеевском рукописном собрании хранились 2 жалованные грамоты русских царей, но до нашего времени дошел текст только первой из них.

В середине XIX века отношения Филофеевской обители с Россией продолжали укрепляться, к этому времени Филофеевский монастырь имел в России близ Тифлиса метох и при нем 17 домов крестьянских и виноградники [297].

Большое внимание уделил Филофеевской обители и ее книгохранилищу В. И. Григорович, побывавший здесь в 1844 году. В Филофеевской обители ему были показаны наряду с прочими 5 славянских рукописей и несколько отрывков из тех славянских книг, которые к тому времени были уже утрачены. В своем дневнике В. И. Григорович отмечал, что, по словам болгарских насельников, «в этом монастыре было много славянских книг, но они недавно были сожжены» [298]. Несомненно, В. И. Григоровича интересовали и сохранившиеся хризовулы, и, в частности, жалованные грамоты русских царей. Но эпитроп, однако, показал ему всего 6 хризовулов, тогда как их было гораздо больше. «Я заметил это, — рассказывает В. И. Григорович, — войдя нечаянно в кладовую, где двое старцев перебирали грамоты» [299].

Заканчивая анализ деятельности В. И. Григоровича на Афоне, следует отметить, что он вывез с Афона некоторое количество древних рукописей для их дальнейшего изучения в России. Так, например, из Филофеевской обители В. И. Григорович, среди прочих манускриптов, вывез пергаментную Псалтирь XIII века [300]. Следует также кратко упомянуть о дальнейшей судьбе рукописей, принадлежавших В. И. Григоровичу. В 1876—1878 гг. его рукописи поступили в рукописные собрания Московского Публичного и Румянцевского музеев. Большая часть входящих в состав названного собрания рукописей была найдена и приобретена им во время его богатого научными результатами путешествия по Афону и славянским землям в 1844—1846 гг. Судя по сохранившимся в архиве В. И. Григоровича описям, общее число принадлежавших ему рукописей по количеству было значительно больше — приблизительно вдвое по сравнению с собранием, приобретенным после его смерти музеями. Это объясняется тем, что он имел обычай дарить свои рукописи в те научные учреждения, к которым он имел какое-либо отношение. Так, например, Григорович подарил по нескольку рукописей в библиотеки Казанского университета, Казанской Духовной Академии, Московского Публичного музея, Московской Духовной Академии. Но самый большой вклад из своего собрания В. И. Григорович сделал в библиотеку Новороссийского университета в год его основания (1864), где из рукописей и книг Григоровича был создан специальный отдел, получивший название «Отдела по славянской филологии профессора В. И. Григоровича» [301].

Вскоре после отъезда В. И. Григоровича с Афона в Филофеевском монастыре начал свою исследовательскую деятельность архимандрит Порфирий (Успенский) (сентябрь 1845 г.). Подобно своему соотечественнику, он заботился о том, чтобы его труды стали впоследствии достоянием русской науки. И действительно, после кончины выдающегося ученого, специалиста по истории христианства на Ближнем Востоке, его архив в 1885 году поступил в рукописное собрание Российской Академии наук. Из множества документов, находившихся в этом архиве, следует выделить те, которые имеют отношение к Филофеевскому монастырю, и в первую очередь связанные с его отношениями к России. Все эти материалы были помещены архимандритом (в то время — уже епископом) Порфирием в 4-х книгах. Первая книга «Афонских актов», состоящая из 671 листа, содержит акты Протата, Лавры святого Афанасия и монастырей Иверского, Ватопеда, Каракалла, Эсфигмена, Филофеевского и Кастамонита [302]. Архив Филофеевского монастыря занимает в этом томе 99 листов (стр. 57—254), где, в частности, содержатся материалы о помощи Филофеевскому монастырю из Молдавии, Валахии и России — выписки из 2-х грамот, а также жалованная грамота царя Михаила Феодоровича, по подлиннику, хранящемуся в монастыре [303]. Часть этих материалов была впоследствии опубликована в отечественной печати, но многое из перечисленного еще ждет своего исследователя.

Одним из следующих по времени ученых-паломников, посетивших Филофеевский монастырь и оставивших свои записи в его библиотеке, был болгарский исследователь К. П. Дмитриев-Петкович. Он побывал здесь 19—20 октября 1852 года и в своих заметках прежде всего упомянул о международных связях Филофеевской обители: «Между прочими ктиторами упоминаются еще царь Андроник Палеолог, русский царь Михаил Феодорович, который дал грамоту монахам с позволением отправляться в Россию для сборов в пользу монастыря; грузинские цари Ираклий и Георгий»

[304]. Автор перечислил далее те хризовулы, которые ему довелось увидеть, и в этом отношении ему повезло больше, чем В. И. Григоровичу. «Что касается хризовулов, показали мне старцы все, что имели в сундуке. Их было 12 на греческом языке, 1 — на русском и 1 — на турецком», — писал Д.-Петкович [305]. Перечислив названия греческих грамот, он описал виденную им грамоту царя Михаила Феодоровича на русском языке: «на бумаге с большой восковой печатью 7150 ноября (1642), дающей позволение монахам отправляться в Россию и собирать милостыню» [306].

В 1859 году на Афоне плодотворно работал П. И. Севастьянов. Результаты его трудов невозможно переоценить, и они имели бы еще большую ценность на сегодня, поскольку часть тех древностей, которые П. И. Севастьянов запечатлел на фотографических снимках, уже утрачена. Но, к сожалению, ныне утрачено и большинство фотографий, сделанных русским исследователем, и сохранилось лишь описание части того материала, который был собран П. И. Севастьяновым на Афоне. Так, в книгохранилище Филофеевской обители П. И. Севастьянов сделал ряд фотоснимков, и в первую очередь русских актов, тексты которых уже частично приводились в настоящем обзоре: это грамота царя Михаила Феодоровича (1641 г.) и грамота Иоанна (Максимовича), архиепископа Черниговского (1707 г.).

Очередным шагом в изучении рукописного наследия Филофеевского монастыря было издание греческих актов, хранившихся в этой обители. Оно было осуществлено в России в 1913 году и было напечатано в виде приложения к XX тому «Византийского Временника». В составлении перечня приняли участие В. Регель, Е. Куртц и Б. Кораблев. В предисловии к этому изданию составители отметили, что источниками, которыми они пользовались при работе, были фотографии П.И. Севастьянова (1859—1860 гг.) и копии, сделанные епископом Порфирием (Успенским). 10 актов было издано с фотографий П. И. Севастьянова и 8 актов — с копий епископа Порфирия. 4 акта имелось в обоих этих источниках, 6 — только в фотографиях, 4 — лишь в копиях, то есть всего было описано 14 актов [307].

В предисловии к изданию актов издатели отметили те трудности, с которыми им пришлось столкнуться при работе. Те источники, которыми располагали издатели (фотографии, копии), к сожалению, не могли гарантировать достоверность текста оригиналов. Ко времени издания актов большая часть документов, которые сфотографировал Севастьянов, была в очень плохом состоянии. Имелись пропуски на полях и, кроме того, кое-где написанное было стерто и во многих местах не читаемо. Что касается копий епископа Порфирия (Успенского), то они были недостаточно выверены, поскольку епископ Порфирий порой не делал копий прямо с оригинальных документов, но он также использовал для этого копии [308].

Заканчивая обзор истории Филофеевского рукописного собрания, можно привести некоторые данные о его современном состоянии. Если профессор С. Ламброс в 1880 году насчитал там 250 греческих манускриптов, то, согласно новейшим данным, филофеевская библиотека по-прежнему насчитывает около 250 рукописей, из которых 54 написаны на пергаменте [309].

Симонопетрский монастырь

Продолжая обзор афонских рукописных собраний, было бы несправедливо не сказать ничего о тех святогорских обителях, чьи книгохранилища особенно сильно пострадали от пожаров, но которые имеют долгую и интересную историю. К числу таких монастырей относится Симонопетрская обитель.

По своей архитектуре и местоположению эта обитель резко отличается ото всех афонских монастырей: она построена на основании скалы, возвышающейся на 230 метров над уровнем моря. Если еще прибавить к этому высоту взметнувшегося над ней 7-этажного здания монастыря, то можно легко представить себе величие этого сооружения.

В настоящее время в Симонопетрском монастыре подвизается около 60 монахов. Причем некоторые из них поступили в обитель после окончания богословского

факультета Афинского университета. Печальное обстоятельство заключается в том, что сейчас, когда они готовы вести исследовательскую работу с древними рукописями, то вынуждены обращаться в другие афонские книгохранилища, так как их собственный монастырь трижды выгорал дотла, пожары 1580, 1626 и 1891 гг. уничтожили древние рукописи, книги, фрески и иконы. Во время пожара в 1891 году полностью сгорела библиотека монастыря и удалось вынести только часть мощей и грамоты, дарованные монастырю византийскими императорами.

Когда приходится читать о том, что из какой-либо афонской библиотеки зарубежные исследователи вывозили множество древних рукописей, то можно по-разному оценивать эти факты. Но в отношении Симонопетрского книгохранилища не может быть каких-либо неоднозначных суждений. Так, например, несколько манускриптов были спасены от огня и нашли свою вторую родину в России, когда Арсений Суханов вывез в середине XVII века несколько книг из этой обители и в числе прочих одну — XI в., одну — XV в., две — XVI в. Правда, отечественным исследователям на сегодняшний день удалось выявить только одну из них: с монастырской пометой 1654 года и надписанием имени «Арсений» известна лишь одна Симонопетрская рукопись, хранящаяся ныне в Историческом музее в Москве (ГИМ № 102) [310].

В XVII столетии Симонопетрской обители было чем поделиться со своими покровителями из разных стран; инок Феофан Сербин, прибывший в Россию с Афона, в своем рассказе о святогорских монастырях специально отметил Симонопетрский монастырь как богатый книгами: «В том монастыре книг много, сказуют книгохранители, яко девять тысяч харатейных» [311].

В. Г.-Барский особо отметил один из 10 хризовулов, которые ему удалось исследовать здесь в первой половине XVIII столетия. Этот документ имеет отношение к истории афоно-русских связей, и сообщение о нем представляет особую ценность, поскольку он, как и многие другие древние свитки, был впоследствии уничтожен пожаром. Кроме прочих грамот, хранившихся в Симонопетре, по словам В. Г.-Барского, там был «хризовул российский царя Алексея Михайловича, на бумаге, с печатью, вытисненною на червленном воску. Еще же обретаются тамо, — добавлял В. Г.-Барский, — и иныя многия грамоты патриархов Цареградских, называемые сигиллионы, на пергаменте с оловянными печатями, о каковых много писах в предреченных монастырях» [312].

Ко второй половине XVIII века относится сообщение русского паломника отца Игнатия о Симонопетре, этот русский пешеходец жил на Афоне в 1766—1776 годах. Большую часть времени отец Игнатий провел в Дохиаре, но он сумел также посетить и Симонопетрскую обитель, отстоящую от Дохиара на довольно значительном по афонским масштабам расстоянии. Но, к сожалению, записи отца Игнатия не отличаются пространностью: «Монастырь, зовомый Симоновский, стоит близ моря, построен из дикого камня с башнями, в стенах кельи о четырех жильях, — сообщал отец Игнатий. — В оном монастыре состоит гора Малеин, где спасся преподобный отец Михаил Малеин. В нем начальствующий игумен, и поклонихся братии» [313].

Большая заслуга в деле изучения симонопетрских рукописей принадлежит архимандриту Порфирию (Успенскому), посетившему эту обитель в 1846 году. Архимандрит Порфирий был большим знатоком и любителем рукописей. Он высоко ценил их научное значение: «Всех в мире профессоров лучше старинные рукописи, — писал архимандрит Порфирий. — Люблю я их и читаю с отменным удовольствием. Они посвоему недавно обогащали мой ум и мою память на Синае и Сионе, на Ливане и Антиливане. А теперь обогатят меня и на Афоне. Это рудники, из которых добывается золото, серебро и всякие металлы и многие драгоценные камни и жемчужины» [314].

В настоящее время все вывезенные архимандритом Порфирием фрагменты симонопетрских рукописей хранятся в греческом собрании Санкт-Петербургской Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Это отрывки из Минеи на март месяц (XII век) [315], фрагмент из Цветной Триоди (XII век) [316], Псалтирь (XIII век) [317], к началу XIV века относится рукописный фрагмент из Евангелия от Марка (10, 44—11, 25) (1303 г.) [318].

«Для православного богослова, — писал архимандрит Порфирий, — афонские акты и рукописи разные суть то же, что для пчелки Божией крины сельные и цветы древесные. Есть с чего собирать мед благовонный. Сколько на Святой Горе находится жизнеописаний святых и мучеников, подобно звездам, воссиявшим давно и недавно в Восточной Церкви! Есть там новые службы и акафисты, свидетельствующие о продолжении дара извитийствования молитв в Церкви Православной» [319].

П.И. Севастьянов, посетивший Симонопетрский монастырь в 1859 году, также внес свою лепту в спасение рукописей этой обители. Здесь он сделал ряд фотографических снимков с имевшихся там еще рукописей и, в частности, он переснял 4 листа из Четвероевангелия, датированного 6948 (1440) годом [320]. Необходимо сказать, что собрание П. И. Севастьянова представляло богатую коллекцию фотографий с греческих лицевых рукописей и исследователь с некоторых рукописей заказывал своим помощникам делать фотографии полностью, не пропуская ни одной миниатюры. К сожалению, эти тысячи снимков в своем большинстве хранились без надлежащей пометы их происхождения, в результате чего постепенно утратились даже собственноручные заметки П. И. Севастьянова, к тому времени скончавшегося. Основной исторический интерес собрания умалился, и его стали рассматривать скорее как сборник для иконописцев и справочник по иконографии [321].

Интересны заметки архимандрита Антонина (Капустина), в том же 1859 году побывавшего в Симонопетрской обители. Его записи не относятся к какому-либо конкретному вопросу, связанному с рукописями монастырского собрания, но все же представляют определенную ценность, поскольку в них повествуется о тех манускриптах, которые уже безвозвратно утрачены для науки. «Симонопетр. В библиотеке монастырской есть около 200 рукописей, из которых почти половина писана на коже, — сообщал архимандрит Антонин... Ни одной славянской рукописи я не видел в ней. Едва ли потому справедливо, что обитель была некогда славянской. Я отыскал заброшенный древний помянник монастыря, и в нем тоже не нашел ни одной записи славянской. Хотя между записанными по-гречески именами есть много славянских, внесенных в книгу симонопетрскими сборщиками милостыни» [322].

В 1887 году в стенах Симонопетрского монастыря около 2-х недель прожил русский литургист А. А. Дмитриевский. Здесь он занимался в библиотеке, обладавшей хотя и немногочисленными, но в научном отношении интересными рукописями (по каталогу С. Ламброса здесь было 245 рукописей, из которых около 50 пергаментных). Впоследствии он засвидетельствовал, что здесь встретил со стороны игумена и братии самый радушный прием и полное содействие к успешному окончанию своих занятий. А. А. Дмитриевскому обязан спасением ценный фрагмент из симонопетрской Минеи на август (XIII век). В настоящее время этот отрывок хранится в Библиотеке Академии Наук в Санкт-Петербурге [323].

В 1895 году вышел в свет первый том обширного описания афонских рукописей Спиридона Ламброса. Здесь было описано свыше 4-х тысяч рукописей из 17 афонских монастырей и скита святой Анны. Автор изучил рукописные богатства Афона с помощью двух учеников в 1880 году в течение 4-х месяцев своего пребывания на Святой Горе. Следует подчеркнуть, что С. Ламброс особо отметил деятельность своего предшественника — П. И. Севастьянова, результаты исследовательской работы которого на Афоне завершились «устроением замечательного собрания из 6 тысяч фотографий, украшающих Петербургский музей. Намереваясь заняться византийским искусством на Афоне, я, конечно, не смел и думать померяться с сими громадными и дорого стоющими трудами», — писал С. Ламброс [324].

К счастью, С. Ламброс сумел закончить описание библиотеки Симонопетрского монастыря, который впоследствии сделался добычей пламени, так что это описание остается на сегодня основным научным источником о монастырском книгохранилище.

Пожар в Симонопетрской обители произошел в ночь на 28 мая 1891 года. В 3 часа ночи загорелись балки над печью в хлебопекарне. Пламя быстро проникло в верхние этажи здания и охватило единственную выходную дверь монастыря. О спасении имущества или

о тушении пожара не было времени думать, так как речь шла о том, как спасти собственную жизнь. Одному из иеромонахов удалось проникнуть в храм и вынести из скевофилакии сосуд с мощами и ящик с монастырскими актами. Прекратить пожар удалось лишь с большими усилиями на 3-й день. Можно предполагать, что всего в пожаре погибло 245 рукописей, поскольку именно это число значится в каталоге С. Ламброса. В обители ныне имеется только небольшое число поздних рукописей, хранящихся в сокровищнице. В сравнении с другими монастырями собрание печатных книг здесь небольшое.

В заключение необходимо сказать еще несколько слов об истории Симонопетрской обители. В 1762 году здесь некоторое время жил знаменитый старец Паисий Величковский — основатель Ильинского скита на Афоне, сыгравший большую роль в обновлении монашеской жизни в России. Монастырь имеет подворья в Афинах, Фессалониках и трех других городах Греции. Во время борьбы греческого народа за независимость (1821—1831 гг.) монахи были вынуждены бежать из обители и она в течение этого времени была закрыта. Следует также подчеркнуть, что после пожара 1891 года решающее значение для восстановления жилых помещений и храма обители имели материальные пожертвования, щедро поступавшие из России.

Свято-Павловский монастырь

Основанный во второй половине X века, Свято-Павловский монастырь, носящий имя своего основателя — святого Павла Ксиропотамского, расположен на южном берегу Афонского полуострова. Со стороны моря эта обитель кажется как бы прислоненной к скале; она окружена зубчатой стеной с бойницами, с прилепленными к стенам деревянными келлиями с балкончиками. Василий Григорович-Барский так описывал этот монастырь: «Тот стоит от моря, яко за полпоприща, под самым Афоном (вершиной горы. — *Авт.*), устроен чудесно на острой скале».

Наряду с Хиландарской обителью, которая была главным связующим звеном византийского религиозного просвещения со славянскими Церквами, Свято-Павловский монастырь также был причастен к подобной посреднической деятельности. Сербы поселились в Свято-Павловском монастыре значительно позже, нежели в Хиландаре. Будучи сначала греческой, со времени правления сербского царя Стефана Душана Сильного (князя с 1336 года, царя в 1347—1356 гг.) эта обитель стала постепенно обращаться в сербскую. Междоусобицы, происходившие в Сербии, заставляли иноков-сербов оставлять свои родные монастыри и скиты и удаляться на Афон. Иноки, не желая, чтобы их церковная утварь и книги подверглись бы уничтожению, обычно уносили их на Афон.

Во время покровительства Афону болгарских и сербских царей, в XIII и XIV вв., число славянских монахов там еще более увеличилось; они появились не только в чисто славянских монастырях, но и в греческих: Григориате, Свято-Павловском, Дохиаре, Ксенофонте, Пантократоре, Ставрониките, Филофеевском, Эсфигмене, Симонопетре и Каракалле, в некоторых из них славянский элемент преобладал, как, например, в Свято-Павловском, судя по хранившимся в этой обители славянским рукописям сербской редакции [325].

С 1354 года Свято-Павловский монастырь управлялся уже сербским игуменом Герасимом, принявшим монастырь по добровольной уступке его греками-ксиропотамцами, подтвержденной Протом и Константинопольским патриархом Матфеем [326]. Последующие исторические события, вплоть до окончательного подчинения Сербии туркам в 1459 году, способствовали усилению в этих монастырях (особенно Свято-Павловском) славянского элемента. Внутренние смуты в Сербии, постоянные нападения соседей, в особенности турок, вынуждали многих из иноков бежать из своего отечества на Святую Гору. Но с падением Сербского государства существенно уменьшилась помощь, которая оказывалась Свято-Павловской обители, так что постепенно она снова стала переходить в ведение греческих насельников, и этот процесс завершился к середине XVIII столетия. Но за время своего «сербского»периода Свято-Павловский монастырь оказал ценные услуги славянским Церквам, хотя его роль была несомненно меньше по масштабам, нежели роль Хиландара. Это выражалось, главным

образом, в распространении сербской литературы посредством переписки, которая осуществлялась в стенах этой обители.

Пути, по которым развивались афоно-русские связи, можно проиллюстрировать на примере сочинения под названием «Слово постническое Максима Исповедника по вопросу и ответу». До начала XV в. оно существовало только на греческом языке. Славянские святогорцы задумали его перевести, и в 1425 году сербский монах из Свято-Павловского монастыря Иаков Дописец перевел «Слово». Он сделал это по просьбе монаха Евсевия (Ефрема), «русина», который в 1420—1421 гг. жил в Константинополе в монастыре Богородицы Перивлепты, а в 1422—1424 гг. перебрался из Константинополя на Афон и к моменту перевода «Слова» жил в монастыре святого Павла [327].

В отдельном виде «Слово» в славянских рукописях не встречается и всегда входит в состав сборников. По предположению современного исследователя, перевод «Слова» Евсевий (Ефрем) включил в какой-то переписанный им лично сборник сочинений святых отцов и уже в составе сборника отослал его на Русь. Первооригинал сборника не сохранился или пока еще не разыскан. Но в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры имелся список с него, весьма близкий по времени к дате написания оригинала [328].

Интересно, что следующий по времени список «Слова» с послесловием Евсевия-Ефрема встречается в сборнике 1431 года, переписанном в новгородском Лисицком монастыре. Состав Лисицкого сборника отличается от состава Троицкого, значит, оригиналом лисицкому писцу послужила не Троицкая рукопись. Остается думать, что оригинал перевода Иакова Дописца Евсевий (Ефрем) держал при себе и давал его другим русским писцам, жившим на Афоне, для новых списков [329].

В 1653—1655 гг. московский старец Арсений Суханов, по благословению патриарха Никона, предпринял поездку на Святую Гору, осмотрел ряд афонских книгохранилищ, где отобрал несколько сот (498) древних рукописей и печатных книг на греческом языке для отправки в Россию. Несмотря на то, что у Арсения Суханова в его поездке был помощник, ему было трудно перевезти в Москву такое большое количество книг. О том, как насельники Свято-Павловского монастыря помогли Арсению Суханову справиться с этой трудной задачей, повествуется в грамоте от 10 ноября 1654 г., которую архимандрит Свято-Павловской обители Иоасаф вручил царю Алексею Михайловичу по своем приезде в Россию.

В этой грамоте братия Павловского монастыря уведомляла царя о том, что «благолепне честный настоятель их архимандрит Иосиф послужи, якоже царскому человеку на путно шествие честному старцу Арсению иже от светлаго и ти царствия посланному, добре проводил его до Святой Горы и от святаго ти царствия врученную ему службу о взыскании божественных книг мудре соверши. В честный наш монастырь пришед и в книжное сокровище вшед елико от божественных книг в нем обретшихся избра, и нам повеле сами носити к пресветлому ти царствию множества ради тогда с ним носящих от Святыя Горы книг. Мы же, яко раби благопокорни, послушавше без закоснения усердствовавше повеленное исполнити потрудихом паки честнаго настоятеля и отца нашего Иосифа архимандрита, еже от честнаго нашего монастыря божественное сокровище святых книг, от древних премудрых преводников преведенных на словенский язык от греческого, носити пресветлому ти царствию» [330].

Таким образом, оказывается, что из обители святого Павла старец Арсений не взял ни одной книги: им только были отобраны книги, и, вероятно, подписаны на первом листе, как он это делал в других монастырях; такая надпись («Арсений») имеется на некоторых книгах, несомненно присланных из Свято-Павловского монастыря. Всех книг, присланных с архимандритом Иоасафом, насчитывалось 16 («поднесе той патриарху 16 книг греческих» [331]).

Какие именно книги были посланы в Россию от этого монастыря, в грамоте от 10 ноября 1654 года не указано; не сохранилось об этом и никаких официальных документов. На книгах, посланных из Павловского монастыря, имеются надписи обыкновенно следующего содержания: «лета 1655 июня в 25 день прислал сию книгу "правила" (или "шестоднев") афонския горы монастыря святого Павла великомученика

Георгия, архимандрита Анания з братиею». Благодаря этим надписям можно узнать, какие именно книги были присланы из Свято-Павловского монастыря в Россию. Всего было прислано 16 книг, но из этого числа на конец XIX столетия было известно только 9, то есть, по крайней мере, подобные надписи имелись только на 9-ти рукописях. Все эти рукописи датировались XV веком [332].

За все эти 16 книг, которые были привезены в Россию, архимандриту Свято-Павловского монастыря было пожаловано соболей на 100 рублей, а впоследствии дано было еще 100 рублей.

Дальнейшая история Свято-Павловской обители была отмечена все возраставшей эллинизацией этого, в прошлом славянского, монастыря. Василий Григорович-Барский, дважды посещавший Святую Гору в первой половине XVIII столетия, смог наглядно убедиться в этом, отметив те изменения, которые произошли здесь с 1726 по 1744 гг. «В монастыре святого Павла, — пишет он в своей книге, — жительствоваху сначала болгары и сербы; ныне же умалившимся оным, недавно населишася грецы, в перьвом убо моем прибъятии к Святей Горе, в лете 1726, чтение же и пение, и вся власть бяше болгарская; ныне же (в 1744 г. — *Авт.*) ничего от сих не обретается, кроме библиотеки славенской, в нем же множество книг различных обреташеся. Печатных и рукописных, начаша тамо обитающие иноцы (греки. — *Авт.*) инныя (книги — *Авт.*) раздавати, инныя же малоценно продавати. Да искоренится древняя болгарская слава и память» [333].

Из содержания приведенного отрывка становится понятным, какой опасности подвергалось в этом монастыре собрание древних славянских рукописей. И этим же объясняется тот факт, что в Свято-Павловском книгохранилище сохранилось гораздо меньше славянских рукописей, нежели в таких обителях, как Хиландарская, Свято-Пантелеимоновская и Зографская, где также проживали иноки славянского происхождения.

Со Свято-Павловским монастырем связана судьба так называемой «Псалтири Томича» — древнего рукописного памятника. Эта болгарская лицевая Псалтирь середины XIV века была найдена в 1901—1902 гг. в Македонии сербским ученым-филологом С.Н. Томичем. В конце сентября 1902 года Томич прислал эту Псалтирь в Москву, и в настоящее время она хранится в Государственном Историческом музее (отдел Рукописей, музейное собрание 2752). Ценность рукописи заключается в 109 миниатюрах, очень хорошо сохранившихся.

На листе 304 об. имеется румынская запись славянскими буквами, которая в переводе читается следующим образом: «Эта книга да будет ведомо подписана мною 1802 декабря 15 я Парву калугер (монах) с ведома отца архимандрита кир того святого Павла казначей с ведома всех отцов этого святого монастыря» [334]. По мнению современной исследовательницы М. В. Щепкиной, под монастырем святого Павла, во главе которого стоял архимандрит и в котором имелся монах-румын, по-видимому, следует понимать монастырь святого Павла на Афоне. Если это так, то пребывание там этой болгарской рукописи можно объяснить только тем, что Псалтирь царя Иоанна Александра после падения Болгарского царства попала в Молдавию или Валахию, а затем кем-то из румынских воевод или иерархов была дана как вклад на Афон в монастырь святого Павла, который в те годы был тесно связан с Румынией [335].

Продолжая повествование о Свято-Павловском монастыре, необходимо отметить, что в середине XIX столетия эта обитель гостеприимно принимала в своих стенах исследователей из православной России. Одним из первых паломников, прибывших в эту обитель с научными целями в XIX столетии, был В. И. Григорович. Он смог уделить изучению рукописей Свято-Павловского книгохранилища 1 неделю, и его заметки об увиденном представляют большой интерес. В своих заметках В. И. Григорович перечислил 66 славянских рукописей, отметив, что из них 17 — это списки Евангелия, 9 — Деяний апостольских, 14 — Псалтири, а остальные содержат в себе различные поучения отцов Церкви и жития святых. «Примечательнейшие же рукописи суть, — писал В. И. Григорович: 1) два помянника, кажется, начала XVII столетия, в которых записаны с показанием мест простонародные славянские имена. Такие помянники — лучший материал к составлению славянского ономастикона; 2) “«Летовник вкратце от

различных летописец и поведателей избран и составлен от Георгиа грешнаго монаха». Этот список Амартола, заключающий летопись от сотворения мира до царя Романа включительно, только одним годом моложе хранящегося в Москве" [336].

Перед выездом из обители В. И. Григоровичу были также показаны некоторые хризовулы, 6 из которых он перечисляет в своих записках [337].

Большая удача ожидала в Свято-Павловском монастыре П. И. Севастьянова, побывавшего на Афоне в 1859 году. Но прежде чем говорить о найденной им там древней рукописи, следует сделать краткий экскурс в историю древнеславянской письменности. Известно, что в X в., в царствование болгарского царя Симеона, болгарская литература пережила эпоху необыкновенного расцвета, благодаря тому чрезвычайно гостеприимному приему, который встретили у отца Симеона, болгарского царя Бориса, изгнанные из Моравии ученики святых Кирилла и Мефодия. В скором времени в Болгарии образовались два литературных центра, один в восточной Болгарии, в Преславе, другой — в Македонии, в Охриде. Во главе первого стоял сам царь Симеон, а во главе второго — епископ Климент.

Весьма примечательным в этой связи является тот факт, что на Афоне, несмотря на его географическую удаленность от обоих центров, сохранились лучшие и древнейшие списки некоторых сочинений почти всех известных по имени болгарских писателей. Важное значение по своему историческому интересу представляет «Похвальное слово Кириллу, епископу словенскому», несомненно принадлежащее Клименту и находящееся, в частности, в одном болгарском сборнике XIV века. Этот сборник находился прежде в Свято-Павловском монастыре, где и обнаружил его П. И. Севастьянов, после кончины которого рукопись хранилась в Московском Публичном и Румянцевском музее [338]. Исследования, проведенные в конце XIX — начале XX столетия, обнаружили большое сходство стиля «Похвального Слова» со знаменитыми «Паннонскими житиями» святых Кирилла и Мефодия, что делает в высшей степени вероятным происхождение этих шедевров славянской исторической прозы из-под пера Климента [339].

Когда речь идет о систематизации книжных собраний святогорских обителей, то обычно в первую очередь упоминается имя Спиридона Ламброса. Но, говоря о Свято-Павловском книгохранилище, можно отметить тот факт, что уже в 1859 году архимандрит Антонин (Капустин), побывавший здесь с научными целями, составил каталог имевшихся там рукописей, как славянских, так и греческих [340].

Что касается Спиридона Ламброса, то в 1880 году он насчитал в монастыре святого Павла 94 греческие рукописи. Но библиотека обители содержит в основном славянские рукописи, число которых вместе с греческими ныне составляет 494, среди них только немногие на пергаменте. В библиотеке имеется также 12,5 тысячи печатных книг [341].

Ставроникита

Монастырь Ставроникита, посвященный святителю Николаю, расположен примерно посредине северо-восточного берега Афонского полуострова. Он находится между монастырями Иверским и Пантократором. Существует предание, повествующее о причине наименования монастырского храма в честь святителя Николая. Как сообщал русский исследователь А. Н. Муравьев, причиной этому «было обретение древней мозаической иконы святителя Николая, к которой чудным образом приросла перламутровая раковина. Рыбаки в присутствии патриарха извлекли чудотворную икону эту из глубины морской и когда стали отдирать раковину, показалась как бы кровь на лике святителя. Патриарх сделал из одной половины раковины малое блюдо, на котором возносят часть просфоры Богородичной, а из другой панагию, которой патриарх Иеремия II благословил нашего первосвятителя Иова; она доселе хранится в патриаршей Московской ризнице: так свято перешли к нам и соблюдаются предания священной старины греческой» [342].

В начале XVI столетия в России появляются первые письменные сведения о Ставрониките; афонский старец Исаия кратко сообщал об этой обители в 1517—1519 гг.:

«Монастырь греческий, церковь святителя Никола, а братии 50» [343]. Но эта лаконичная запись как бы предвозвестила начало нового периода в истории развития и укрепления афоно-русских церковных связей. Что же касается монастыря Ставроникиты, то он имел особое отношение к Русской Православной Церкви и ее истории.

Сведения о посещении России ставроникитскими насельниками, прибывшими в Москву для сбора милостыни, можно обнаружить в Триоди митрополита Фотия, где имеется следующая запись: «В лето 7067 отправились мы из Святой Горы Афона, из монастыря великого Николая Ставроникиты, Евфимий иеромонах и кафигумен, месяца октября в 26 день и закончили путь в Москве в лето 7068 ноября в 21 день...» [344]. По мнению современного исследователя, «Триодь Фотия была одной из немногих греческих рукописей митрополичьей библиотеки в середине XVI века (еще в 1631 году в патриаршей ризнице находилось не более пяти греческих книг (рукописей), которые показывались митрополитом Макарием греческим паломникам. Вероятно, эта рукопись, как связываемая с именем митрополита Фотия, была наиболее почитаемой греческой книгой, на которой паломники, следуя древнему обычаю Православного Востока, считали нужным сделать записи в память о своем посещении Москвы» [345].

Когда Константинопольский Патриарх Иеремия был в России в царствование Феодора Иоанновича (1584—1598) и в 1589 году принял участие в поставлении первого российского патриарха Иова, то сам царь, а также и ряд влиятельных лиц щедро наградили его. Вернувшись в Константинополь, Патриарх Иеремия затем посетил афонские монастыри и обратил особое внимание на Ставроникитскую обитель, которая была тогда почти разрушена. Благодаря русским средствам, переданным Патриархом Иеремией Ставрониките, монастырь был восстановлен [346].

Один из русских исследователей — Д. Шестаков, изучавший в конце прошлого века афонские архивы, обращает внимание на ту щедрую благотворительность, которую оказывала православная Россия афонским обителям. «Здесь характерно и поразительно с самого начала, что отношения к России запечатлелись у афонских отцов более в архивах, чем в библиотеках, более в связках официальной переписки, чем в свитках и пергаментах исторического содержания, — писал Д. Шестаков. — Имена древнерусских царей, жертвовавших на Афон, грамоты русских царей и цариц, позволяющие святогорским монахам сбор подаяний по всей России и устройство часовен и подворий в Москве и других городах, книги сборщиков с бесчисленными записями пожертвованных денег, — вот что бережно хранят афонцы и вот что преимущественно они помнят и знают о России. Узнать нас ближе, интимнее, сердечно узнать нас, — кажется, не находилось охотников на Афоне, и в монастырских рукописных сборниках сохранились лишь крайне обрывочные и ничтожные сведения о нашей, столь благотворившей им родине» [347].

В качестве еще одного примера можно привести тексты нескольких приписок в афонских рукописях, которые свидетельствуют о том, что эти рукописи были написаны в России представителями афонского монашества, которые постоянно, в установленные сроки, посещали Россию для сбора подаяний на свои обители. Так, иеромонахом Макарием написан в августе 1592 года в Москве месяцеслов; «окончен он, — сообщал переписчик, — в царствование Феодора и царицы Ирины, когда родилась дочь их, Феодосия» [348]. А в конце рукописного Евангелия из Ставроникитского монастыря имеется помета иеромонаха Матфея: «Закончено сие Божественное и святое служебное Евангелие рукой Матфея иеромонаха и протосинкела Великой церкви, из Погонианы, при благочестивейшем и христолюбивом царе нашем и самодержце всея России господине Феодоре Иоанновиче, в богоспасаемом граде Москве, в лето 7104, месяца октября, индикта 10-го» [349].

В 1607 году сильный пожар уничтожил часть монастырских построек Ставроникиты, но, к счастью, рукописи были спасены от огня. А в середине XVII века монастырь поделился своими древними манускриптами с Россией, и насельники обители пожертвовали Арсению Суханову, приехавшему за книгами, 11 древних манускриптов [350], в том числе 4 — X века, 2 — XII в., 2 — XV в.

Большинство из ставроникитских рукописей, отобранных Арсением Сухановым в этой обители, в настоящее время хранится в Государственном Историческом музее в Москве [351]. Интересно проследить судьбу одной из них (№ 323). Это — канонический сборник с толкованием Иоанна Зонары, XIII в. В Москве эта рукопись в числе других оказалась на Печатном дворе. Греческие рукописи на Печатном дворе использовались в основном справщиками — Арсением Греком, Дионисием Святогорцем, Евфимием, Никифором Симеоновым и Сильвестром Медведевым — известными книжниками, переводчиками и издателями второй половины XVII века. Около 1679 г. ставроникитская рукопись, в числе прочих книг, находившихся на Печатном дворе, была передана в Верхнюю типографию. Эта типография была устроена в царском дворце по инициативе Симеона Полоцкого и существовала с 1679 по 1683 гг. Работа Верхней типографии также осуществлялась с помощью мастеров Печатного двора [352]. Таким образом, на примере одной из ставроникитских рукописей можно видеть, что русско-афонские литературные связи носили творческий, плодотворный характер.

В первой половине XIX века в Ставроникитском монастыре стали поселяться выходцы из России. Первым отметил это обстоятельство все тот же А. Н. Муравьев, побывавший здесь в 1849—1850 гг. «Теперь доброхотствует здесь малороссийский престарелый инок Игнатий, собравший много денег в России, который почитается и ктитором скита святого Пророка Илии, — писал А. Н. Муравьев. — Сам он живет у Ставроникиты, где устроил особый придел, довольно изящный; там совершают богослужение на славянском. При нем есть иеромонах русский Прокопий, уже весьма ветхий» [353].

Немного позднее об этом же сообщал архимандрит Порфирий (Успенский), отмечая, что «здесь есть русские монахи, которые совершают богослужение на родном языке отдельно от греков» [354].

Присутствие русских насельников в Ставроникитской обители значительно облегчало работу отечественных исследователей, которые весьма дорожили каждой минутой своего ограниченного срока пребывания на Афоне.

Архимандрит Порфирий смог уделить работе в Ставроникитском книгохранилище немного времени, пробыв в этой обители с 19 по 22 мая 1846 года. Он уделял большое внимание древним афонским актам, поскольку рассматривал их в качестве основных документов для воссоздания истории святогорских обителей. «Афонские акты, уже по одной своей старинности и разноязычию, равно как и по числу и появлению из разных царств, любопытны и занимательны, драгоценны для души, любящей с царепророком “помянуть дни древние”, — писал архимандрит Порфирий. — А содержание их есть обильный прилив света для науки. По годам, месяцам и индиктам, означенным в них, может быть установлен порядок в хронологии. Наблюдение над развитием и изменением языков, на которых написаны свитки, важно для лингвистики. Славянские акты афонские, сравненные с другими им подобными (не говоря кой о чем многом и важном), заставляют думать, что славянский книжный язык во все времена был языком богослужебным, витийственным и деловым, но никогда им не говорило точь в точь ни одно племя, родственное нам, россам» [355].

Во второй рукописной книге «Афонских актов» архимандрита Порфирия (Успенского), поступившей в числе прочих рукописей в Российскую Академию Наук после его смерти, имеются выписки, касающиеся истории монастыря Ставроникиты. Эти материалы занимают 18 листов (с. 143—178), на которых помещены следующие данные:

а) 8 греческих актов 1533—1819 гг.;

б) сведения о помощи России Ставроникитскому монастырю, а также одна греческая выписка из монастырского диптиха о поминании русских благотворителей — Третьяковых и других, 1814 г.;

в) сочинение под названием «Мои заметки в бытность мою в Ставрониките с 19 по 22 мая 1846 года» (с. 177—178) [356].

Говоря о числе хранящихся в Ставроникитском собрании рукописей, необходимо отметить, что С. Ламброс в 1880 году выявил здесь 162 древних греческих манускрипта.

В настоящее время библиотека Ставроникиты насчитывает 171 рукопись, причем 61 из них написана на пергаменте [357]. Здесь также хранится большое число печатных книг.

Ксенофонт

Ксенофонтовская обитель расположена на невысоком холме вблизи от моря, между монастырями Дохиаром и Свято-Пантелеимоновским. Она посвящена святому Георгию. Согласно преданию, монастырь был основан в X веке и получил свое наименование от основателя — святого Ксенофонта. Прежде в Ксенофонте подвизались сербские и болгарские иноки; в настоящее время он является греческой обителью [358]. В начале XVI века о Ксенофонтовской обители появились письменные сведения на Руси. Афонский старец Исаия писал о Ксенофонте и приводил число подвизавшихся в нем насельников: «Монастырь Синот (Ксеноф. — *Авт.*) на море. Церковь великий Егорей, а братии в нем 50 человек» [359].

Интересное свидетельство о Ксенофонте приводит Василий Григорович-Барский, дважды побывавший на Афоне в первой половине XVIII века. Посетив впервые Ксенофонт в 1726 году, он застал там еще славянских иноков, но во время второго своего визита в эту обитель в 1744 году, монастырь был полностью эллинизирован. В Ксенофонтовском книгохранилище, по словам В. Г.-Барского, «книги многи обретахуся рукописныя, сербския и болгарския, греческих же мало, яко точию на Правило; ибо тамо первее сербы и болгары жительствоваху, якоже и аз сам видех, и правило их диалектом чтомое слышах во время перваго моего ко Святей Горе прибытия. Последи же умалившимся оным, насельшася греки...» [360].

Если сравнить сообщение В. Г.-Барского, видевшего в ксенофонтовской библиотеке множество славянских рукописей, с тем, что писал по этому поводу В. И. Григорович, посетивший Ксенофонт с кратким визитом 2 января 1845 г., то станет ясно, какой непоправимый ущерб был нанесен ксенофонтовскому книгохранилищу за истекшие десятилетия. «Монастырь Ксенофу с храмом великомученика Георгия носит название общежительного, — писал В. И. Григорович. — И здесь ожидал я примечательных письменных памятников, и здесь также, к несчастью, удостоверился, что за заботами о внешнем благосостоянии никто не подумал даже о сохранении книг. Осталось еще, однако же, в маленькой комнате до 300 печатных и до 10 рукописных. От славянских, которых было здесь большое количество, только два пергаменных куска сербской рецензии, — Евангелия и каноны Иоанна Дамаскина, простая бумага, в восьмую долю. Тем не менее в предании (ибо поистине о библиотеках говорят здесь по преданию, и едва ли в целом полуострове хотя один есть, который бы из любопытства пожелал видеть книги другого, не своего, монастыря), в предании, говорю, ксенофская библиотека слывет богатейшею рукописями славянскими» [361].

Как следует из сообщения В. И. Григоровича, славянских рукописей ему увидеть здесь уже не довелось. И виной этому были не заезжие иностранные ученые, по обыкновению своему вывозившие с Афона приглянувшиеся им рукописи, но сами насельники обители, греки по происхождению, не оценившие перешедшее в их руки рукописное славяноязычное наследие. В. И Григоровичу удалось выяснить трагическую судьбу славянских рукописей, хранившихся в Ксенофонте, — греческие насельники просто-напросто сбросили их в море. Причем сделано это было в период борьбы греческих и славянских святогорцев за право владения некоторыми афонскими монастырями. В связи с этим вполне понятно объяснение В. И. Григоровича, которое он приводит в своих записях по поводу уничтожения славянских рукописей в Ксенофонтовской обители: «Нежелательно было, чтобы от этих (славянских — *Авт.*) книг сербы и болгары, которые до сих пор повторяют о своих монастырях, захотели преобладать. К несчастью, потомки наших учителей, при всех своих дарованиях и преимуществах, мало вникают и в свои рукописи. Сколько раз выдавали они мне за славянскую греческую рукопись, писанную уставом! Привыкши видеть уставные славянские книги, полагают, что устав есть только их примета. Вообще, замечательно здесь неумение

разбирать древнее письмо. Так, очень вероятно, что вместе со славянскими погибли и многие греческие рукописи» [362].

Еще об одном аспекте данной проблемы можно узнать из записок русского исследователя А. Н. Муравьева, который столкнулся с этой же ситуацией, будучи на Балканах и на Афоне в 1849—1850 гг. Говоря о национально-освободительной борьбе балканских народов за независимость от Турции, он в то же время отмечал, что «при всех изменениях, которые ныне происходят в политических отношениях Сербии к султану, разные документы сербские, хранящиеся в монастырях афонских воспримут большой исторический интерес, но монахи святогорские найдут их, вероятно, менее драгоценными, когда Сербия совершенно отделится от Турции» [363].

Большую роль в деле сохранения ксенофонтовских документов сыграл в те годы архимандрит Порфирий (Успенский). Он отправился в первый раз на Афон в середине 1845 года, где пробыл до конца июня 1846 года. Он подробно ознакомился с историей афонских обителей и очень тщательно изучал монастырские библиотеки. Архимандрит Порфирий составил подробный список рукописей, хранившихся на Афоне, многие из них скопировал. Эти рукописи были ценными источниками для изучения истории Афона. Результатом многолетней деятельности архимандрита (впоследствии — епископа) Порфирия явился трехтомный труд по истории Афона, охватывающий период с древнейших времен по 1860 год.

Именно благодаря архимандриту Порфирию был спасен от уничтожения ксенофонтовский отрывок из Евангельских чтений, датируемый 1181 годом, хранящийся ныне в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге [364]. Особый интерес архимандрит Порфирий проявлял к древним грамотам, хранившимся в афонских монастырях. Из его записей видно, что русский ученый с большой любовью изучал содержание этих древних документов, хранящих сведения по истории Афона. «Питтакионы, то есть царские или патриаршие повеления, писанные стилем на дощечках, покрытых воском, или другим каким клейким веществом, хризовулы, то есть царские и княжеские грамоты с золотыми печатями, сигиллионы — грамоты же, но со свинцовыми печатями, разные приказы царей и деспотов — все эти хартии выражают веру, духовный характер, движение и проникновение в жизнь народную власти законодательной и исполнительной, и вместе представляют ее наместничеством Божеского Провидения на земле, — писал архимандрит Порфирий. — Приложение этих хартий к археологии, истории, законодательству и вере даст выводы богатые и многосторонние, судя по разности царства, властей и языков» [365].

29 октября 1852 года монастырь Ксеноф посетил болгарский ученый К. П. Дмитриев-Петкович. В его сообщении говорится о том, что он обнаружил в Ксенофской обители всего две славянские рукописи, притом «новой сербской рецензии» [366]. Побывавший на Афоне в 1859 году П.И. Севастьянов посетил Ксенофонтовскую обитель и сделал здесь ряд фотографических снимков с некоторых древних рукописей. Важность работы, произведенной П.И. Севастьяновым, отмечалась впоследствии много раз русскими исследователями. Достаточно будет привести слова хотя бы одного из них, чтобы оценить своевременность исследований, проведенных Севастьяновым на Афоне, с использованием новейших по тем временам технических средств. «Если так велик и существенен интерес афонских древностей, то сами афонские обители должны были бы издавна привлекать исследователей в свои исторические музеи, называемые ризницами, — писал, например, Н.П. Кондаков. — Здесь вещи собраны воедино и сохранены в их естественной обстановке, что играет немалую роль в изучении исторических памятников. Обстоятельства их местного и временного происхождения более или менее известны, и для них как бы приготовлена сама почва исследования в виде разных документов, известий, записей и преданий. Между тем дело этого исследования являлось доселе в виде единичного предприятия Севастьянова. И афонские древности продолжают составлять вопросительную величину. Причина этого, однако, указывалась не раз в тех крайних и неодолимых затруднениях, которые все исследователи встречали на Афоне: если древности и разрешалось осматривать, то

бегло во время паломнического поклонения, а затем монастырские власти систематически отказывали в разрешении снимков, фотографий» [367].

В Ксенофонтовской обители П. И. Севастьянов переснял, в частности, написанное по-сербски Четвероевангелие с указанием евангельских чтений, уставного письма XVI века объемом в 253 листа [368]. Была ли это рукопись одной из 2-х, виденных К. П. Дмитриевым-Петковичем в 1852 году, либо в то время в Ксенофе хранилось еще некоторое количество славянских рукописей, об этом можно теперь лишь строить предположения. В этом отношении важны наблюдения архимандрита Антонина (Капустина), который утверждал, что при посещении им Ксенофа в 1859 году, он видел там славянских книг «мало», то есть, по-видимому, все же больше, чем две: «В Ксенофе посетили библиотеку, в которой Барский видел большей частью сербские и болгарские книги, так как монастырь много лет был славянским. Мы славянских книг нашли в нем уже мало, а греческих, напротив, оказалось довольно» [369].

В конце XIX столетия Спиридон Ламброс выявил в Ксенофонтовской библиотеке 163 греческих манускрипта. С. Ламброс провел большую и кропотливую работу, не просто перечислив имевшиеся в книгохранилищах рукописи, но и сопроводив их содержание собственными комментариями. Этот каталог вскоре был напечатан, и через некоторое время с его содержанием смогли ознакомиться ведущие палеографы Европы.

Важным событием, имеющим большое значение для дальнейшего изучения истории Ксенофонта, явилось опубликование части его архивных материалов в России. В 1903 году по распоряжению Российской Академии Наук акты Ксенофонта были напечатаны в приложении к X тому «Византийского Временника» (приложение 1). Всего было опубликовано 15 актов на греческом языке, начиная с 1083 года, все они в основном имели отношение к хозяйственным нуждам монастыря, и в них говорилось о закреплении за монастырем земельной собственности, а также подтверждалось право на владение собственностью. Что касается последнего по времени акта, опубликованного в «Византийском Временнике», то он датирован 1784 годом и представляет собой буллу Константинопольского патриарха и Синода, предписывающую Ксенофонтовской обители ввести общежительный устав [370].

Завершая обзор ксенофонтовской библиотеки, можно отметить, что в настоящее время здесь содержится около 300 рукописей, из которых 10 написаны на пергаменте. Она также содержит турецкие печати, различные документы и более чем 4 тысячи печатных книг. В ведении Ксенофа находится также скит Благовещения Пресвятой Богородицы; он расположен примерно в часе ходьбы от обители на восток. Основанный в 1760 году иеромонахами Сильвестром, Ефремом и Агапием, он ныне включает в себя 22 каливы, в большинстве своем теперь уже не заселенные. Здесь насчитывается только 7—8 монахов [371]. В библиотеке скита также имеется много манускриптов и некоторое число печатных книг.

Григориат

Монастырь Григориат, посвященный святителю Николаю, основан на утесе, выступающем в море, и находится между прибрежными обителями Симонопетрской и Дионисиатом. Архимандрит Порфирий (Успенский) писал о том, что «монастырь преподобного Григория уже существовал во дни царя Мануила Палеолога, который вошел на престол в 1377 году; следовательно, он основан при Иоанне Палеологе, между 1342—1377 гг.» [372].

От начала XVI века в русских источниках сохранилось письменное сообщение о Григориате: «Монастырь Григориат сербский, а церковь Григорий Богослов, а братии 270» [373],— писал об этом монастыре афонский старец Исаия в 1517—1519 гг. Арсений Суханов, прибывший на Афон в середине XVII века, к сожалению, не оставил подробных записей о пребывании в святогорских обителях, но известно, что в Григориате он отобрал ряд рукописей, которые, в числе прочих, были доставлены в Россию патриарху Никону, который осуществлял исправление богослужебных книг с помощью древних греческих манускриптов. В настоящее время в Историческом музее в

Москве хранятся три рукописи с пометой Арсения Суханова от 1654 года о принадлежности их Григориату: № 213, 260, 261 [374].

В первой половине XVIII века Григориатскую обитель посетил В. Г.-Барский. В Григориате В. Г.-Барский смог ознакомиться с большим количеством рукописей и хризовулов; в своих записях он отметил ряд грамот, пожалованных обители от валашских господарей, а также особо выделил «хризовул славянский на пергаменте с печатию восковою раздельно висящею, Иоанна Деспота, имя имущ подписанное червленными буквами, дан года 7008 (1500)» [375]. Но, к сожалению, В. Г.-Барский был последним, кому удалось ознакомиться с Григориатским книгохранилищем в его полноте. Дело в том, что в 1761 году архив обители был уничтожен пожаром и монахам удалось спасти только чтимые мощи, хранившиеся в церкви.

Следует сказать еще несколько слов о В. Г.-Барском, научный подвиг которого продолжает изумлять многих исследователей на протяжении долгого времени. Один из русских исследователей — Д. В. Айналов, посетивший Афон в 1896 году и побывавший в тех же обителях, в которых ранее останавливался В. Г.-Барский, сжато, но чрезвычайно образно нарисовал образ этого подвижника науки. «Убогий по виду, с котомкой за плечами, с посохом и тыквой для воды, в монашеском одеянии, он идет в страшную жару или холод по горным тропинкам, проходя Австрию, Венгрию, Италию, Грецию, просит милостыню на площади святого Марка в Венеции и учится здесь греческому языку, — писал Д. В. Айналов. — Терпя невзгоды, доходит до южного берега Италии, садится как нищий на торговое судно, переплывает при бурях и непогодах Средиземное море, приходит в Палестину, обходит все святые места, попадая в руки разбойников арабов, лежа среди горных уступов избитый и истомленный жаждой, после того как обозленные его нищенством и бедностью арабы отняли у него хлеб и тыкву с водой. Однако в котомке его лежат толстые рукописи — подробный дневник. Сюда занесены все впечатления, невзгоды, радости, а также приложены снимки пером с замечательных памятников монастырей и планы целых местностей, самое подробное их описание и даже нарисованные им портреты. Этот убогий странник был, однако, знаком с наиболее выдающимися людьми духовного мира своего времени. В Италии, Греции, Палестине он знакомится с ними и после непродолжительной беседы успевает настолько расположить в свою пользу кардиналов, прелатов, патриархов и лиц светских, что получает лестные для него грамоты и рекомендации. Он изучает библиотеки, ризницы с хризовулами, измеряет храмы и точно наблюдает богослужебный чин и уставы разных монастырей» [376].

Невзгоды, перенесенные В. Г.-Барским во время пребывания на Востоке, дали себя знать. Вскоре после возвращения в Киев из своих путешествий В. Г.-Барский скончался и был погребен в Киево-братском училищном монастыре напротив главного алтаря близ алтарного окна.

Следующее письменное свидетельство о Григориате в русских источниках можно найти в описании путешествия паломника Игнатия, который побывал в Григориате во время своего жительства на Афоне в 1766—1776 гг. «Дошед в монастырь, именуемый Григориат, — писал отец Игнатий. — Ограда строена из дикого камня, келы в стенах о четырех жильях; церковь Николая Чудотворца; начальствующий игумен, братии довольно. Приняв от них благословение, отъидох» [377].

Но отца Игнатия не заинтересовали книжные богатства Григориата, и он довольствовался чисто внешним описанием этого монастыря. Впрочем, после бедствия, обрушившегося на эту обитель, он вряд ли смог бы найти там что-либо интересное.

Плодотворно поработал в Григориате архимандрит Порфирий (Успенский). В его рукописном собрании имеются «Афонские акты» в 4-х книгах; во второй из них помещены сведения о Григориатском монастыре и, в частности, краткое сказание о преподобном Григории, строителе обители Григориатской, заметка о милостыни Михаила Феодоровича (1625 г.) этому монастырю, выписки из книги для сбора пожертвований в России монахам Григориата [378].

Обработке своих бумаг, заметок и дневников епископ Порфирий посвятил последние годы жизни, в бытность свою сначала епископом Чигиринским, а потом управляющим ставропигиальным Новоспасским монастырем в Москве. Незадолго до своей кончины епископ Порфирий пожертвовал коллекцию собранных им древних рукописей Петербургской Публичной библиотеке, а собрание своих бумаг завещал Академии Наук.

В Григориатском книгохранилище архимандрит Порфирий смог также почерпнуть сведения о других святогорских обителях, причем в этом ему большую помощь оказал один из афонских иноков. «Святогорцы, сверх чаяния моего, принимали меня как брата, и отворяли мне свои библиотеки, закрытые для франков, — писал архимандрит Порфирий. — Я почерпнул из них множество разнообразных познаний и могу приобрести их еще более, но не ведаю, дадут ли мне отсрочку на пять месяцев, которой поджидаю давненько» [379]. В материалах под общим заглавием «Сочинения других лиц» в книге из 72-х листов (под номером ПБ 4), написанной частично рукой архимандрита Порфирия, частично рукой другого лица, содержится среди прочих материалов «Описание афонских монастырей» на греческом языке. «Жаль, что не окончено это отчетливое сочинение. Писал его есфигменский игумен Феодорит в 1817 г. Переписано оно для меня со списка, найденного мною в библиотеке Афоно-Григориатского монастыря, где в 1845—1846 гг. настоятельствовал игумен Неофит, ученик сего Феодорита, муж умный и воистину преподобный» [380].

Русские исследователи, как правило, готовились к своим научным изысканиям на Афоне и, конечно, знакомились с сообщениями своих предшественников об афонских книгохранилищах. Поэтому вполне естественно, что лишь только некоторые из них отводили время знакомству с Григориатской библиотекой, поскольку не рассчитывали найти там что-либо относящееся к истории афоно-русских связей. Лишь немногие, ознакомившись предварительно с содержанием григориатского рукописного собрания, посещали его архивы. К числу таких русских ученых относится Х. М. Лопарев, побывавший в Григориате летом 1896 года, но, к сожалению, не имеющий возможности уделить достаточного времени григориатской библиотеке. «В Григориате, — писал Х. Лопарев, — я интересовался четвертым списком "повести об Иорданском аскете", но, принятый здесь необыкновенно радушно, я не мог остаться до следующего дня для сличения памятника, так как мне сообщили, что пароход приходит из Солуня завтра и завтра же уходит в Константинополь» [381].

Большим подспорьем для исследователей, намеревавшихся работать в афонских книгохранилищах, и, в частности, в Григориате, было описание греческих рукописей, выполненное Спиридоном Ламбросом. С. Ламбросу пришлось столкнуться с большими трудностями при составлении каталога афонских рукописей. В целом ряде обителей в то время еще не было приложено ни малейшего усилия для приведения в порядок рукописных собраний. Предъявляемые ему иноками рукописи, как правило, составляли лишь малую часть всего их количества, остальные лежали вперемешку с печатными книгами либо были рассыпаны по полу; исследователю случалось находить в сундуках, шкафах и ящиках такие рукописи, которые и самим инокам не были известны.

Этим, по-видимому, и объясняется то обстоятельство, что в Григориате С. Ламброс выявил всего 155 рукописей, в то время как на сегодня здесь насчитывается 297 манускриптов, причем 11 из них, самые древние, написаны на пергаменте [382]. Быть может, такое расхождение объясняется и тем, что С. Ламброс не проявлял почти никакого интереса к афонским хризовулам и не включал их в свой каталог. У С. Ламброса было неверное мнение по поводу древних афонских хризовулов, которое он высказал в своих записях: «Изо всех хризовулов, виденных мною на Святой Горе, я убедился, что они не имеют того великого исторического значения, какое мы в них предполагаем. Большая часть их ограничивается перечислением главным образом недвижимых имуществ, обителям дарованных, или утверждением за ними прежних дарений. По сей причине обнародование святогорских хризовулов с трудом может быть предпринято учеными, это обязанность самих обителей, интересы которых в них разбираются и которых местная история ими разъясняется» [383].

Тем не менее и до сего дня каталог С. Ламброса имеет большое научное значение, поскольку он поведал всему научному миру о хранящихся в афонских библиотеках книжных богатствах. Это в какой-то степени способствовало более бережному отношению к рукописям со стороны самих насельников. Что касается Григориатской обители, то она тоже в свое время понесла существенный урон: так, в ее библиотеке в настоящее время хранится только лишь 6 листов из 9-ти рукописи древнего произведения «Пастырь Ерма», поскольку остальные 3 листа были похищены и перевезены в Лейпциг греком Симонидисом, который нанес серьезный ущерб афонским книгохранилищам в прошлом веке [384].

Следует добавить, что Григориатская библиотека сумела в какой-то мере восполнить свои утраты за счет печатных книг, которых здесь имеется около 4-х тысяч, причем среди них есть некоторое число инкунабул. Многое из григориатского архива было уничтожено пожарами, но то, что осталось, по-прежнему представляет несомненный интерес.

Эсфигмен

Эсфигменский монастырь расположен вблизи от моря у небольшого залива. Ближайшая от него обитель — Хиландарская. Главный храм монастыря воздвигнут в честь Вознесения Спасителя. До времени турецкого нашествия монастырь находился в состоянии благоденствия. Византийские императоры и правители других православных стран материально поддерживали Эсфигмен.

Бедствия обрушились на Эсфигмен с нашествием турок в XVI столетии. Архимандрит Антонин (Капустин) сумел с документальной точностью установить время турецкого вторжения в эту обитель. На рукописи с творениями святителя Василия Великого, хранившейся в афонской библиотеке в Карее, он обнаружил позднейшую приписку следующего содержания: «7042 (1534) года было занятие безбожными агарянами Эсфигмена 27 июня. И взявши все в монастыре и в церкви, предали совершенному уничтожению... И сожгли нижнюю часть приморья и дома совершенно. И взяли ворота замка и башни. И братий шестерых числом» [385].

Однако, как видно из его дальнейшей истории, Эсфигмен сумел преодолеть свои трудности. В документе от 1569 года говорится, что в то время 51 монах работал на восстановлении монастыря и его зданий. С середины XVII века правители Молдовалахии также стали помогать Эсфигмену.

Что касается помощи, которую Эсфигмен получал от России, то об этом более подробно говорится в описании этой обители, опубликованном в середине XIX века. Составители сборника писали о том, что «Эсфигменский монастырь в древности пользовался покровительством греческих императоров и впоследствии оставался предметом благочестивого внимания русских князей и царей. Царь Михаил Феодорович (1613—1645. — *Авт.*) своей царской грамотой не только дозволил въезд в Россию настоятелям этой обители через каждый 5 лет за сбором доброхотных подаяний, но и во многих отношениях облегчал самый путь в Россию, так отдаленный и трудный. Эта грамота во всей своей силе возобновлена царем Алексеем Михайловичем (1645—1676; в 1655 году. — *Авт.*) и остается вековым памятником внимательности России и ее царей к судьбам Эсфигмена» [386].

Насельники Эсфигмена постоянно помнили о помощи, оказываемой Россией их обители, и в свою очередь оказали содействие Русской Православной Церкви, когда, по благословению патриарха Никона, на Афон был направлен старец Арсений Суханов для сбора древних греческих рукописей. Из Эсфигмена для России было пожертвовано не менее 18 манускриптов [387], среди них 1 — X века, 2 — XI столетия. Но эсфигменские насельники не ограничились только этим даром. Архимандрит Эсфигменского монастыря Анфим помог Арсению Суханову доставить в Россию с Афона святогорские рукописи, число которых составило 498 книг.

В 1654 году афонские игумены писали царю Алексею Михайловичу, что они «приняли на Афоне старца Арсения Суханова и царское повеление исполнили, и книжные

сокровища показали, и дали 498 книг и с теми книгами послали к государю "ефименьского" архимандрита Анфима». [388] Таким образом, основываясь на этом свидетельстве, можно думать, что Арсений Суханов из второй своей поездки на Восток возвратился вместе с архимандритом Эсфигменского монастыря Анфимом, который был послан в качестве представителя от афонских монастырей при сдаче московскому правительству книг, отобранных у них Арсением Сухановым. В известии, сообщаемом составителем предисловия к служебнику, изданному в 1655 году, в частности, говорится, что «святыя горы Афона боголюбивии начальницы святых и честных монастырей... изыскавше в своих книгохранительницах книги изрядны, и право писаны греческим языком, числом 500.., со Арсением Сухановым в царствующий град Москву прислаша» [389].

В конце 1844 года Эсфигмен посетил В. И. Григорович. В своих записях он отметил одну достопримечательность, имеющую самое прямое отношение к начальной истории русского монашества. «12—13 декабря. Монастырь Эсфигмену с храмом Вознесения, — писал В. И. Григорович, — общежительный, он не уступает древностью ни одному древнейшему, и для нас, русских, примечателен тем, что близ него подвизался Антоний Печерский. Пещера его и церковь, построенная, кажется, позже, находится близ утесистого морского берега, за полчаса от монастыря» [390]. Это распространенное среди эсфигменских насельников предание позднее изложил в своей книге киевский уроженец А. Г. Стадницкий (впоследствии — епископ Арсений), который, естественно, проявил большой интерес к местам, имеющим отношение к своему прославленному земляку. «Преподобный Антоний прибыл на Афон и поселился в Эсфигмене в конце X или начале XI века, — писал А. Г. Стадницкий. — Пожив здесь несколько, по благословению старца, он удалился затем в уединение, недалеко от Эсфигмена, на гору, называемую Самара, на расстоянии четверти версты от монастыря и высек в ней пещеру, в которой и уединялся» [391].

Исследовательская деятельность, предпринятая архимандритом Порфирием (Успенским) в Эсфигмене в течение почти целого месяца, была обширна и плодотворна. Прежде всего следует отметить те рукописи Эсфигмена, которые помогли архимандриту Порфирию почерпнуть сведения, имеющие отношение к богослужебной практике Православных Церквей. «В книгохранилище Есфигменова монастыря есть греческое Четвероевангелие, написанное на пергаменте в 1311 году, — писал архимандрит Порфирий. — На первых страницах его указан известный порядок чтений Апостола во весь круглый год, а в конце изложено соответствующее ему последование чтений Евангелия. В самом же начале этой рукописи сказано, что такой порядок и такое последование чтений бывает в кафолической и апостольской Церкви великого града Божия Антиохии. Итак, вот где придуманы, избраны и установлены ежедневные чтения Нового Завета — в Антиохии! Греки составили из них особенный, отборный, рядовой Апостол и особенное отборное, рядовое Евангелие. А славяне означили их в средине и на полях всех четырех Евангелий, Деяний и посланий апостольских, в конце же прилагали указатели их сообразно с антиохийским уставом» [392].

Другое предположение, сделанное архимандритом Порфирием на основании изучения эсфигменовских рукописей, касается богослужебных особенностей литургии, совершаемой в Русской Православной Церкви.

В своих заметках архимандрит Порфирий отметил по этому поводу следующее: «На Афоне в монастыре Есфигменском удалось найти мне рукопись, в которой подробно изложен чин литургии Филофеем, Патриархом Константинопольским: тут призывание Святого Духа прописано с нашими прибавками. И так не перешел ли к нам этот чин из Константинополя? Не удержала ли его одна Русская Церковь, как удержала праздник Покрова Пресвятой Богородицы, тогда как все прочие Церкви Православные остались с чином литургии древним и без этого праздника?» [393].

Другое отличие древней богослужебной практики от современной также было выявлено архимандритом Порфирием при его научных изысканиях в Эсфигмене. В одном из своих частных писем, впоследствии опубликованном в его биографических материалах, архимандрит Порфирий сделал ряд критических замечаний в адрес

современных ему церковных деятелей из Константинопольской Церкви. «Не могу умолчать о том, что утешительно было при сличении нынешнего печатного греческого текста Ветхого и Нового Завета с пергаминными наилучшими рукописями десятого, одиннадцатого и следующих веков увериться в неизменности сего текста в течение осьми столетий», — так начинает архимандрит Порфирий свое сообщение. Далее он повествует о том, что им было предпринято сравнение древних рукописных и новых печатных Миней, и он выявил в них много разночтений. «Прискорбно было узнать, — продолжал архимандрит Порфирий, — что нынешние греческие минеи (не четьи) инде не сходны ни с древними рукописными, греческими же, ни с нашими печатными минеями, потому что в наши дни переправлены и дополнены по благословению цареградских патриархов. Я не поборник строжайшего единства священных песнопений во всей Православной Церкви, потому что не дерзаю стеснять ничьего дара извитийствования прошений и молений и благодарений Богу, но жалею о том, что цареградские патриархи не уведомляют Святейший Синод наш об исправлении и изменении своих церковных книг, жалею, потому что их свободность в этом деле и наша церковная стереотипность могут когда-нибудь встретиться грозно» [394].

Другой важной находкой, позволившей архимандриту Порфирию сделать существенные открытия в области византийской гимнографии, была рукопись, обнаруженная им в Эсфигменском книжном собрании — так называемый «Эсфигменский стихирарь», изучению которого русский ученый уделил большое внимание. «"Эсфигменский стихирарь", на весь год, написан на пергамине в 5 вершков длины и 4 ширины, мелким, но весьма четким почерком, в начале XI в., — писал архимандрит Порфирий. — Эта рукопись, указывающая имена стихирарных пиитов над сочиненными ими песнопениями, есть неоценимая редкость. Я называю ее прекраснейшим топазом афонским. Вся она рассмотрена и переписана мною сокращенно; а некоторые стихиры, особенно монахини Икасии, перебелены целиком. Без этой рукописи нельзя обойтись при сличении и оценке всех прочих стихирарей» [395].

Продолжая обзор трудов архимандрита Порфирия в области исследования истории византийской гимнографии, необходимо сказать несколько слов о тех практических шагах, которые он предпринял, когда вернулся на родину и, будучи уже в сане епископа Чигиринского, обосновался в Киеве. О своих намерениях в области церковного пения, которые епископ Порфирий не мог долгое время осуществить, он сам пишет следующее: «Большого труда стоило мне приобретение верных сведений как о стихирарных пиитах и из поэзии, так и о песнотворцах. Я трудился как рудокоп, ищущий дорогих камней; но чем более трудился, тем более желал выучиться петь по мудреным знамениям греческим, дабы эти знамения переложить на обычные у нас итальянские или церковнообиходные ноты. Однако усиленные занятия мои в книгохранилищах и архивах восточных монастырей отвлекали меня от изучения греческого пения, так что и напрасно возил с собою растрованные для нот листы» [396].

Весьма символично, что библиографические изыскания и помогли ему впоследствии снова вернуться к этой теме, но уже на более высоком научном уровне. «Когда же время ученых занятий моих на Востоке уже приближалось к желанному концу (1861 г.), — продолжал архимандрит Порфирий, — тогда подслужилось мне счастье, то счастье, которое выражается поговоркой, — на ловца и зверь бежит, — и неожиданно на книжной полке Синаеджуванийского подворья в Каире указало мне певческие рукописи одного и того же содержания, в которых греческие песнопения переложены на наши партесные, или, как я сказал выше, церковнообиходные ноты... Оказалась церковная музыка, чисто греческая, которую я многократно слыхал в греческих церквах. Счастливая находка эта приобретена мною. Рассмотрев ее, я не нашел в ней никакой приписки и времени и месте происхождения ее, но судя по свежести ее и по очертанию партесных нот, догадывался, что переложение греческих песнопений на наши ноты сделано было в конце прошлого (XVIII в. — *Авт.*) столетия в богоспасаемом Киеве, где находился принадлежащий Синаю монастырь Екатерининский. По всей вероятности, обучавшийся тогда в Киевской Духовной Академии иеромонах

Константий, впоследствии архиепископ Синайский и патриарх вселенский, по просьбе академических наставников сделал переложение, о котором идет речь. Но как бы то ни было, а теперь греческая церковная музыка — не тайна для меня...» [397].

Но епископ Порфирий не ограничился чисто кабинетным изучением найденных им рукописей. Он хорошо понимал важность возрождения песнопений, мелодий, которые слышались под сводами древних киевских храмов в те времена, которые отстояли от времени крещения Киевской Руси всего лишь на несколько десятилетий. Поэтому он предпринял практические шаги по возрождению древних церковных песнопений в столице древнего русского государства. «Теперь и петь мы умеем по-гречески, и хорошо поймем, какое "изрядное осмогласие" и какое "трисоставное сладкогласование и самое красное демественное пение" принесено было в Киев при великом князе Ярославе Владимировиче в 1051 году, — писал епископ Порфирий. — "Изрядное осмогласие" — это пение всего, что поется в церкви, на 8 гласов; "Трисоставное сладкогласование" — это сочинение мелодий, соответствующих трем составам, или способностям нашей души, уму, сердечному чувству и воле; "демественное пение" — это пение доместика, то есть главного певца, обладающего самым лучшим голосом, пение с многочисленным хором, голосящим одну ключевую ноту. Замечательно, что я спустя 814 лет после 1051 года возобновил в Киеве то пение, которое при Ярославе введено было греческими певцами, пришедшими туда из Константинополя» [398].

Обзор деятельности архимандрита Порфирия в Эсфигменовом монастыре будет неполным, если не упомянуть о том, что в рукописном наследии русского ученого, переданном после его кончины по завещанию в Российскую Академию наук, содержались ценные материалы, имеющие отношение к этому афонскому монастырю. В 1-й книге «Афонских актов» (всего 4 рукописных книги) архимандрит Порфирий поместил «архив Есфигменова монастыря», занимающий 93 листа (ст. 3—187), на которых изложено 47 греческих актов, причем некоторые из них были даны монастырю византийскими императорами Андроником и Иоанном Палеологами [399] и сербским царем Стефаном Душаном (2) и Патриархами Иоанном Гликой, Кириллом (1814 г.) и Григорием (1819 г.).

Кроме этого здесь находились копии славянских актов, а именно: сербского деспота Юрия Бранковича (1), княжны Ангелины (1499 г.), Печского патриарха Паисия (1633 г.) и 2 грамоты царя Алексея Михайловича 1656 г. по подлинникам, хранящимся в монастыре [400].

Сведения о содержании эсфигменского рукописного собрания можно почерпнуть из воспоминаний архимандрита Антонина (Капустина), который смог попасть в книгохранилище обители и наблюдения которого весьма ценны для изучения церковной истории. Архимандрит Антонин, подобно своему знаменитому предшественнику — архимандриту Порфирию, также сумел обнаружить в эсфигменских рукописях ряд ценных сведений, относящихся к богослужебной практике Православной Церкви. В отношении двух из таких литургических манускриптов архимандрит Антонин писал: «Между свитками мы нашли одну печатанную на пергамине, что мне показалось немалой радостью. Ни года, ни места печати, впрочем, не обозначено. Другая — тоже на пергамине, рукописная, 6841 (1306) года (с последованием литургии. — *Авт.*) святителя Иоанна Златоуста. Отличается от множества других, ей подобных тем, что имеет в себе некоторые подробные указания богослужебной практики, обыкновенно опускаемые в греческих служебниках, и, в частности, довольно обстоятельно изложенный ход святой Проскомидии. Ради редкости, с литургии будет сделан фотографический снимок» [401].

Фотографический снимок с рукописи, отмеченной архимандритом Антонином, был сделан в том же 1859 году П. И. Севастьяновым, поработавшим в эсфигменской библиотеке. Фотографические снимки с 9 листов этой рукописи впоследствии оказались в составе рукописного наследия П.И. Севастьянова, поступившего после его кончины в государственное собрание [402]. Помимо этих снимков в состав рукописного наследия русского ученого вошли еще несколько десятков фотографических снимков, сделанных им в эсфигменской библиотеке [403].

Следует отметить, что фотографические снимки, сделанные П.И. Севастьяновым в Эсфигмене, это лишь малая часть того, что поступило после его кончины в государственные собрания. В 1880 г. исследователь Т. Флоринский сообщал об этом печальном обстоятельстве, отмечая, что еще в 1859 году в Святейшем Синоде была организована выставка фотографий с древних афонских актов, привезенных П.И. Севастьяновым со Святой Горы. В числе прочих там было представлено 15 актов Зографа, 36 актов Эсфигмена, 26 актов Хиландара, 4 акта Ивера, 12 русских актов Хиландара. Отметив далее, что «относительно снимков Зографских, Хиландарских и Иверских нельзя сказать определенно: были ли между ними такие, которых бы не было в нынешних собраниях Публичной библиотеки и Румянцевского музея. И если были, то какие именно», — Т. Флоринский далее продолжает: «Несомненно верно только то, что ни одного из 36 снимков с актов Эсфигмена нет ни в том, ни в другом общественном книгохранилище. Но и этого одного факта достаточно для признания важного значения за скрытым неизвестно где частным собранием П.И. Севастьянова. Нельзя не пожелать еще раз, чтобы это собрание стало как можно скорее достоянием науки» [404].

Выше уже отмечалось, что ряд рукописей Эсфигмена имеет большое значение для изучения литургики, на что обращали внимание такие русские ученые, как архимандрит Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин). И в более позднее время эсфигменскими литургическими свитками занимались известные русские специалисты в области литургики, к числу которых относится Н.Ф. Красносельцев. Те рукописные памятники, которые Н.Ф. Красносельцев издал в книге под названием «Материалы для последования литургии святого Иоанна Златоуста» (Казань, 1889), относятся к тому периоду, когда начали составляться подробные уставы литургии и когда появился тот общераспространенный устав, который, заменив древние, краткие редакции, определил тот вид чинопоследования литургии, который вскоре получил всеобщее распространение и употребляется в настоящее время. Этот устав принадлежит Константинопольскому патриарху Филофею (XIV в.), составившему его в бытность игуменом Лавры святого Афанасия на Афоне [405].

Для публикации Последования облачения и проскомидии (XIII век) Н.Ф. Красносельцев имел в своем распоряжении 2 рукописных текста: афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссик) и Эсфигмена. Интересно отметить, что список с эсфигменовской рукописи был сделан для Н.Ф. Красносельцева другим русским литургистом — А.А. Дмитриевским во время его пребывания на Афоне в 1887 году, с пергаментного свитка, хранившегося в эсфигменовской библиотеке.

Эсфигменовский список имеет точную дату — 1306 год, и до определенного времени был известен в русских научных кругах по сообщению архимандрита Порфирия (Успенского), который в своем сочинении «Первое путешествие в афонские монастыри и скиты» (часть II, с. 449) указывал на этот манускрипт как на древнейший датированный устав проскомидии, содержащий в себе ясное указание на пятипросфорие; об этом же сообщал архимандрит Антонин (Капустин) [406]. С этой рукописи были сделаны фотографии П. И. Севастьяновым, но эти снимки охватывали незначительную часть текста и были годны скорее для палеографических целей.

Заканчивая краткий обзор истории эсфигменовского рукописного собрания, следует отметить, что в настоящее время библиотека монастыря насчитывает 372 рукописи; 75 из них написаны на пергаменте и многие богато иллюстрированы. Здесь также имеется около 2-х тысяч печатных книг и еще 6 тысяч — на втором этаже северного крыла здания [407].

Кастамонит

Кастамонит — это одна из самых живописно расположенных обителей Святой Горы. Монастырь удален от моря и находится в глубине афонского полуострова; обитель посвящена памяти первомученика Стефана.

Говоря о рукописном наследии Кастамонита, необходимо подчеркнуть, что небольшой его архив содержит интересные материалы для истории как греческой, так

и русской культуры XV—XVI вв. Это можно показать на примере одного документа, описанного греческим исследователем Н. Икономидисом в 1970 году и впервые изданного им в IX томе «Архивов Афона» (№ 1) [408]. Этот документ является копией XVI в., снятой с изданного в марте 1047 года акта прота Феофилакта, которым монах Арсений утверждается как владелец и игумен монастыря святого Антония Неакиту. Исключительный интерес представляют строки 26—27 этой копии, из которых можно узнать, что древний документ был скопирован по просьбе насельников Кастамонита в 7021 (1512/1513 гг.) монахом Ватопедского монастыря Максимом. Возникающее сразу же предположение о том, что переписчик кастамонитского документа — знаменитый Максим Грек, подтверждается анализом его почерка [409]. Косвенным доказательством в пользу правильности этой идентификации могут служить следующие слова из приписки преподобного Максима Грека в кастамонитском документе: «Там же, где из-за порчи оригинала образовались пропуски и нарушилась последовательность текста, оставлено соответствующее место» [410].

«Текст акта 1047 года, — пишет современный исследователь, — был особенно важен в решении возникшего в 1512/1513 гг. спора о владениях Кастамонитского и Зографского монастырей. И поэтому изготовление точной копии этого документа было поручено человеку, который был известен на Афоне как книгописец, филолог, издатель текстов и писатель и который мог прочитать и бережно скопировать древний и к тому же плохо сохранившийся оригинал» [411]. Можно с уверенностью предполагать, что в хранилищах Святой Горы имеются еще и другие невыявленные следы активной литературной и книгописной деятельности преподобного Максима Грека. Копия документа 1047 года, изготовленная «ватопедским монахом Максимом» в 1512/1513 гг., — это, по-видимому, первый известный афонский автограф преподобного Максима Грека [412].

Знакомство русских людей с Кастамонитской обителью в послемонгольскую эпоху относится к началу XVI века. В рукописном житии святого Саввы Сербского в заглавии сказано: «В лето 7025 (1517) генваря в 14-й день, пришел от Святой Горы старец Исаия и принес к государю и великому князю житие святого Саввы Сербского». От старца Исаии русские христиане получили, по-видимому, впервые (после взятия Константинополя турками в 1453 году) довольно подробные сведения об Афонской Горе, сношения с которой были прерваны сперва татарским игом, тяготевшим над Россией, а потом турецким игом, заслонившим Восток от России [413]. В житии святого Саввы перечисляются святогорские монастыри и среди них — «монастырь Костаманид, церковь первомученика Стефана, а братии в нем 90 человек» [414].

Во второй половине XVII века литературные связи Кастамонита с Россией упрочились, но случилось это по довольно необычной причине. В конце 1663 года кастамонитский архимандрит Феофан Сербин, прибывший в Россию, был заточен по указу царя Алексея Михайловича в Кириллов монастырь. По мнению русского исследователя архимандрита Леонида (Кавелина), этот кастамонитский Феофан Сербин был тот самый архимандрит Феофан, который 20 июля 1661 года привез в Москву, а затем, 16 октября 1662 года в Воскресенский монастырь икону греческого письма, копию с чудотворной иконы Хиландарского монастыря Божией Матери «Троеручицы». В Воскресенском монастыре он был принят с большой честью, что его и погубило. В декабре 1663 года по указу царя Алексея Михайловича он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь за самовольное сношение с опальным патриархом Никоном, где и пробыл до конца Московского собора 1666—1667 гг. [415].

Кастамонитский архимандрит Феофан известен в древней русской письменности как автор «Рассказа о святогорских монастырях» (1663—1666), а также как переводчик на русский язык надписи, сделанной на Псалтири преподобным Максимом Греком. Эта рукописная Псалтирь (1540 г.) в конце XVIII века попала в Новгородский Софийский собор, а в 1850 г. — в собрание Санкт-Петербургской Духовной Академии, в составе которого и перешла впоследствии в рукописное собрание Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина [416]. В этой рукописи (Софийское Собрание. № 78) на листе 158 об. находится следующая запись кастамонитского архимандрита Феофана:

«Толкование подписи Максима Грека и святогорца инока обители Ватопедския. Написася сия Псалтирь во граде Твери рукою и болезнию монаха некоего святогорца монастыря Ватопедского, именем Максима, во время убо оно текущи лету седьмой тысящи навершаемой, умолением Вениамина благоговейного иеродиакона и священных риз хранителя боголюбивого епископа Тверского господина Акакия, чтущии не зазрете осудительно... От тоея жде святой горы Афонской преложися от греческого языка на славянский Феофаном архимандритом Кастамонитова монастыря в лето 1665-е. Ибо аз в заточении сый томужде подражателе иже исписал Псалтирь сию, Бог да упокоит душу его в царствии своем во веки веков. Аминь» [417]. Эта же Псалтирь преподобного Максима Грека послужила архимандриту Феофану Сербину при изготовлении им своего греческого списка Псалтири [418].

В середине XVII века, посланный на Афон за греческими книгами Арсений Суханов вывез из Кастамонита 8 рукописей [419]; к этому времени монастырь еще располагал значительным рукописным собранием, но в следующем, XVIII столетии, количество рукописей резко сократилось. О причине этого уменьшения рукописного собрания Кастамонита говорит Василий Григорович-Барский, побывавший в этой обители в первой половине XVIII века: «Книг же тамо в то время излишних учительных не бяше, точию место иногда бывшей библиотеки, и в ней малыя некия останки; егда бо монастырь обнища, тогда и книги расточишася» [420].

О численности монашеской братии, жившей в Кастамоните во второй половине XVIII века, можно узнать из рукописи русского паломника Игнатия: «Монастырь, именуемый Кастамонит, построен в горах. Стены каменные, кельи в три жилья; церковь архидиакона Стефана, начальнейший игумен, братии состоит до 40 человек, питаются милостыней» [421].

В сообщении отца Игнатия ничего не говорится о национальном составе иночествующей братии, но эти сведения можно почерпнуть из сочинения русского инока Парфения (Аггеева), побывавшего на Афоне в 1841 году: «Монастырь Кастамонит, во имя святого первомученика Стефана. Монастырь общежительный, стар и ветх, — писал инок Парфений, — Святой Горы отцы всегда предлагают русским, чтобы вошли в него жить и взяли под свое покровительство. И ежели бы взяли его русские, то поправили бы его, и можно было бы много из него добра сделать. Я от многих слышал, — продолжал инок Парфений, — что его выстроили сербские цари славянского языка и завещали, чтобы греки в нем не жили, а проживали бы в нем всегда монахи славянского языка. Поэтому теперь греки в нем немногие живут и ничего в нем не поправляют, оттого многое разрушается. Но русские еще теперь нужды не имеют, потому что все помещаются в русском монастыре святого великомученика Пантелеимона. А когда русские умножатся, тогда могут взять в заведование и этот монастырь. Кастамонит стоит в самом тихом и безмолвном месте, при больших водах. Ниоткуда его не видно, и никто мимо него не проезжает, разве кто нарочно захочет заехать» [422].

В 1858 году в Кастамоните с успехом поработал прибывший из России на Афон П.И. Севастьянов. В кастамонитском книгохранилище П.И. Севастьянов сделал фотографические снимки с некоторых славянских и молдавских рукописных актов. К сожалению, не все фотографии сохранились после возвращения П.И. Севастьянова из экспедиции на Афон. И среди утраченного, по-видимому, были и кастамонитские материалы. Тем не менее есть сведения о 5 фотографиях древних грамот, вошедших в состав архива, оставшегося после кончины П.И. Севастьянова. Кроме перечисленных грамот, П.И. Севастьянов сделал здесь также ряд снимков с листов пергаментного Евангелия-апракоса (всего 10 листов), датированного 6541 (1033) годом [423]. Этой древней рукописи в скором времени пришлось совершить путешествие из Кастамонита в Россию. Архимандрит Кастамонитского монастыря грек Симеон, прибывший в Россию в 1864 году за сбором для своего монастыря, «в чувстве признательности за разрешение Святейшим Синодом сбора подаяний в России на построение полуразрушенных зданий в означенном Костомонидском монастыре» [424], преподнес через высокопреосвященного митрополита Исидора эту драгоценную

книгу в дар Святейшему Синоду, который препроводил ее в Духовно-учебное управление для отсылки в Санкт-Петербургскую Духовную Академию в ее библиотеку (Отношение Духовно-учебного управления от 27 февраля 1865 г. за № 622). Благодаря этому академическая библиотека обогатилась драгоценнейшим письменным памятником древности, который в ее богатом собрании рукописей занимал первое место между другими по древности рукописными памятниками [425].

Датировка этого рукописного памятника была установлена по следующим данным: на обороте предпоследнего (397-го) листа сохранилась следующая надпись по-гречески: «Окончено в месяце декабре 30-го, индикта 2-го, в лето 6542 при царе Романе» [426] (30 декабря 1033 года). Из академической библиотеки это Евангелие вскоре перешло на хранение в Музей церковных древностей при Санкт-Петербургской Духовной Академии, учрежденный в конце 1870-х гг. В 1872 году один из студентов Духовной Академии написал кандидатское сочинение об этом Евангелии [427]. Впоследствии это Евангелие перешло на хранение в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина и находится в ее греческом рукописном собрании [428].

Заканчивая краткий обзор архива Кастамонитского монастыря, необходимо отметить, что за последние десятилетия не наблюдалось прироста числа рукописей его книгохранилища, но некоторые из них были даже утрачены. Если в 1880 году Спиридон Ламброс выявил здесь 111 греческих рукописей, то на сегодня в этой обители имеется лишь 110 рукописей (в том числе и несколько славянских), из которых 14 написаны на пергаменте. Но хотя здесь имеется относительно скромное число древних манускриптов, это не снижает научной ценности этого собрания, поскольку, как было показано выше, некоторые из них имеют интересную судьбу, прямо относящуюся к истории развития русско-афонских церковно-литературных связей.

Заключение

Тема, посвященная афоно-русским церковно-литературным связям, неисчерпаема. Достаточно привести еще несколько имен и фактов, чтобы убедиться в этом.

На Афоне занимались списыванием книг русские монахи Досифей, игумен Печерский; Митрофан Бывальцев; Иона, игумен Угрешский. Из переводчиков, работавших на Афоне, известен иеромонах Исаия, который в 1371 году перевел с греческого на славянский язык сочинения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника; в 1399 году монах Иоанн перевел «Плены Иерусалима» и книгу Иосифа Маттафиева; Венедикт и Иаков (1426) перевели ряд бесед святителя Иоанна Златоуста.

На Афоне для сербов поработал в первой половине XVI века святогорский протоиерей Гавриил (Мстиславич), русский по происхождению. Он перевел на сербский язык с греческого «Историю монашества на Афоне», написал Житие Нифонта, на сербском языке вел переписку с венгерским королем Иоанном Заполей, славянином по происхождению [429].

Еще раз можно упомянуть о том, что афонские насельники, в свою очередь, обогащались церковным литературным наследием Православной России. Это видно даже по содержанию каталога афонских греческих рукописей, составленному в 1880 году С. Ламбросом. Помимо проповедей древнерусских церковных витий, в своем большинстве греков по происхождению, в описании С. Ламброса есть, например, упоминание о произведении русского писателя: это проповеди архиепископа Иннокентия Харьковского в списке с печатного издания, вышедшего в Афинах в 1847 году в переводе Александра Скарлатовича Стурдзы, по происхождению грека, нашедшего в России приют и признание своих литературных заслуг [430].

Можно также отметить, что афоно-русские литературные связи имели свое влияние не только на развитие церковно-исторических и богословских наук, церковного пения в России, но также оказали благотворное воздействие в сфере иконописи. Примером тому может служить одна из древних рукописей, написанная по-гречески и озаглавленная «Толкование о живописи». В 1839 году она стала известна западному археологу Дидрону, когда ему подарил эту рукопись инок Иоасаф. Этот сборник был составлен пустынни-

ком Дионисием с его учеником Кириллом около 1458 года. Дионисий изучил иконописную науку в Солуни (Фессалониках), где работал ранее один из великих византийских мастеров церковной живописи Мануил Панселин, живший в XIII веке и трудившийся в украшении храмов на Афоне. Сам подлинник рукописи, содержащий свод правил иконописи, был напечатан в Афинах в 1853 году, а затем был сделан и русский перевод, опубликованный в 1868 году в «Трудах Киевской Духовной Академии» [431].

«Как древле, так и теперь в пустынных келиях шествуют по стезям этих сохранившихся рукописных правил, наставляющих иноков Святой Горы во всех случаях и потребностях священного иконописания, многие и наши русские безмолвники и самые строгие подвижники-иконописцы, — писал русский исследователь по поводу этой книги. — Работу их можно видеть повсеместно в России, доставляемую через посредство богатых монастырей. Снабжая таким образом православный русский народ иконами искусного древнего афонского письма.., эти трудолюбцы заслуживают благодарности от своих соотечественников, так как, благодаря их деятельности и строгой иноческой ревности к древлевизантийским иконописным заветам, они тем самым сберегают в незыблемом достоинстве сей уцелевший драгоценный памятник древлеправославного художественного иконописания грядущему поколению» [432].

Влияние Афона на развитие русского религиозного образования в средневековый период трудно переоценить. В то время рассадниками просвещения на Руси были монастырские обители. «Во всей Московии, — отмечал один из иностранных авторов того времени Кобенцель (1576), — нет школ и других способов к изучению наук, кроме того, что учатся в обителях». В то время, когда Россия находилась под культурным влиянием Византии и монастыри формировали духовное развитие общества, отсюда распространялась византийская образованность в России; это влияние осуществлялось книжным путем, так как монастыри сосредоточили в своих стенах богатые библиотеки. В числе монастырских занятий постоянно практиковалось переписывание книг. «Как корабль без гвоздей не составляется, — говорили в то время, — так и инок не может обойтись без чтения книг» [433]. Это образное сравнение — одно из многих, бытовавших в средневековой Руси. Можно привести еще одно суждение о важности духовного просвещения, записанное всего лишь спустя несколько десятилетий после Крещения Руси: «Аще бо кто поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; аще бо книги часто чтет, то беседует с Богом, или святыми мужи; почитая пророческие беседы, и евангельские учения и апостольские, жития святых отец, восприемлет душа великую пользу» [434].

Заканчивая обзор истории рукописных собраний святогорских книгохранилищ, можно привести слова, сказанные одним из русских исследователей в начале нашего века. Они были написаны перед самым началом первой мировой войны; этот исследователь был, по-видимому, последним русским ученым, которому удалось провести изыскания в афонских библиотеках до того, как Афон на долгие годы оказался оторванным от России. В связи с этим слова, приведенные ниже, не потеряли своей актуальности на сегодняшний день, и они могут служить руководством каждому церковному исследователю из нашей страны, которому посчастливится продолжить работу русских ученых по изучению рукописного наследия Святой Горы. «Необозримое поле деятельности представляют собой не разработанные еще первоисточники богословской науки, — писал иеромонах Пантелеимон (Успенский) в 1913 году. — Возьмем, например, область творений святоотеческих, являющихся основой православного богословия. Весьма многие отцы, особенно позднейшего периода, до сих пор не переведены на русский язык, и не только второстепенные и малоизвестные, но даже такие выдающиеся и глубоко оригинальные богословы и борцы за Православие, как, например, святой Максим Исповедник, святитель Григорий Палама и другие. Мало того, в пыли древних библиотечных хранилищ можно найти много неизданных святоотеческих материалов и даже совершенно неизвестных... В интересах Православной Церкви и ее богословия, — продолжал иеромонах Пантелеимон, — не упускать тех драгоценных библиотечных сокровищ, которые находятся в руках православных.

В этом отношении первое место, несомненно, принадлежит библиотекам Афона. В течение многих веков скоплялись там те древние рукописные и книжные материалы, которые почти нерушимо хранятся в древних афонских монастырях» [435].

И действительно, несмотря на постоянные утраты, которым подвергались афонские книгохранилища с давних времен, несмотря на частые пожары, опустошавшие огромные библиотеки, несмотря даже на еще более разрушительное действие человеческих заблуждений, книжные богатства Афона громадны даже теперь, в начале XXI века. И в этом — неоценимая заслуга афонских насельников, которые не только являют своим примером образ истинной монашеской жизни, но также сохраняют древние рукописи, в которых заключен духовный опыт многих поколений известных подвижников и аскетов, живших как на Афоне, так и за его пределами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГБ, Рум. № 264. Л. 133 об.—134.
2. *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 195.
3. Там же. С. 195.
4. *Kadas Sotiris.* Mount Athos. Athens, 1979. P. 31.
5. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 605.
6. *Стадницкий А. Г.* Дневник студента-паломника на Афон. Киев, 1886. С. 87. См. также: *Сергиевский Н.* Святая гора Афонская. М., 1899. С. 103.
7. Цит. по: *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание сербской царской Лавры Хиландаря и ее отношения к царству Сербскому и Русскому. М., 1868. С. 106.
8. В настоящее время этот список от 1585 г. хранится в Хиландарском монастыре (кодекс № 280). Там же сохраняется русский извод труда Иосифа Флавия (кодекс № 281, третья четверть XVI в.) и позднейшие списки.
9. *Григорович В. И.* Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах европейской Турции. ЖМНП. 1847. Ч. 53. С. 13.
10. *Григорович В. И.* Изыскания о славянских апостолах... С. 13.
11. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 26—27.
12. См. например, в *Curson Robert.* Besuche in der Klostern der Levante. Zweite Ausgade. Leipzig, 1854.
13. *Порфирий (Успенский), епископ.* Книга бытия моего. Т. VII. СПб., 1901. С. 184.
14. Цит. по: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. 1. СПб., 1910. С. 745—746. (Письмо графу А. П. Толстому от 27 ноября 1858 г.).
15. По замечанию архимандрита Порфирия (с. 748), Лукиан в III веке предпринял труд вновь сверить греческую Библию с имевшимся у него еврейским текстом, и его исправленный перевод был принят всеми Восточными Церквами еще в царствование императора Константина Великого. (Материалы для биографии... С. 748).
16. Там же. С. 747—748. (Письмо графу А. П. Толстому от 27 ноября 1858 года).
17. Цит. по: *Черкасов И. З.* Глас с Востока о святых местах Афона и Иерусалима. Ч. 1. Киев, 1895. С. 228.
18. Напечатан в ЖМНП. 1847. Ч. 55, отд. II. С. 24—74.
19. См.: *Kadas Sotiris.* Mount Athos. Athens, 1979. P. 33.
20. Путеводитель по Святой Горе Афонской и указатель ее святынь и прочих достопамятностей. СПб., 1854. С. 39.
21. *Сергиевский Н.* Святая гора Афонская. М., 1899. С. 71.
22. См: *Яцимирский А. И.* Григорий Цамблак. СПб., 1904. С. 33.
23. Там же. С. 33.
24. РГБ, ф. 214, Оптина пустынь. № 462. См.: *Леонид (Кавелин), архим.* Обозрение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии. М., 1865. С. 67—69.
25. *Горский А. В.* О сношениях Русской Церкви со Святогорскими обителями до XVIII столетия. Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1848. С. 137.
26. Рукопись находится в РГБ, собрание Е. Е. Егорова. № 543.
27. Цит. по: *Розов Н. Н.* Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 45.
28. Послание владыки Нила князю Георгию Ивановичу. Находится в сборнике Центрального Государственного архива древних актов, в собрании Мазурина (ф. 196. № 642).
29. См.: *Брюсова В. Г.* Тверской епископ грек Нил и его послание князю Георгию Ивановичу. ТОДРЛ. № 28. С. 181.
30. Там же (приложение к статье). С. 187.

31. Там же.
32. Там же.
33. По данным, содержащимся в исследовании Фонкича Б. Л. «Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.» (М., 1977. С. 69), на 1653 год в Москве находилось всего 27 греческих рукописей, 4 — в Кирилло-Белозерском монастыре и 1 — в Новгороде.
34. Цит. по: *Белокуров С.* Собрание Патриархом Никоном книг с Востока. М., 1882. С. 17.
35. Напечатана в: «Временник общества истории и древностей». № 15. 1852. С. 117.
36. *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 96.
37. Там же. С. 6.
38. *Белокуров С.* Собрание Патриархом Никоном... С. 47.
39. Там же. С. 48.
40. *Давыдов В.* Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году. Ч. II. СПб., 1840. С. 154.
41. *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 16—17.
42. *Дестунис Г. С.* О каталоге греческих афонских рукописей, составленном летом 1880 г. ЖМНП. 1881. Ч. 213. С. 164.
43. *Дмитриевский А. А.* Библиотеки рукописей на Синае и Афоне под пером профессоров-палеографов В. Гардгаузена и С. Ламброса. ТКДА. 1889. Декабрь (№ 12). С. 532.
44. *Диль Шарль.* Основные проблемы византийской истории. Пер. с франц. М., 1947. С. 168.
45. См.: *Kadas Sotiris.* Op. cit. P. 39—40.
46. *Леонид, архимандрит.* Историческое описание сербской царской Лавры Хиландаря. С. 125.
47. *Порфирий (Успенский), епископ.* Афонские книжники. М., 1833.
48. *Лопарев Х. М.* Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 года. СПб., 1897. С. 31.
49. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 21.
50. См.: *Kadas Sotiris.* Op. cit. P. 40—41.
51. См. *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. ТОДРЛ. № 23. Л., 1968. С. 177—178.
52. См.: *Синицына Н. В.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519) // Византийский временник. Т. 26. М., 1965. С. 117.
53. Цит. по: *Белокуров С.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 199.
54. См.: *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 80.
55. См.: *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей X—XV вв. М., 1960. С. 178—179.
56. См.: *Макарий (Булгаков), архиепископ.* История Русской Церкви. Т. VI. СПб., 1870. С. 160—161.
57. Эта рукопись была передана из книгохранилища Воскресенского монастыря в Государственный Исторический музей.
58. Напр., см.: *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969; *Терещенко Г.* О трудах Максима Грека. ЖМНП. 1834. Ч. III. № 8. С. 243—278 и ряд других.
59. См.: *Иванов А. И.* Указ. соч. С. 34.
60. Там же. См. перечень этих трудов.
61. См.: *Иванов А. И.* Цит. соч. С. 26.
62. В настоящее время этот сборник находится в собрании рукописей Государственного архива Ярославской области (№ 1265). См.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 356. См. также: Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 148—152.
63. а) «О святогорьском монастыре зовемем Иверской, в нем же Церковь Успение Пречистыа»; б) «Сие же о другом монастыри Святогорьском еже есть Ватапеди».
64. *Новосадский И. В.* Возникновение печатной книги в России в XVI в. Иван Федоров первопечатник. Сборник. М.—Л., 1935. С. 54—55.
65. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 633.
66. См.: *Григорович. В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 83.
67. *Стадницкий А. Г.* Дневник студента-паломника на Афон. Киев, 1886. С. 126.
68. *Никанор, епископ Смоленский и Дорогобужский.* Воспоминания о Святой Земле и Афоне. СПб., 1898. С. 86.
69. *Черкасов И. З.* Глас с Востока о святых местах Афона и Иерусалима. Ч. 1. Киев. 1895. С. 216.
70. См.: *Григорович В. И.* Цит. соч. С. 54.
71. Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. 1. СПб., 1910. С. 209. (Письмо к К. С. Сербиновичу).
72. Цит. по: *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 7—8.
73. *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Т. 2. СПб., 1892. Глава: Десять дней на Афоне. С. 146—147.

74. *Лопарев Х. М.* Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Февраль, 1897. С. 26—28.

75. См.: *Kadas Sotiris.* Mount Athos. Athens, 1979. P. 47.

76. История афоно-грузинских литературных связей обстоятельно изложена в работе: *В.А. Никитин.* Иверский монастырь и грузинская письменность // Богословские труды. № 23. М., 1982. С. 94—118.

77. *Порфирий (Успенский), епископ.* Второе путешествие по Святой Горе Афонской. М., 1880. С. 165.

78. См.: *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Библиографические разыскания в области древнейшего периода славянской письменности IX—X вв. М., 1890. С. 9.

79. См.: *Кирион, епископ.* Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910. С. 94.

80. Греч. дела архива Министерства иностранных дел. Кор. 55. № 10. Цит. по: *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 88—89.

81. *Белокуров С.* Собрание Патриархом Никоном книг с Востока. М., 1882. С. 19.

82. См. подробную опись в: Белокуров С. Цит. соч. С. 20—21.

83. *Фонкич Б. Л.* Переводческая деятельность Евфимия Святогорца... С. 166.

84. Грамота Иверского монастыря от 7169 г., февраль 9, в греческих делах, карт. 55, № 10. Цит. по: *Белокуров С.* Цит. соч. С. 38.

85. *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог. М., 1958. С. 95. № 311. Цит. по: *Фонкич Б. Л.* Указ. соч. С. 127.

86. Цит. по: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи... С. 214-215.

87. Там же. С. 215—217.

88. *Порфирий (Успенский), епископ.* Афонские книжники. М., 1883. С. 12.

89. «Мне было известно, — писал отечественный филолог, посетивший Святую Гору в 1969 г., — что в Иверском монастыре на Афоне хранилась рукопись "История русского народа", доведенная до 1668 года. Позднее эта уникальная рукопись, составленная, возможно, по документам, также неизвестным науке, бесследно исчезла. В монастыре святого Пантелеимона о ней ничего не слыхали». *Агарышев А.* Бесценные клады Афона. — Литературная газета, № 18, от 5 мая 1982 года.

90. Цит. по: *Лебедева И. Н.* Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Палестинский сборник. № 18 [81]. Л., 1968. С. 82. В этой работе приводится обстоятельный анализ деятельности Дионисия Святогорца в России. См. также: *Лебедева И. Н.* Списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза. Византийский Временник. Т. 26. М., 1965. С. 100—101.

91. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 593.

92. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 16.

93. Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. 1. СПб., 1910. С. 866—867. (Письмо князю С. Н. Урусову от 10 ноября 1860).

94. Там же. С. 769. (Письмо графу А. П. Толстому от 1 января 1859 г.).

95. Февраль день третий 1859 г. из Ивера послано письмо к графу Толстому о переводе Библии с греческого языка на грузинский афонским монахом Евфимием Торникием, в начале XI века, с приписанием греческого текста в этом переводе. — Книга бытия моего. Т. 7. СПб., 1901. С. 198.

96. *Порфирий (Успенский), архимандрит.* Четыре беседы Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского. СПб., 1864. С. 51—52 (предисловие).

97. Там же. С. 52.

98. *Ламанский В. И.* Славянское житие Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. ЖМНП. 1904, январь. С. 165.

99. См.: *Kadas Sotiris.* Op. cit. P. 55.

100. *Патарая Г.* Неоткрытые острова сокровищ. — Литературная газета, № 43, от 21 октября 1981 года.

101. См.: *Гнатюк В.* Зносини украинцев из сербами в Збирнике в честь М. Грушевского. Львив, 1906. С. 392—393.

102. См.: *Адрианова-Перетц.* Древнерусские памятники в югославянской письменности. ТОДРЛ. № 19. М.—Л., 1963. С. 13—14.

103. *Лавров П. А.* Апокрифические тексты. СПб., 1899. С. 1—13.

104. См.: *Жуковская Л. П.* Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святослава 1073 года. Сб. статей. М., 1977. С. 11.

105. Там же. С. 18.

106. См.: *Розов Н. Н.* Старейший болгарский Изборник и его русская рукописная традиция. ИОЛЯ. XXVIII. 1969. С. 76—78.

107. См.: Первоначальный русский Номоканон. Одесса, 1869. С. 62—64.

108. См.: *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей X—XV вв. М., 1960. С. 32—33.

109. См.: Полный Православный энциклопедический словарь. Т. II. Б/г. СПб., (издание П. П. Сойкина). С. 1981 (статья о святом Савве (1169—1237)).

110. *Богданович Д., Джурич Я., Медакович Д.* Хиландар. Белград, 1978. С. 137.

111. Сербский государь Стефан Неманя (1159—1195) в 1195 г. по настоянию своего сына, святого Саввы, принял монашество с именем Симеона и удалился в Хиландар.

112. Цит. по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. С. 152—153, под 1051 г.

113. Подробно см.: *П-ий М. П.* Иларион, митрополит Киевский, и Доментиан, иеромонах Хиландарский. Известия отделения русского языка и словесности АН. XIII (1908). С. 81—133.

114. См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусские памятники в югославянской письменности. ТОДРЛ. № 19. М.—Л., 1963. С. 8.

115. *Ягич В.* История сербско-хорватской литературы. Казань, 1871. С. 182.

116. См.: *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. ТОДРЛ. № 23. Л., 1968. С. 183.

117. См.: *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Цит. соч. С. 94.

118. См.: Три древних сказания о Святой Горе Афонской и краткое описание Святой Горы, составленное в первое посещение оной В. Барским (1725—1726). М., 1882. С. 8—10.

119. См.: *Слуховский М. И.* Из истории книжной культуры России. М., 1964. С. 32.

120. Там же. С. 33.

121. См.: *Каптерев Н.* Русская благотворительность монастырям Святой Горы Афонской в XVI, XVII и XVIII столетиях. ЧОЛДП, 1882, январь-апрель. Ч. 1. С. 308.

122. См.: *Слуховский М. И.* Цит. соч. С. 33.

123. Там же. С. 35.

124. См.: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами. Славянский сборник. М., 1947. С. 199.

125. Там же. С. 199.

126. Там же. С. 199.

127. См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Цит. соч. С. 13.

128. См.: *Богдарович Д. и др.* Цит. соч. С. 138.

129. Цит. по: *Белокуров С.* Собрание Патриархом Никоном книг с Востока. М., 1882 (оттиск из «Христианского чтения» в № 9—10 за 1882). С. 43—44.

130. Там же. С. 44.

131. Там же. С. 44.

132. См.: *Белокуров С.* Цит. соч. С. 45.

133. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII столетиях. Л., 1977. С. 102.

134. Цит. по: *Державин А., протоиерей.* Четии-Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского как церковно-исторический и литературный памятник. Богословские труды, № 15. М., 1976. С. 127.

135. См.: *Яцимирский А. И.* Из истории славянской проповеди в Молдавии. СПб., 1906, С. 74—78, 99—109.

136. Цит. по: *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 82.

137. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 651.

138. Там же. С. 653.

139. *Григорович В. И.* Очерк путешествия... С. 34—50.

140. Там же. С. 50.

141. Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. II. СПб., 1910. С. 175. (Письмо консулу Мустоксиди от 22 апреля 1846 г.).

142. Материалы для биографии... Т. II. С. 177—178. (Письмо к К. С. Сербиновичу от 13 июля 1846 г.).

143. Там же. С. 240—241. (Письмо игумену Хиландарского монастыря от 8 апреля 1848 г.).

144. Там же. С. 241 (12 октября 1849 г. по той же просьбе архимандрит Порфирий направил хиландарским инокам второе письмо, где в общих чертах просил о тех же услугах. См.: там же. С. 290).

145. *Порфирий (Успенский), епископ.* Книга бытия моего. Т. VII. СПб., 1901. С. 175.

146. *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание Сербской Лавры Хиландаря и ее отношений к царствам Сербскому и Русскому. ЧОИДР, 1867, кн. 4.

147. Там же. С. 124.

148. Там же. С. 119—120.

149. *Mares F. V.* Prazska cast stioheraria Chilandarskeho. «Slavia», Praha, 1958, t. 27, ses. 4. S. 538—555.

150. Monumenta musica byzantinae. Ed. *C. Heg. H. J. W. Tyllyard. E. Wellesz* una cum *Archimandrita Cryptaeferratae,* praefatus est *R. Jakobson.* Copenhagen, 1957. Vol. 5. A. Sticherarium B. Hirmologium.

151. *Koschmieder E.* Die altesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente. Lfgn 1—3. Munchen, 1952—1958 (A-bh der Bayer. Akad. Der Wissenschaften, N. F.).

152. *Радойичич.* Ирмологий XII—XIII века. Београд, 1957.

153. *Богданович.* Каталог ирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1958.

154. *Kadas Sotiris.* Op. cit., p. 61.

155. См.: *Богданович и др.* Хиландар. Београд. 1978. С. 138.

156. Послание Максима Грека Василию III. Цит по: «Византийский Временник» № 26, М., 1965. С. 131. (Текст публикуется по списку Новгородско-Софийского собрания рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Л., № 1498, лл. 289—305 об.).

157. Там же. С. 131.

158. Там же. С. 131.

159. Там же. С. 131.

160. Цит. по: *Фонкич Б. Л.* Греко-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977, С. 52. Краткое описание рукописи: Lambros Sp. P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, vol. I. Cambridge, 1895, p. 426.

161. Там же. С. 52.

162. Lascaris M. Arsene Suchanov et les manuscripts de l'Athos. Un nouveau document (10 juin 1654). — Byz. XXVIII, 1959, p. 543—545.

163. Цит. по: *Фонкич Б. Л.,* указ. соч. С. 76.

164. См. там же. С. 76—77.

165. *Белокуров С.* Собрание Патриархом Никоном книг с Востока. М., 1882. С. 27. (Оттиск из «Христианского чтения» № 9—10 за 1882 г.).

166. См.: *Фонкич,* цит. соч. С. 98.

167. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие по святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 731.

168. Там же. С. 733.

169. Там же. С. 733.

170. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, на Афонскую Гору, во Иерусалим, в Египет, в Александрию и в Аравию.// Православный Палестинский Сборник. Т. XII, вып. 3, СПб., 1891. С. 11.

171. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 25.

172. *Гранстрем Е. Э.* Греческие рукописи ленинградских книгохранилищ. Вып. 3, «Византийский Временник», № 19, М., 1961. С. 227; См. также цит. соч. Вып. 4, «Византийский Временник», № 23, М., 1963. С. 191.; Вып. 5, «Византийский Временник», № 25, М., 1964. С. 200; Вып. 6, «Византийский Временник», № 27, М., 1967. С. 277.

173. *Дмитриев-Петкович К. П.* Обзор афонских древностей. Записки Императорской Академии Наук. Т. 6, кн. 1, приложение № 4, СПб., 1865. С. 43.

174. *Антонин (Капустин), архимандрит.* Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 123.

175. См.: Отчет Русского Археологического института в Константинополе (РАИК) за 1895 год. В «Известия РАИК». Т. 1. Одесса, 1896. С. 1—29.

176. *Лопарев Х. М.* Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 года // Сообрашения Православного Палестинского Общества, февраль, 1897. С. 32. См. также: *Лопарев Х. М.* Житие св. Евдокима. ИРАИК. Т. XIII, София, 1908. С. 152. *Лопарев Х. М.* Описание некоторых греческих житий святых. Византийский Временник, № 4, СПб., 1897. С. 355.

177. *Иеромонах Пантелеимон (Успенский).* Из записок путешественника по Афону // Богословский вестник, 1915, январь. С. 97—98. (Изд. Московской Духовной Академии).

178. Там же. С. 98—99.

179. *Василий (Кривошеин), архиеп.* Симеон Новый Богослов. 949—1022 гг. Париж, 1980. С. 8. (Скончался в 1985 г.; похоронен в Санкт-Петербурге).

180. *Kadas S.* Op. cit. P. 66—67.

181. *Kadas S.* Op. cit., p. 69.

182. См.: *Иван Дуйчев.* Образи на българин от XV в. във Флоренция. София, 1961, «Искусство», кн. 1. С. 22—27. См. также «Revae des 'etudes byzantines», t. XIX, Paris, 1961, p. 333.

183. Три древних сказания о святой горе Афонской. М., 1882. С. 6.

184. Цит. по: *Фонкич Б. Л.* Греко-русские культурные связи XV—XVII вв., М., 1977. С. 61. (Его же письма (иеромонаха Матфея. — *Авт.*) — Четвероевангелие монастыря Кутлумуша, писанное в Москве же в 1597 году, вероятно, при вторичном пребывании иеромонаха Матфея в русской столице. *Шестаков Д.* Рукописные собрания Афона. Историко-библиографический очерк. Ученые записки Казанского университета. Декабрь, 1897. С. 14.

185. См.: *Фонкич Б. Л.,* цит. соч. С. 100—101.

186. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе. Азии и Африке. СПб., 1778. С. 729.

187. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, на Афонскую гору, в Иерусалим, в Египет, в Александрию и в Аравию // Православный Палестинский сборник. СПб., 1891. С. 8.

188. Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. М., 1895, изд. 8-е. С. 271—272.

189. Цит по: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. I, СПб., 1910. С. 749—750. (Письмо графу А. П. Толстому от 29 ноября 1858 г.).

190. *Порфирий (Успенский), архимандрит.* Четыре беседы Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского. СПб., 1864. С. 105.

191. Там же. С. 105.

192. *Иеромонах Пантелеимон (Успенский).* Из записок путешественника по Афону // Богословский вестник, 1915, январь. С. 88—89.

193. Там же. С. 107.

194. *Richard M.* Repertoire des bibliotheques et des cataloques de manuscrits grecs. Paris, 1948. Deuxieme ed. 1958. Supplement I, 1964, p. 43—47. Цит. по: Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедева. Мировой фонд греческих рукописей. В сборнике: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 195.

195. *Kadas S.* Op. cit. P. 73.

196. *Kadas S.* Op. cit. P. 75.

197. Монастырь Благовещения св. Богородицы на Перемере находился в 4-х верстах от города (см.: *В. В. Зверинский.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. III, № 1401).

198. См.: *Соболевский А. И.* Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894. С. 28—29.

199. *Белокуров С.* Собрание Патриархом Никоном книг с Востока. М., 1882. С. 26.

200. *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 99.

201. См.: Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 614—615.

202. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 15.

203. *Kadas S.* Op. cit, p. 77.

204. См.: Кишиневские епархиальные ведомости, 1898, № 19. С. 612.

205. *Дабиджа Александр.* Малороссийская обитель на Афоне // Киевская старина, 1893, № 40. С. 35—36.

206. См.: Паисий Величковский и его значение в истории православного монашества // Кишиневские епархиальные ведомости, 1898, № 18. С. 582.

207. Цит. соч., № 20. С. 704.

208. Цит по: Описание монастырей афонских в 1845—1846 гг. (б/авт.). ЖМНП, 1848, т. 58. С. 117.

209. См.: Паисий Величковский, подвижник благочестия второй половины прошлого столетия // Полтавские епархиальные ведомости, 1897, № 23—24. С. 836.

210. Цит. по: *Четвериков С., прот.* Старец Паисий Величковский. Париж, 1976. С. 99—100.

211. Цит по: *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 531. («Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» были изданы трижды в Оптиной пустыни на русском языке.)

212. Цит. по: *Четвериков С.*, цит. соч. С. 101—102.

213. Цит. по: Паисий Величковский и его значение в истории православного монашества // Киевские епархиальные ведомости, 1898, № 21. С. 712.

214. Там же. С. 709.

215. Цит. по: *Четвериков,* цит. соч. С. 122-123.

216. *Четвериков С.,* цит. соч. С. 184.

217. См.: *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи... СПб., 1905. С. 543.

218. См.: Кишиневские епархиальные ведомости, 1898, № 18. С. 685.

219. *Яцемирский А. И.,* цит. соч. С. 545.

220. *Четвериков С.,* цит. соч. С. 5.

221. См.: Русский общежительный скит св. пророка Илии на Святой Афонской Горе // Издание 4-е, Одесса, 1913. С. 39, 40.

222. См. там же. С. 44.

223. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 14.

224. См.: Русский общежительный скит... С. 46-47.

225. *Лопарев Х. М.* Краткий очерк о поездке на Афон летом 1896 года // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. СПб, 1897, февраль. С. 27.

226. Цит. по: Три древних сказания о святой горе Афонской // Из сказаний о св. Афонской горе хиландарского старца Исаии. М., 1882. С. 6.

227. См.: Полное собрание (свод) русских летописей. Т. 13, пол. I. СПб., 1904. С. 28. (Этому наблюдению автор обязан архимандриту Иннокентию (Просвирнину) в: Просвирнин Анатолий, прот. Афон и Русская Церковь // Богословские труды, № 15, М., 1976. С. 216.

228. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 100.

229. См. там же. С. 139.

230. Греческий подлинник и перевод на русский язык хранился в рукописном собрании графа Уварова, № 602.

231. В. Г.-Барский обладал даром художника, и во время своего паломничества по Афону сделал зарисовки большинства святогорских обителей.

232. Цит. по: Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока, часть IV. Приложения. СПб., 1887. С. 103—105.

233. По вопросу о подлинности этой грамоты см. в: Антонин (Капустин), архим. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 371—372.

234. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, на Афонскую Гору, во Иерусалим, в Египет, в Александрию и в Аравию // Православный Палестинский Сборник. Т. XII, вып. 3, СПб., 1891. С. 11.

235. *Давыдов В.* Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году. Часть II. СПб., 1840. С. 176—177.

236. Цит. по: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. I, СПб., 1910. С. 843 (письмо князю С. Н. Урусову от 29 февр. 1860 г.).

237. См.: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского), пожертвованных им в Императорскую Академию Наук по завещанию. СПб., 1891. С. 270—271.

238. См.: *Викторов А.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. С. 22—23.

239. Там же. С. 82.

240. См.: *Kadas S.* Op. cit., p. 83.

241. Первый греческий акт, в котором Зограф назван «монастырь Болгаров», датируется 1286 годом (см. Actes de Zographou publies par W. Regel, E. Kurz et B. Korablev // Византийский Временник. Т. XIII, М., 1907. С. 27—29).

242. См.: *Мошин В.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. ТОДРЛ, № 19, М.—Л., 1963. С. 97.

243. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие ко святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 664.

244. Там же. С. 669—670.

245. *Цонев Б.* История на български език. София, 1919. С. 271.

246. *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. II, 1932. С. 7.

247. *Динеков П.* Българската литература през XVII и първата половина на XVIII в. В сборнике: История на българската литература. Т. I. София, 1962. С. 403.

248. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 54—55.

249. Там же. С. 58.

250. Там же. С. 58—59.

251. Там же. С. 82.

252. Там же. С. 83.

253. Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. II. Переписка. СПб., 1910. С. 160 (Письмо К. С. Сербиновичу от 31 августа 1845 г.).

254. *Порфирий (Успенский), епископ.* Второе путешествие по Святей горе Афонской. М., 1880. С. 179.

255. Там же. С. 155.

256. См.: *Флоринский Т.* Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П.И. Севастьянова. СПб., 1880. С. 104.

257. *Kadas S.* Op. cit., p. 89.

258. *Miklas H.* Ein Beitrag den slawischen Handschriften aus dem Athos. «Paleobulgarica». Старобългаристика, 1977, № 1. С. 65—75.

259. Три древних сказания о святой горе Афонской // Из сказаний о св. Афонской горе хиландарского старца Исаии (1517—1519 гг.) М., 1882. С. 4—5.

260. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 99.

261. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова... путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 682.

262. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, на Афонскую гору, во Иерусалим, в Египет, в Александрию и в Аравию // Православный Палестинский сборник. Т. 12, вып. 3. СПб., 1891. С. 11 (Предисловие).

263. Там же. С. 12.

264. Там же. С. IV Предисловия.

265. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 64.

266. Там же. С. 64.
267. Цит. по: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. I, СПб., 1910. С. 177 (письмо к К. С. Сербиновичу от 13 июля 1846 г.).
268. См.: *Гранстрем Е. А.* Греческие рукописи ленинградских книгохранилищ // Византийский Временник, № 24. М., 1964, вып. 5. С. 175.
269. См.: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского), пожертвованных им в Императорскую Академию Наук по завещанию. СПб., 1891. С. 271—272.
270. См.: *Викторов А.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. С. 82—86.
271. *Айналов Д. В.* По Афону. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества, 1906. Т. XVII, вып. 4. С. 654.
272. См.: Ученые записки Казанского университета, 1897, кн. 3, март // Отчет Д. В. Айналова о заграничной командировке на Афон.
273. *Loch S.*, op. cit., p. 94.
274. *Kadas S.*, op. cit., p. 93.
275. *Успенский Порфирий, архим.* Описание монастырей афонских в 1845—1846 гг. (по актам). ЖМНП, 1848, апрель, отд. II. С. 57.
276. *Kadas S.*, op. cit., p. 95.
277. *Муравьев А. Н.* Письма с Востока, часть I. СПб., 1851. С. 276.
278. Три древних сказания о святой горе Афонской. М., 1882 // Из сказаний о св. Афонской горе хиландарского старца Исаии (1517—1519 гг.). С. 6.
279. *Успенский Порфирий, архим.* Описание монастырей афонских... С. 83—84.
280. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие ко святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 577.
281. *Дмитриев-Петкович К. П.* Обзор афонских древностей // Записки Императорской Академии Наук. Т. 6, кн. I, приложение 4. СПб., 1865. С. 22.
282. *Капустин Антонин, архим.* Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 156.
283. Там же. С. 156.
284. Цит. по: *Срезневский В.* Христиан Мефодиевич Лопарев (ум. 1918). Воспоминания о его жизни и трудах // Русский исторический журнал. Кн. 5. Пг., 1918. С. 329.
285. Там же. С. 329—330.
286. Там же. С. 339.
287. *Лопарев Х.* Краткие отчет о поездке на Афон летом 1896 года // Сообщения Православного Палестинского Общества, февраль, 1897. С. 29.
288. *Kadas S.*, op. cit., p. 97.
289. Три древних сказания о святой горе Афонской // Из сказаний о св. Афонской горе хиландарского старца Исаии (1517—1519). М., 1882. С. 6.
290. Цит. по: Византийский Временник, приложение к XX тому, № 1 // Акты Филофеева монастыря, СПб., 1913. С. 40.
291. См.: *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях, издание 2-е. Сергиев Посад, 1914. С. 247—275.
292. Цит по: Византийский Временник, приложение к XX тому, № 1, СПб., 1913. С. 40—41.
293. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 96.
294. Цит. по: Византийский Временник, прил. к XX т., № 1, СПб., 1913. С. 41.
295. Там же. С. 41—42.
296. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 580.
297. *Порфирий (Успенский), еп.* Описание монастырей Афонских в 1845—1846 гг. (по актам). ЖМНП, 1848, апрель, отд. II. С. 80.
298. Цит. по: *Петровский Н.* Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. ЖМНП, 1915, ч. 59, октябрь. С. 244.
299. Там же. С. 244.
300. Там же. С. 252.
301. См.: *Викторов А.* Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879. С. 1—2.
302. См.: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского), пожертвованных в Императорскую Академию Наук по завещанию. СПб., 1891. С. 263.
303. Там же. С. 266—267.
304. *Дмитриев-Петкович К. П.* Обзор афонских древностей // Приложение к 4-му тому «Записок Императорской Академии Наук», СПб., 1865. С. 20.
305. Там же. С. 20.
306. Там же. С. 21.
307. Византийский Временник, № 20, приложение. СПб., 1913. С. 1 (предисловие на франц. языке).
308. Там же. С. III—IV Предисловия.

309. *Kadas S.* Op. cit., p. 101.
310. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 102.
311. *Леонид (Кавелин), архим.* Рассказ о святогорских монастырях архимандрита Феофана (Сербина). СПб., 1883. С. 13. (Архим. Феофан был в России заключен в 1663 году в Кирилло-Белозерский монастырь.)
312. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 641.
313. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, на Афонскую гору, во Иерусалим, в Египет, в Александрию и в Аравию // Православный Палестинский сборник. Т. XII, вып. 3. СПб., 1891. С. 10.
314. *Успенский Порфирий, еп.* Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 году. Киев, 1877. С. 94.
315. См.: *Гранстрем Е. Э.* Греческие рукописи ленинградских хранилищ // Византийский Временник № 23, М., 1963. С. 195.
316. Там же. С. 197.
317. Цит. соч.: Виз. Врем., № 25. С. 205.
318. Цит. соч.: Виз. Врем. № 27. С. 274.
319. Цит. по: *Архимандрит Порфирий (Успенский).* Указатель актов, хранящихся в обителях Св. Горы Афонской. СПб., 1847. С. 6.
320. См.: *Викторов А.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. С. 84.
321. См.: *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 6.
322. *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы. Киев., 1864. С. 280.
323. Собр. А. А. Дмитриевского, № 35. См.: Гранстрем, цит. соч., вып. 4 // Византийский Временник, № 23, М., 1963. С. 196.
324. Цит по: *Дестунис Г. С.* О каталоге греческих афонских рукописей, составленном летом 1880 года. ЖМНП, 1881, часть 213. С. 170.
325. См.: *Сырку П. А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Т. I, СПб., 1899. С. 58.
326. См.: *Смирнов И.*, свящ. Значение Афона в истории Сербской Церкви // Богословский Вестник, 1911, № 11, ноябрь, Сергиев Посад. С. 597.
327. См.: *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. ТОДРЛ, № 23, Л., 1968. С. 178—179.
328. Ныне — в собрании РГБ, ф. 304, № 756. Там же. С. 179.
329. Там же. С. 179.
330. Цит. по: *Белокуров С.*, указ. соч. С. 39.
331. Там же. С. 39.
332. Там же. С. 41.
333. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 739.
334. Цит. по: *Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIV века. Исследование Псалтири Томича. М., 1963. С. 30.
335. Там же. С. 30—31.
336. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 23.
337. Там же. С. 24.
338. См.: *Ильинский Г. А.* Значение Афона в истории славянской письменности. ЖМНП, 1908, ноябрь, часть 18, новая серия. С. 17.
339. Там же. С. 18.
340. См.: *Салмина М. А.* Дневник архимандрита Антонина (Капустина). ТОДРЛ, № 27, Л., 1972. С. 426—427.
341. *Kadas S.*, op. cit., p. 111.
342. *Муравьев А. Н.* Письма с Востока, часть I. СПб., 1851. С. 180—181.
343. Три древних сказания о святой горе Афонской. М., 1882. С. 6.
344. Цит. по: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 18.
345. Там же. С. 19.
346. См.: *Парфений (Аггеев), инок.* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и св. Земле. (Часть 4-я). М., 1885, с. 140.
347. *Шестаков Д.* Рукописаные собрания Афона (историко-библиографический очерк) // Ученые записки Императорского Казанского университета, декабрь. 1897. С. 13—14.
348. Там же. С. 14.
349. Цит. по: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 61 // Собрание монастыря Ставроникиты, № 97, 1596, окт.

350. Там же. С. 100.
351. № 3, 37, 55, 104, 159, 174, 188, 285, 323. Там же. С. 100.
352. См.: там же. С. 143.
353. *Муравьев А. Н.* Письма с Востока, часть I. СПб., 1851. С. 181.
354. *Порфирий (Успенский), архим.* Описание монастырей афонских в 1845—46 гг. (по актам). ЖМНП, 1848, апрель, отд. II. С. 61.
355. *Порфирий (Успенский), архим.* Указатель актов, хранящихся в обителях св. горы Афонской. СПб., 1847.
356. См.: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского), пожертвованных им в Императорскую Академию Наук по завещанию. СПб., 1891. С. 268.
357. *Kadas S.*, op. cit., p. 117.
358. *Kadas S.*, op. cit., p. 120.
359. Три древних сказания о святей горе Афонской. М., 1882. С. 4.
360. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 687.
361. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 65.
362. Там же. С. 83.
363. *Муравьев А. Н.* Письма с Востока, часть I. СПб., 1851. С. 200—201.
364. Пергамен. Из рукописи монастыря Ксенофа на Афоне. № 1 // Собрание Порфирия (Успенского), ПБ, греч. собр., № 298. См. в: Гранстрем Е. Э. Греческие рукописи ленинградских книгохранилищ, вып. 4 // Византийский Временник, № 23, М., 1963. С. 173.
365. *Порфирий (Успенский), архим.* Указатель актов, хранящихся в обителях св. Горы Афонской. СПб., 1847. С. 5.
366. *Дмитриев-Петкович К. П.* Обзор афонских древностей // Записки Императорской Академии Наук. Т. 6, кн. 1, приложение 4, СПб., 1865. С. 49.
367. *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 13—14.
368. См.: *Викторов Л.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. С. 42.
369. *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 363.
370. Византийский Временник, № 10, примечание 1. С. 98—103.
371. См.: *Kadas S.*, op. cit., p. 121.
372. *Порфирий (Успенский), архим.* Описание монастырей Афонских в 1845—46 гг. (по актам) // Журнал Министерства народного просвещения, 1848, апрель, отд. II. С. 60.
373. Три древних сказания о святой горе Афонской. М., 1882. С. 5.
374. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 102.
375. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 723.
376. *Айналов Д. В.* По Афону // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества, 1906. Т. XVII, вып. I. С. 53—54.
377. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, на Афонскую гору, во Иерусалим, в Египет, в Александрию и в Аравию. // Православный Палестинский сборник. Т. XII, вып. 3, СПб., 1891. С. 11.
378. См.: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского), пожертвованных им в Императорскую Академию Наук по завещанию. СПб., 1891. С. 269.
379. Цит. по: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. I, СПб., 1910. С. 779 (письмо Б. П. Мансурову от 20 марта 1859 г.).
380. Цит. по: *Сырку П.*, цит. соч. С. 213.
381. *Лопарев Х. М.* Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 года // Сообщения Православного Палестинского Общества, февраль, 1897. С. 32.
382. См.: *Kadas S.*, op. cit., p. 125.
383. Цит. по: *Дестунис Г. С.* О каталоге греческих афонских рукописей, составленном летом 1880 года. ЖМНП, 1881, ч. 213. С. 160—161.
384. См.: *Kadas S.*, op. cit., p. 125.
385. *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 123.
386. Б/авт. Эсфигмено-Вознесенский монастырь на св. Горе Афонской. Киев, 1851. С. 5.
387. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 100.
388. Греческие дела архива Министерства Иностранных Дел за 7163 (1654) янв. 22, кар. 48, № 6. Цит. по: *Белокуров С.* Собрание Патриархом Никоном книг с Востока. М., 1882. С. 14.
389. См.: Деяние Московского собора 1654 года. Издание братства св. Петра митрополита, приложение II. Выписка из предисловия к служебнику, изданному в 1655 г. С. 8—9. Цит. по: Белокуров С., цит. соч. С. 14.
390. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 50.
391. *Стадницкий А. Г.* Дневник студента-паломника на Афон. Киев, 1886. С. 131.

392. *Порфирий (Успенский), епископ.* Книга бытия моего. Т. VII. СПб., 1901. С. 195—196.

393. Цит. по: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию Наук по завещанию. СПб., 1891. С. 75.

394. Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. I. СПб., 1910. С. 720. (письмо графу А. П. Толстому от 4 августа 1858 г.).

395. Стихирарные пииты. Отрывок из путешествия епископа Порфирия (Успенского) по Афону в 1846 году // Труды Киевской Духовной Академии, 1878. Т. II. С. 45.

396. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты, часть II (прил. ко II отделению сей части). М., 1881. С. 83.

397. Там же. С. 83.

398. Там же. С. 84.

399. Один из них от 1357 г., август, индикт 10. Император Иоанн Палеолог грамотой утверждает за Эсфигменом пастбища.

400. См.: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского), пожертвованных им в Императорскую Академию Наук по завещанию. СПб., 1891. С. 265—266.

401. *Капустин Антонин, архим.* Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 297.

402. См.: *Викторов А.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. С. 84.

403. Там же. С. 84, 85, 86, 96.

404. *Флоринский Т.* Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880. С. 104—105. (В «Русском художественном листке» за 1859 год, № 6—8, была помещена статья под заглавием «Труды П. И. Севастьянова», перепечатанная некоторыми другими периодическими изданиями («Северной Пчелой», 1859, № 52, «Современником», т. 74). В ней сообщаются краткие биографические сведения о П. И. Севастьянове, указывается на огромное научное значение его работ и перечисляются важнейшие из выставленных им снимков).

405. *Красносельцев Н. Ф.* Материалы для последования литургии св. Иоанна Златоуста. Казань, 1889. С. 4.

406. См.: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 297.

407. См.: *Kadas S.*, op. cit., p. 131.

408. *Oikonomides N.* Actes de Kastamonitou. Paris, 1978 («Archives de l'Athos», IX, pp. 56—59, pl. I, X).

409. Работа по изучению греческих рукописей отечественных хранилищ привела в последние годы к открытию многочисленных автографов переписчиков греческих книг XV—XVI вв. Все эти автографы определены путем идентификации по почерку. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческие писцы эпохи Возрождения // Византийский Временник, № 42, 1981. С. 126.

410. См.: *Фонкич Б. Л.* Две палеографические заметки к изданию актов Кастамонита. (Новые автографы Иоанна Евгеника и Максима Грека) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 38, 1979, № 4. С. 294.

411. Там же. С. 394.

412. Публикуемый Е. Денисовым по рукописи Дионисиева монастыря текст двух эпитафий патриарху Нифонту II признается издателем автографа ошибочным. (См.: *Denisoff E.* Maxim le Grec et l'Occident. Contribution 'a l'histoire de la pensee religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris-Louvain. 1943, pl. VIII).

413. Три древних сказания о святой горе Афонской. М., 1882. С. 3 (прим.).

414. Там же. С. 4.

415. См.: *Леонид (Кавелин), архим.* Рассказ о святогорских монастырях архимандрита Феофана (Сербина). СПб., 1883. С. 3—4.

416. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 49.

417. Цит. по: *Абрамович Д. И.* (составитель). Описание рукописей СПб. Духовной Академии. Софийская библиотека, вып. I. СПб., 1905. С. 126—127.

418. См.: *Фонкич Б. Л.*, цит соч. С. 47.

419. Там же. С. 100.

420. Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778. С. 675.

421. Описание путешествия отца нашего Игнатия в Царьград, на Афонскую Гору, во Иерусалим, в Египет, в Александрию и в Аравию // Православный Палестинский сборник. Т. 12. Вып. 3. СПб., 1891. С. 12.

422. *Парфений (Аггеев), инок.* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и св. Земле. Часть 4-я. М., 1885. С. 163—164.

423. *Викторов А.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. С. 82.

424. «В 1864 и 1865 гг. игумен Кастамонита Симеон собирал обильные подаяния во всей России и наипаче в Сибири, где был даже в Кяхте, и тут входил в молельню монгольскую и видел идолов». Цит. по: Успенский Порфирий, еп. Восток христианский. Афон. История Афона, часть III. Афон монашеский. СПб., 1892. С. 371.

425. *А. Р.* Греческое рукописное Евангелие первой половины XI века, хранящееся в библиотеке СПб. Духовной Академии (под № Б 1/2). Христианское чтение, 1892, январь—февраль. С. 91.

426. «Этот император Роман (III. — *Авт.*) (Агрира) — он при императоре Константине (VIII. — *Авт.*) был патрицием, а по смерти Константина (15 ноября 1028 г.) тотчас вступил на престол; скончался насильственной смертью 11 апреля 1034 года». (*Скабалланович.* Византийское государство и Церковь в XI в. СПб., 1864. С. 14, 26).

427. *А. Р.,* цит. соч. С. 94.

428. Еванг. чтения, 1033 г. перг. Переплет — доски в коже, обтянутые шелковой тканью. Б I № 2, СПб., собрание СПб. Духовной Академии. См.: *Гранстрем Е. Э.* Греческие рукописи ленинградских хранилищ. Вып. 3 // Византийский Временник, № 19, М., 1961. С. 201.

429. См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусские памятники в югославянской письменности. ТОДРЛ, М., 1963. С. 24.

430. См.: *Шестаков Д.* Рукописные собрания Афона // Ученые записки Казанского университета, декабрь, 1897. С. 18.

431. См.: *Черкасов И.* Глас с Востока о святых местах Афона и Иерусалима. Ч. I, Киев, 1895. С. 168.

432. Там же. С. 168.

433. См.: Православный собеседник, 1862, февраль. С. 148.

434. Полное собрание Русских Летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись 1037 г. СПб., 1846. С. 65—66.

435. Пантелеимон (Успенский), иером. Из записок путешественника по Афону // Богословский вестник, 1915, январь. С. 87—88.